

Ник
ПЕРУМОВ
ЧЁРНОЕ КОПЬЁ

КОЛЬЦО ТЬМЫ

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Черное копьё

«ЭКСМО»

1993

Перумов Н.

Черное копьё / Н. Перумов — «Эксмо», 1993 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 5-699-12398-9

Поставив последнюю точку во «Властелине Колец», профессор Толкиен закрыл дверь в созданный им мир эльфов и гномов, орков и гоблинов, хоббитов и людей и выбросил магический ключ. Лишь одному писателю – Нику Перумову – удалось нащупать путеводную нить в таинственный и хрупкий мир Средиземья. Задача оказалась непростой, ведь каждый неверный шаг грозил потерей тропы, каждое неточное слово могло погубить волшебство. Но талант победил. Мир Толкиена ожил, преобразился, заиграл новыми, ранее неизвестными красками и... превратился в мир Ника Перумова. А задуманное как свободное продолжение «Властелина Колец» произведение переросло в яркую, увлекательную эпопею, одну из самых заметных в российской и мировой фантастике.

ISBN 5-699-12398-9

© Перумов Н., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	72
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ник Перумов

Черное копьё

*Дрогнет Запад, и дрогнет Восток —
Сила, Сила в Руке.
Девять Звёзд – Синий Цветок,
Синий Цветок на Клинке.*

Часть первая

Глава 1 За Карн-Думом

Жирный чёрный дым медленно поднимался из долины и едва достигал вершин окружающих долину холмов, как упорно дувший уже третий день жёсткий северо-восточный ветер рвал его клубы в мелкие клочья. Однако стоило ветру ослабить свой напор хотя бы на миг, как дымный столб тотчас добирался до низких серых туч, затягивавших всё небо; и был он настолько плотен, что вобравшие его в себя тучи постепенно меняли цвет, становясь словно вываленными в жидкой осенней грязи. Но ветер не затихал, после минутной передышки он принимался дуть ещё с большей силой, и тогда у Фолко начинали стучать зубы.

Друзья сидели у небольшого костра, разложенного среди обросших зелёно-голубоватым мхом серых плоских камней, поставленных стоймя какой-то исполинской рукой; в их острых краях злобно и тонко выл ветер, точно голодный июньский комар. Рассёдланные пони понуро бродили по каменистому склону, разыскивая редкие пучки желтоватой пожухлой травы. Малыш зябко кутался в плащ и жалобно хлюпал носом, угрюмый Торин уже в сотый раз проводил правильным камнем по лезвию своего блестящего топора, и без того никогда не знавшего даже малейшего следа ржавчины, хоббит подбрасывал хворост в костёр да от нечего делать провожал взглядом неторопливо ползущие вверх чёрные космы.

Шёл ноябрь, осень уступала место предзимью; здесь, на севере, в дне пути от Ангмарских гор, уже всю гуляли холодные ветры. Северо-восточные были хоть и студёнее, но суше, а вот когда налетал северо-западный, то уже не помогали никакие костры. Ледяной липкий холод пробирался в мельчайшие щёлочки, и хоббит никак не мог согреться. Уныло гнулись давным-давно облетевшие местные берёзки, чахлые, слабосильные, их тонкие чёрные ветви словно в отчаянном усилии цеплялись за что-то невидимое – может, за уходящее тёплое время?

Фолко помешал булькавшее в котелке варево. Давно уже он забыл те времена, когда в столовую Бренди-холла медленно и торжественно вносилась голубая супница, испускающая сладостные ароматы, и тётушка большим серебряным половником разливала горячую дымящую жидкость по фаянсовым тарелкам, не жалея ни мяса, ни овощей со дна... Фолко усмехнулся. Теперь он привык мешать в котелке наспех обструганной веткой – такой же, какая была и сейчас у него в руках.

Их походная пища – суп не суп, каша не каша, жаркое не жаркое – всё вместе! – собственное изобретение хоббита, необычайно простое, быстрое и сытное – ещё не поспела, и он вновь отвернулся от костерка, лениво следя за копошащимися в долине воинами, что суетились возле пожарища. Арнорские дружинники дожигали там остатки мрачного ангмарского острога; левее, на господствующей высоте, вперемешку с людьми мелькали низкие коренастые

фигурки гномов – по приказу наместника там сооружали каменную дозорную башню для сторожевого поста.

– Долго мы ещё тут гнить будем?! – не выдержал Малыш, шумно шмыгая носом. – Где этот Рогволд?! Где обещанный припас?! Каждый час дорог!

Фолко досадливо поморщился, Торин в сердцах сплюнул. Они прошли с войском наместника и охочими гномами (жадных до драки тангаров набралось больше восемнадцати сотен) через весь Ангмар, стараясь напасть на след остатков воинства Олмера, ускользавших, точно стремительная болотная гадюка. Когда передовые отряды дружинников подошли к рубежу Ангмара, то вместо стрел и копий северных удальцов их встретили седобородые старейшины, жалобно рыдавшие и молившие о пощаде женщины да визжащие от страха дети, а отдельно от них к лагерю наместника стали стекаться ангмарские мужчины – крепкие, кряжистые, чернобородые, совсем не злобные и не страшные; низко кланяясь победителям, старейшины в один голос уверяли, что у них и в мыслях не было воевать с Великим королевством; напали на Арнор изгои, проходимцы, люди без роду и племени; и отвечать за них Ангмар не может.

– Ты видишь, о могучий, никто из наших мужчин не ходил к Форносту, – глядя снизу вверх в невозмутимое и непроницаемое лицо наместника, говорили они. – Вот они все перед тобой, и, хотя на нас нет никакой вины, мы молим – укажи, чем нам заслужить прощение?

Хоббит скривился и тряхнул головой, вспоминая эту сцену, за которой затаив дыхание следило всё войско. Примет наместник настойчиво предлагаемый ему мир – и у них появляется шанс настигнуть уцелевших зачинщиков ещё в Ангмаре, нет – придётся выковыривать этих упрямец из их горных укывищ, и кто знает, сколько понадобится положить на это жизнью?

Наместник принял мир. Он наложил дань на Ангмар, обязал старейшин выдать заложников, сложить оружие: мечи, секиры, брони, шлемы, особенно – арбалеты, оставляя лишь луки для защиты стад от волков; а также выделить отряды для постройки наблюдательных постов на перевалах Ангмарских гор. Потребовал он и поимки скрывшихся бунтовщиков, но старейшины лишь ещё нижегнули такие жёсткие, не умеющие кланяться спины и твердили одно: мол, все дерзкие налётчики, не задерживаясь, прошли через Ангмар к перевалу, искать их нужно за Карн-Думом. Разослав отряды по главным селениям Ангмара, наместник с отборной дружиной и гномами бросились в погоню за беглецами по едва заметным следам на узких горных тропах. Преследовать их оказалось куда как нелегко – случались и обвалы, и невесть откуда взявшиеся стрелы находили неудачливого арнорца, беспечно снявшего шлем; вдобавок Олмер, уводя своих в неведомые пространства за Гундабад, разделил войско на десятки мелких отрядов, шедших разными дорогами. Мало чего удавалось добиться и от местных жителей – несмотря на изъявления покорности, в каждой деревне победителей встречали злобные, ненавидящие взгляды, что бросали исподтишка им вслед поднявшиеся с колен ангмарцы. И если бы не опыт искусных следопытов, таких, как Рогволд, им никогда было бы не разыскать след исчезнувших конных сотен Олмера. Его пехота была большей частью перебита в первом же бою, вырваться из смертельных объятий хирда удалось немногим; уцелевшие же почти все либо попали в плен, либо разбежались кто куда, кроме орков. Эти, оставив на поле битвы почти три четверти своих, не бросили Олмера, и на редких попадавшихся преследователям стоянках встречались то грубый, окованный железом орочий башмак, то тяжёлый расколотый щит с едва различимой Белой Рукой; а однажды передовой дозор притащил в лагерь мёртвого орка – по всей видимости, раненного и добитого своими же. Обнаружили себя и хазги. Несколько раз их толстенные, не знающие промаха стрелы выбивали из сёдел арнорских дружинников; видели и их самих, отходивших последними.

Ангмар лежал позади. Изъявившая покорность, но покорившаяся ли страна? Сердце подсказывало хоббиту, что с этим народом ещё будет много хлопот; такого же мнения были и его друзья. Олмер исчез – скрылся за затянутыми низкими снеговыми облаками перевалом; и наместник объявил войску, что они поворачивают назад.

– Мы не можем бесконечно блуждать в заснеженных бесплодных землях, – говорил он. – А если смутьяны и решились сунуться туда – что ж, их ожидает скорая гибель от голода и стужи. А обратно в Ангмар их не пропустит остающаяся тут дружина. Порубежники Беорнигов тоже предупреждены – враг не пройдёт и там.

Люди и гномы приветствовали его слова громкими одобрительными возгласами. Помалкивали лишь те, кому выпало зимовать здесь до прихода подмены; гномы же намеревались заглянуть в свои старые поселения у северного окончания Туманных гор и тоже не хотели воевать дальше. Их повёл молодой и горячий Хедин, сын Хорта. Фолко же, Торину и Малышу ничего не оставалось, как идти дальше. Не решившись, однако, раскрыть кому бы то ни было цель своего путешествия, они сказали Рогволду, что не собираются возвращаться в Арнор, а попытают счастья на Востоке, в Эреборе, где Дори собирает для похода в Морию всех смелых тангаров. Опечаленный сотник стал было возражать, но Торин лишь отрицательно качал головой в ответ на все его увещевания да просил об одном – по старой дружбе помочь с припасами и тёплой одеждой на дорогу. Тот обещал, и вот друзья сидели неподалёку от ведущей к перевалу дороги, время от времени поглядывая на смутно чернеющие, совсем близкие громады гор. За серым гребнем лежало ущелье, заросшее угрюмым еловым бором; там, от старой ангмарской заставы, начиналась дорога к перевалу. Передовые дозоры Арнора вернулись несколько часов назад – след врага терялся за горными кручами.

Заворожённо глядя на огонь, хоббит погрузился в странное оцепенение. Где-то вокруг него шумел ветер и двигались живые существа, где-то далеко позади, в невообразимой дали расстояний и времён остался его дом и его семья, впереди была неизвестность, а сам он застыл между прошлым и будущим, не решаясь соскользнуть ни вперёд, ни назад. И как хорошо, что не нужно никуда двигаться – пока. Всё ещё в твоей власти, ты всё ещё волен изменить – ничто не даёт такого ощущения, как застыть на миг перед расходящимися путями и знать, что ты свободен в выборе...

Позади него послышалось цоканье копыт; по склону поднимался Рогволд, ведя в поводу трёх вьючных лошадей. Старый сотник брёл, уныло опустив голову.

– Наконец-то! – с облегчением вздохнул Торин, вставая. – Давай, Малыш, перекладывай на пони... Фолко, не стой столбом! Помогай!

Вскоре всё было готово. Подтянут последний ремень на тюке, проверена последняя подкова; пора было прощаться.

– Дайте мне поговорить с Фолко наедине, – неожиданно дрогнувшим голосом обратился к гномам Рогволд.

Малыш удивлённо вскинул было брови, но Торин, бросив на хоббита быстрый понимающий взгляд, дёрнул гнома за руку и отвёл в сторону. Сотник и Фолко остались одни.

– Мы снова расстаёмся, Фико, – тихо заговорил арнорец. – И я вновь не понимаю тебя. Разве ты гном, чтобы связывать свою судьбу с судьбой этого подземного народа? У них свои пути, а у нас, живущих на земле, – свои. Что тебе делать в этом Эреборе? Идти отвоёвывать Морию? Что тебе в ней? Мне страшно за тебя, Малыш. Первый раз всё обошлось, но обойдётся ли во второй? Нет, погоди, не перебивай. Ты хоть и подрос за эти месяцы, но в хирд тебя всё равно не возьмут! Ну что, что ты там будешь делать?.. Впрочем... – Голос сотника неожиданно отвердел. – Давай уж напрямую! Чего вам хитрить со мной? Думаешь, я не понял, с кем вы решили потягаться? Изловить самого Олмера, так, не иначе?!

Сперва Фолко опешил, но Рогволд смотрел прямо и пронзительно, и солгать было уже нельзя.

– Да, мы идём за ним. – И с языка само собой сорвалось: – Пойдём с нами?

Бывший сотник печально усмехнулся.

– Об этом чуть позже... Подумай ещё раз, хоббит, на что ты идёшь? У тебя впереди – снежная пустыня. Никто из вас не ходил раньше по северным скатам Серых гор, никто не знает

тамошних путей! На что вы надеетесь?! Рискую своей жизнью, ты не имеешь права забывать о тех, кого оставляешь по эту сторону Гремящих морей, о тех, кто любит и ждёт тебя.

– К чему это, Рогволд? – тихо начал хоббит, глядя на сошедшиеся в каком-то гневно-страдальческом изломе брови сотника и чувствуя, что в груди поднимается смутная пряная волна, поглощающая страх и неуверенность. – Это же враг, Рогволд, враг всему, что мы любим и чему верны. Сердце подсказывает мне, что он не успокоится. Наместник поворачивает назад, но мы не в силах. Нам не будет ни сна, ни покоя, пока по Средиземью бродит именуемый себя Олмером. Он сумел уйти, и не нашлось никого, кто дерзнул бы преследовать его за пределами обитаемых областей. Что ж, мы берём это на себя. Хоббиты когда-то прорвались в самое сердце цитадели Тьмы, несмотря на все преграды и страхи, – почему же я, прямой потомок одного из знаменитой четвёрки, должен повернуть назад, раз судьба распорядилась по-своему и я оказался втянутым в это дело?!

Хоббит стоял, сжав кулаки, его щёки пылали; незаметно к спорящим вновь подошли гномы. Рогволд с тяжким вздохом наклонил голову, и губы его сжались в узкую бледную полосу.

– Наверное, вы правы, – глухо заговорил он после минутного молчания. – Да, наш мир меняется прямо на глазах. – Он невесело усмехнулся. – У нас в Арноре бытует поверье, что страна будет стоять незыблемо, доколе из своего добровольного уединения не выйдут хоббиты. Кто знает – не к тому ли идёт дело?

– К чему эти красивые слова, Рогволд, – поморщился Торин. – Ты хочешь знать правду? Изволь. Мы действительно хотим настичь Олмера и пусть даже полечь там, но покончить с ним. Хочешь, будь с нами! Или ты считаешь, он не опасен и гоняться за ним – лишь блажь возомнившего о себе хоббита да двух обленившихся гномов?

– Никогда не говорил ничего подобного! – сверкнул глазами Рогволд. – И я повторю вам: Олмер опасен, необычайно опасен, опаснее всего, с чем или с кем сталкивалось королевство за три века после Победы... Как ловко он сумел превратить своё поражение почти в победу! Пусть погибла пехота – зато уцелели лучшие конники. Но уцелевшие ратники запомнят и, главное, расскажут другим, – Рогволд даже подался вперёд в напряжении, – расскажут другим о благородстве Вождя, не бросившего их на произвол судьбы! Как ловко он сумел убраться из Ангмара, отведя гнев наместника от тех, кто кормил и снаряжал его войско! Как ловко скрылся, оставив по себе и в Ангмаре добрую память – не поссорившись со здешними старейшинами. Не говоря уж о том, что он сумел сделать, объединив всех, кто только мог держать оружие и у кого были хоть какие-то причины и основания сказать себе: «Арнор обидел меня, или мой род, или моих друзей. Я пойду не грабить, а мстить!» Грабителей остановить было бы гораздо легче! Олмер очень, очень опасен, и идти за ним – безумие!

– Это почему? – жёстко спросил Торин, сжимая губы.

– Дозоры донесли, что конница Олмера стремительно уходит на север, – не опуская глаз под взыскующим взглядом гнома, отвечал старый сотник. – Я не знаю, на что он рассчитывает, как намеревается выжить и прокормиться эту зиму за Карн-Думом. Мы закроем перевалы наглухо, обратно ему будет не сунуться. Полагаю, он прекрасно понимает это. А раз так, то у него не остаётся ничего другого, как изо всех сил, не жалея ни людей, ни коней, пробиваться к Эребору, где он может найти пропитание для воинов и корм для лошадей.

Через Серые горы ему не перебраться – я сам когда-то хаживал вдоль них и знаю, что говорю. Они отрезали Олмера от населённых мест, и ему нужно как можно скорее проскочить снежную пустыню, что лежит за ними. Я говорил, кое-кто там всё-таки живёт, но на сотни лиг пути от Гундабада до самого восточного края хребта вы насчитаете не больше сотни домов.

– А разве он не может прорваться в Приречные земли через Гундабадский мост? – озабоченно спросил Торин.

– Не думаю, – покачал головой Рогволд. – Беорнинги слишком тесно повязаны с королевством, чтобы в открытую пропустить через свои владения его врага, о котором они уже получили извещение. А если Олмер вздумает схватиться с ними, его ждёт ещё более быстрая смерть. Гундабадский мост, который держат Беорнинги, непреодолим для любого врага. Ты бывал там?

– Только слышал, – признался гном.

– Тогда я расскажу, чтобы вы знали о нём больше. Дорога от Карн-Дума поднимается там высоко в горы, идя узким ущельем с отвесными склонами, вскарабкается по которым смогут лишь самые ловкие из людей. Ущелье обрывается у громадной пропасти, отделяющей Гундабад от Туманных гор. Глубина её – пол-лиги, и, когда стоишь на мосту, дна не видно. Внизу течёт холодный горный поток, берущий начало на ледниках Гундабада. От снежных равнин, что лежат к северу от Серых гор, эту пропасть отгораживают неприступные скалы, преодолеть которые и попасть в каньон с его северного конца ещё никому не удавалось. Через эту пропасть переброшен узкий – в ряд по нему могут идти не больше пяти человек – и длинный, около лиги, мост. На другом конце его – крепость. Её бастионы охватывают мост с обеих сторон – последние триста шагов по нему не пройдёшь иначе как под градом стрел и камней. К тому же самая последняя часть моста сделана подъёмной... Нет, если только Беорнинги не пропустят его сами, Олмер не прорвётся там, а если он подкупит их... Что ж, им придётся возвратить взятое, и тамошним правителям это прекрасно известно. Нет, Олмеру не пройти в Приречье.

– А может, у него там укывище на севере? – предположил Торин.

– Может, но что ему в нём? Ему нужно зализывать раны, подтягивать подкрепления – начав войну, из неё так просто не выйдешь, а разве это сделаешь в бесплодной снежной пустыне? Ангмар многих не прокормит... Да и опасно оставаться так близко от наших постов. Нет, я бы на месте Олмера, не теряя ни дня, уходил бы на восток.

– А он точно нигде не сможет перемахнуть Серые горы? – забеспокоился хоббит. – При его-то ловкости – вдруг да найдёт тропку?

– Нет тропок в Серых горах, – покачал головой сотник. – И он не перейдёт их, если, – он метнул косою взгляд на Торуна, – если его не пропустят тамошние гномы. Не в обиду вам будет сказано, согласитесь, встречаются и среди ваших старейшин такие, что могут позариться на золото и самоцветы. А этого добра он из Форноста вывез немало.

– Не пропустят, – отрезал Торин, зло блеснув тёмными глазами, – не пропустят! Потому что уже знают, что нельзя.

– Знают? – разинул рот Фолко. – Откуда?

– Мы послали им весть... с Рудным Эхом, – нехотя бросил гном.

– Ого! – изумился Рогволд. – Давненько я хотел расспросить кого-нибудь из гномов, кто сведущ в этом, – надоело довольствоваться сказками. Что это такое? Я знал, что между гномьими королевствами Средиземья существует какая-то связь.

– Я не могу ничего сказать вам, друзья, – виновато развёл руками Торин, а Малыш смущённо потупился. – Мы нарушим страшную клятву, данную именем... Нет, не спрашивайте меня больше!

– Хорошо, но ответь мне другое, – медленно произнёс Рогволд. – Почему же вы тогда не устроили так, чтобы ваши собратья встретили этого Олмера и покончили с ним? Почему вы даёте ему возможность ускользнуть, когда всё могли бы решить несколько слов?!

Брови сотника гневно сошлись, голос стал сухим и жёстким. Однако ни Малыш, ни Торин не моргнули и глазом.

– Разве королевство потомков Дьюрина в Серых горах стало данником и вассалом Арнора?! – медленно закипая, напыщенно начал было Малыш, однако Торин остановил его.

– Что могут в поле одни гномы против летучей конницы? – с лёгким укором ответил он сотнику. – Странно, что ты говоришь об этом!

– Да им не нужно было бы выходить в поле! Впустили бы этих разбойников к себе в пещеры и передавали бы, как крыс! – Рогволд рубанул рукой воздух. – Чего уж тут церемониться!

Торин покраснел, Малыш насупился, однако они вновь сдержали себя.

– Мои соплеменники не пойдут на такое! – гордо отрезал Торин.

– Такое! Что тут «такого-то»? – горько передразнил его сотник. – Враг есть враг, и поступать с ним нужно соответственно. Раздавить гадину! Не ждать, пока она отрастит себе новые щупальца взамен отсечённых.

– У нас, у гномов, не так, – тихо, но непреклонно ответил Торин.

Наступило неловкое молчание. Его нарушил Рогволд; старый сотник смущённо покряхтел, провёл рукавом по подбородку и заговорил снова, мягче и без металлических ноток:

– Ну не пропустят так и не пропустят. Но тогда я не вижу, какой вам толк пытаться настигнуть опытного воина, у которого вдобавок на счету каждый день. Легко догадаться, что вы увидите на месте тех починков, что стоят там сейчас...

– А что? – жадно спросил хоббит, не сразу заметив потемневший взгляд Торина.

– Пепелище, вот что! – резко бросил Рогволд. – Люди Олмера выметут всё подчистую, и в первую очередь – зерно и сено. Если у них в пути падут кони – считайте, им всем конец. Да... Но, так или иначе, вам придётся идти через не только заснеженную, но и разграбленную пустыню. Припасами же на весь долгий путь от Гундабада до Эребора не запастись. Поэтому мой вам совет: не теряя времени, ступайте к Одинокой горе, но через земли Беорнингов, по хорошим и устроенным путям. Ручаюсь, вы опередите Олмера и перехватите его возле Озёрного Города.

– А наместник разве не отправил гонцов в Приозёрное королевство с просьбой задержать ангмарское воинство? – с самым невинным видом спросил Малыш.

– Не знаю, – помрачнел Рогволд. – Не могу ничего говорить об этом – как и ты, Торин, не властен раскрыть мне секрет своего Рудного Эха.

– Не можешь – не говори, – спокойно отозвался Торин. – Скажи лучше, не отправишься ли ты с нами? Дело, достойное такого опытного воина и следопыта, как ты. Нам будет очень не хватать твоей помощи!

Рогволд не выдержал пристального взгляда гнома и опустил голову.

– Нет, я не могу идти с вами, – с усилием выговорил он. – Подумайте сами, сколько дел будет здесь! Нужно блюсти границу, готовить новое войско, нам придётся создать части конных лучников, способных противостоять подвижным арбалетчикам Олмера, придётся следить за всем мало-мальски подозрительным в Эриадоре, Энедвэете и Минхириате, чтобы не пропустить новый набег. А ещё нужно управиться с Морским народом, усмирить вместе с Роханом вновь зашевелившийся Дунланд... и так далее. Наместник вновь призвал меня к себе на службу, и я обязан остаться. Кстати, я бы на вашем месте не очень-то трепал языком, даже среди надёжных друзей. И поостерегитесь обращаться к наместнику! У меня подозрение, что у Олмера есть уши в столице. Вам лучше уйти так, как вы и решили, – тайно и не медля! На ваших плечах, быть может, лежит главный долг...

При этих словах у Фолко вырвался горький вздох. Теми же словами напутствовал мудрый Элронд отправлявшихся из Ривенделла Хранителей; какой насмешкой звучали они сейчас! Тогда хоббиты уходили, неся с собой Рок Средиземья, после Великого Совета, получив наказания и наставления от столпов Светлых Сил; и мудрость могущественнейшего из этих столпов, Гэндальфа Серого, была вместе с ними почти всегда. А здесь вместо могучего Арагорна, сына Арахорна, потомка Исилдура, будущего Великого короля, старый, уставший от жизни арнорец, простой воин, рождённый обычной женщиной; вместо дружной четвёрки – один хоббит, хоть и подросший и в мифрильной броне; гномов, правда, двое – да разве в числе дело? За

судьбой отряда Хранителей с трепетом следили все Посвящённые; если же сгинут они, слезу прольёт, быть может, один лишь Рогволд...

Порыв холодного ветра ворвался под их плащи, и хоббит, с унынием глядя на покрытые снежными шапками горы, вновь ощутил в себе уже знакомое раздвоение – одна его часть, там, где жили предания о доблести и чести предков, сурово говорила: «Не обманывай себя; война окончится не скоро, и доживёшь ли ты до конца её?»; другая же, сохранившая не истреблённые никакими странствиями и лишениями воспоминания о горячем супе, золотистом жарком и ароматном пудинге, постоянно пыталась найти повод, чтобы хоть как-то избежать трудов и опасностей. Вот и сейчас эта его половина задала Рогволду робкий, почти безнадежный вопрос, тем более нелепый, что пятью минутами ранее им же утверждалось совсем иное.

– А почему ты так твёрдо веришь, что Олмер появится снова?

– Я? Твёрдо верю? – Рогволд усмехнулся. – Ни во что теперь не верю. Конечно, лучше всего было бы, чтобы он сгинул где-нибудь в Прирунье... Может же так случиться, правда? Но готовиться всё равно надо к худшему – что он вернётся и что его силы возрастут многократно.

Наступило молчание. Торин хмурил брови, Фолко понуро ковырял в углях потухающего костра, и лишь Малыш смотрел спокойно и бестрепетно, как будто его ничуть не пугало будущее. Тягостную тишину первым вновь не выдержал арнорец. Рогволд стал говорить о дороге к перевалу, о пути через долину Андуина; называл приметные места, удобные стоянки; после чувствительного толчка в бок хоббит очнулся и стал поспешно делать записи.

Фигура Рогволда, замершего с поднятой в прощальном приветстве рукой, скрылась за обступившими путников сумрачными древними елями. Фолко рукавом отёр неожиданно набежавшие слёзы. Сотник более не пытался удержать его; но в его взгляде хоббит прочёл невысказанную убеждённость, что эта их встреча – последняя и что они расстаются навсегда. Фолко изо всех сил старался убедить себя, что всё будет не так, всё кончится хорошо, и сам понимал, что это – лишь пустые слова. Они условились с Рогволдом, что отправят ему весточку, когда достигнут Озёрного Города; старый сотник, в свою очередь, обещал написать и отправить письмо в Эреббор по королевской эстафете. Хоббит записал имена надёжных людей в Эсгароте, в Дэйле, в самом Минас-Тирите – ибо кто знает, куда заведёт дорога? Сотник обещал как можно скорее оповестить своих друзей в Гондоре, чтобы в случае чего тревожные вести от трёх путников не застали бы их врасплох. Рогволд не забыл упомянуть и загадочный дом в Аннуминасе, где хоббит наткнулся на поклоняющихся Могильникам, обещая не спускать с него глаз. И уже изрядно отъехав, хоббит вдруг вспомнил, что не предупредил сотника последить за лавкой Архара, но было уже поздно.

Глухая лесная дорога петляла меж диких скал, обросших мхом, пробиваясь через древние дремучие боры. Трое друзей медленно, но упорно продвигались на юго-восток, через угрюмый каменный хаос Этгенмоора к Туманным горам. Суровые северные леса, зажатые горными теснинами, надёжно, как им казалось, скрыли их след, и они опасались лишь дикого зверя. На душе у хоббита было смутно и тягостно. Новая дорога не принесла привычного уже облегчения от груза оставляемых позади забот, напротив – нелёгкие думы и вопросы без ответов не отпускали его ни на миг. Он вспоминал слова Радагаста, сказанные магом перед расставанием: «Не знаю, откуда в Олмере из Дэйла эта сила. Не могу сказать, лишь чувствую... есть она. Да вы и сами помните. Надо узнать, что она такое! Но... Гэндальфу Серому потребовалось несколько десятков лет, чтобы понять, что же за Кольцо попало в руки Бильбо Бэггинса, а Серый тогда был в зените своего могущества...» Вглядываясь вперёд, хоббит не мог увидеть их цели. Легко сказать – убейте Олмера! А если они не найдут его? Он всё же не Роковая Гора – та по крайней мере не могла двигаться... А прознать, кто вообще такой этот Олмер и как он собирал своё войско, как копил силу и какой она природы – тут впору братья за дело всему Светлому Совету!

Торин тоже ехал хмурый и озабоченный. Один Малыш был весел и бодр; не задаваясь непосильными вопросами, он легко и без споров взял на себя добрую часть дорожных хлопот. Так шли дни. Путники по-прежнему не встречали ни одной живой души. Лёг и растаял первый снег; всё ближе и ближе подступала зима. Всё чаще и чаще хмуривший брови Торин озабоченно глядел на постепенно придвигающиеся вершины Туманных гор, что-то бормотал себе под нос и поторапливал друзей.

– Нам надо успеть перевалить горы, пока снег окончательно не закрыл перевал, – пояснил он свою тревогу.

Медленно тянулись однообразные, похожие друг на друга дни. Окружающая местность мало-помалу менялась, пронзённые скалистыми копиями леса уступали место предгорьям. Где-то далеко на юге остался таинственный Ривенделл; Фолко дорого бы дал, чтобы сделать крюк и заглянуть туда, но времени у них не было. Вдобавок в один из дней они наткнулись на следы чьей-то давнишней стоянки, и пришлось сторожить по ночам.

Однако весь десятидневный путь от границы Ангмара до начала горной тропы, ведущей через Туманные горы, они прошли без всяких происшествий.

Тропа вывела в узкое ущелье, стиснутое неприступными голыми утёсами, и стала карабкаться вверх. Исчезли деревья, кусты, трава – вокруг были лишь камень да снег. Хотя запасливый Малыш и захватил с собой топливо, дрова приходилось беречь, и по ночам путники жестоко страдали от холода. Вскоре ночевать на открытом воздухе, даже в их надёжной и почти непродуваемой палатке, стало невозможно, и в один из вечеров Малыш, лязгая зубами, предложил устроиться в какой-нибудь пещере, чтобы укрыться от пронизывающего ледяного ветра. Торин с сомнением покачал головой, хоббиту тоже стало немного не по себе. Где-то в этих горах давным-давно жили орки, тут были их главные твердыни; кто знает, не остался ли здесь кто-нибудь из этого народа? У хоббита вдобавок не шла из головы описанная Бильбо история о том, как они угодили в лапы к горным оркам, беспечно устроившись на ночлег в прекрасной, сухой и, казалось, необитаемой пещере.

Повесив головы и закутавшись в плащи, друзья медленно брели по узкому ущелью, ведя в поводу упирающихся пони. Хоббит замотал себе всё лицо, оставив лишь узкую щель для глаз – так жесток и холоден был дувший им навстречу ветер.

Под вечер тропа привела друзей на совершенно открытое место, где ветер был так силён, что им никак не удавалось даже поставить палатку. Фолко же, влекомый своим неясным ощущением неведомого, ставшим по-прежнему смутной, но уверенностью, не зная покоя, стал рыскать по окрестным камням.

Вскоре его пальцы нащупали запорошенную снегом щель между двумя каменными складками. Разметав тонкий белый покров, Фолко увидел чёрную глубину узкого лаза, ведущего куда-то в темень, и окликнул друзей.

Нелегко было затащить испуганных пони в тёмную пещеру, но, кое-как справившись, гномы развели небольшой огонь и стали осматриваться. Пещера оказалась удобной и сухой, в неё даже не намело снега.

Острое чутьё вело хоббита по следу необыкновенного, как охотничьего пса ведёт за собой свежий след лесного зверя. Покружив по пещере, Фолко остановился возле громадного, выпирающего из стены камня. На первый взгляд он ничем не отличался от остальных; и всё-таки что-то в нём было не то. Гномы тоже пошарили вокруг глыбы, однако ничего не нашли.

Смеркалось. Едва-едва тлел прогоревший костерок. Малыш и Торин, пригревшись, быстро уснули, хоббит остался на страже. Под рукой у него лежал смоляной жгут, наготове был лук и стрелы. Тишину нарушал лишь вой ветра снаружи да мерное сопение гномов. И тут Фолко почувствовал взгляд.

Чей-то невидимый взор пристально вглядывался в темноту, стараясь понять, кто или что сейчас находится перед ним. Ощувив напряженное и недоброе внимание, хоббит едва не под-

прыгнул, однако смирил страх, даже, напротив, откинулся и широко зевнул. Память невольно воскресила его давнюю встречу с карликом на границе Старого леса, но сейчас он не только чувствовал этот взгляд, но мог даже точно сказать, откуда на него смотрят и что смотрящий пока один: «Глаза не хуже, чем у кошки, – мелькнула мысль. – Как он в такой темени что-то разобрать может?!» Каждый мускул тела хоббита напрягся; пальцы сжали рукоять метательного ножа; Фолко ждал. Он боялся разбудить гномов, чтобы не спугнуть смотрящего на них; хоббит надеялся, что тот обманется сонным видом незадачливого караульщика и попытается напасть.

Неожиданно подозрительный камень на другой стороне пещеры стал бесшумно отъезжать в сторону; в щель хлынул свет многочисленных факелов, а спустя ещё мгновение на них молча ринулись здоровенные плечистые орки с короткими прямыми мечами. Передний рухнул с ножом хоббита в горле, и остальные на миг замешкались; однако и этого мига хватило гномам, чтобы вскочить на ноги. Друзья спали, не снимая доспехов, и успели встретить врага, встав спина к спине. Кровавый отблеск факелов упал на обнажённое гномами оружие.

Однако орки не полезли вперёд очертя голову. Прежде всего они перекрыли выход из пещеры и стали медленно обступать друзей со всех сторон, словно давая им время полюбоваться своей силой. За меченосцами Фолко заметил лучников; и едва те появились и натянули тетивы, из толпы врагов раздался властный приказ:

– Сложить оружие!

– А больше ничего не хочешь?! – в отчаянии заорал Торин, разражаясь потоком самых чёрных проклятий на своём языке.

У Фолко от страха отнялись руки – только теперь он вдруг понял, что это конец, – они окружены, и как теперь отбиваться?

– погоди, почтенный, – вдруг мягко и рассудительно заговорил Малыш, бестрепетно выступая вперёд, небрежно отодвинув ошеломлённого Торуна. – С чего это вдруг нам класть оружие? Меня его тяжесть вроде бы ещё не утомила.

– Ты что, не видишь? – с насмешкой отвечал невидимый предводитель. – Ты полагаешь, мы станем тупить наши добрые мечи? У меня достаточно лучников, чтобы из тебя торчало столько же стрел, сколько волос в бороде вашего Дьюрина! Так что бросай железо и не разговаривай!

– А нельзя ли увидеть, с кем мы имеем честь беседовать? – кротко осведомился Малыш. – Неудобно как-то, говоришь, а лица не видишь...

Раздался грубый хохот, ряды орков раздвинулись, и вперёд вышел их вожак в доходящей до колен кольчуге, с плоским шлемом на голове и длинным двуручным мечом, резко отличавшимся от оружия его собратьев. Факелы осветили его довольно-таки правильное для орка лицо, и хоббит понял, что перед ним – один из Сарумановых урукхаев.

– Хотя... Чем кромсать друг друга, давайте лучше побеседуем, – довольно мирно предложил он, несказанно поразив этим хоббита.

Торин же если и был удивлён, то и глазом не моргнул. Его голос, как всегда хриплый в минуту опасности, был твёрд.

– Нам не о чём говорить! – Гном гордо выпрямился, держа наготове топор; лица не было видно под опущенным глухим забралом, на отполированной стали играли багровые блики факелов.

Орк прищурился, его рука в чёрной боевой рукавице лежала на рукояти меча.

– Мы можем принудить вас, но зачем это? – по-прежнему незлобно сказал он. – Нам нужно кое-что узнать от вас. Выхода у почтенных гномов нет. Так почему бы нам не поговорить о том о сём и спокойно разойтись?

Раздался громкий ропот в толпе стоявших за спиной предводителя орков; заскрежетало оружие.

– Тихо! – прикрикнул на своих вожак. – Нам нечего делить – по крайней мере сейчас, – продолжал он, поворачиваясь к гномам и хоббиту. – Ещё раз спрашиваю: будете говорить?

Странное чувство охватило хоббита. Свирепая и нерассуждающая ненависть, переполнявшая Торина, стала захватывать и обычно безмятежного Малыша; она же парализовала волю хоббита, и у него не осталось сил удержать друга, когда тот в ответ кинул оркам в лицо самые чёрные оскорбления, на какие был только способен гном, чьи предки рубились с орками уже без малого четыре тысячи лет.

Ответом ему был неистовый рёв разъярённых врагов. Прежде чем вожак успел остановить своих, коротко звякнули несколько спущенных тетив, и стрелы высекали быстрые искры на мифрильной броне друзей, бессильно отскакивая от неё и валясь на пол. Взметнулся и упал топор Торина. И с не меньшей быстротой и ловкостью навстречу ему вынесся меч предводителя орков. Железо звучно ударило в железо, противники сшиблись и разошлись, но хоббит успел заметить глубокую зазубрину на мече орка, оставленную выкованным в Горне Дьюрина топором гнома.

Вновь взвизгнули стрелы, выпущенные в безнадёжных попытках поразить Торина. Его топор теперь зловеще свистел, рассекая воздух; оружие крутилось вокруг гнома с такой быстротой, что хоббит мог различить лишь быстрые взблески алого огня, вспыхивающие изредка на стали.

Орк не делал попыток напасть. Он стоял, чуть сгорбившись и выставив вперёд свой длинный меч. За его спиной толпились приумолкшие лучники, переставшие даром тратить стрелы. Мгновение – и гном делает незаметный, но удивительно быстрый шаг, молниеносно оказавшись возле предводителя. Взмывает высеребренный топор; удар неотразим, но слух хоббита вновь терзает скрежет столкнувшегося оружия; и Торин вновь отступает. Орк не двигается.

Казалось, Торин растерялся. На краткий миг он задержал свою руку, неостановимо врашавшую топор, и этим тотчас воспользовался предводитель орков. Фолко и съёжиться не успел, как огромный меч, проскользнув под рванувшимся на защиту топором, обрушился на гнома, метя в самое уязвимое место – в шею Торина.

Но тот оказался не слабее своего противника. Всего на четверть шага сдвинулся гном, но и этого хватило, чтобы удар орка прошёл мимо. Не теряя ни секунды, Торин ответил на удар ударом, но вновь тщетно.

Противники остановились. Орк первым опустил меч.

– Ты даже не знаешь, о чём мы хотели тебя спросить, а уже лезешь драться, – с укором сказал он. – Не горячись! Даже если ты осилишь меня, из ущелья вам не уйти – сейчас ночь. Поэтому умерь свой гнев, потомок Дьюрина! Ты идёшь снизу, нам нужны вести. Что происходит там? Что за война была у Ангмара с Арнором, почему воюют между собой Белокожие? Ты скажешь нам это – или умрёшь. Твоя броня хороша, спору нет, но нет такой брони, чтобы устояла перед мечом!

Торин хранил молчание, однако вперёд неожиданно вышел Малыш. Кратко, но точно он стал отвечать на вопросы. Торин дернулся было, однако хоббит вцепился ему в локоть. Даже в тёмной прорези шлема можно было видеть разъярённый блеск глаз Торина.

– Ангмар разбит, – надменно подбоченясь, говорил тем временем Малыш. – Его воинство рассеяно. Те, кто не сдался, уничтожены. Что вы хотите знать ещё?

– Где тот, что водительствовал Ангмаром? – тихо спросил вожак.

– Вяжет клубки тьмы в Унголианте! – зло рассмеялся Малыш, и Фолко заметил, как поникли плечи орка и в гримасе страдания искривился рот.

– Что с нашими братьями, которые пошли к Форносту?

– Стали пищей воронам на поле брани! Что ещё?

Вожак поднял опущенную было голову.

– Я задам тебе вопрос, который задавал уже многим и из нашего племени, и из других народов. Кто такой Белая Рука? Тот, которому повиновались наши предки? Только самые древние наши старики сохранили какие-то смутные предания о тех днях. Мы сидим в этих пещерах уже очень-очень долго, мы не знаем, где остальные колена нашего рода.

Малыш обернулся, глядя на хоббита, и тот вышел вперёд.

– Белая Рука – это прозвище великого мага по имени Саруман Белый... – начал он, и орки тотчас обратились в слух, позабыв обо всём.

Его рассказ длился долго. Наконец, охрипнув, Фолко умолк.

Некоторое время в пещере царила тишина. Потом предводитель орков неожиданно поклонился хоббиту и сделал знак остальным. Погромыхая железом, орки стали один за другим скрываться в тёмном провале прохода. Вожак задержался.

– Вот и всё, а ты дрался, – сказал он Торину. – Вы можете оставаться здесь сколько угодно, вас никто не тронет. Мы живём сейчас сами по себе, и, может, даже к лучшему, что новый хозяин сгинул...

Последние слова он произнёс уже почти про себя, поворачиваясь спиной к друзьям. Каменная дверь бесшумно закрылась за ним. Несколько минут прошло в оцепенелом молчании, а потом Торин принялся суматошно кидать на спины пони поклажу.

– Ты чего? – любопытствовал обретший прежнюю безмятежность Малыш.

– Сдурел?! – рявкнул Торин. – Ты что, ночевать тут решил?

– А куда нам деваться? – кротко спросил Малыш. – Ты посмотри – темень, холод, ветер, снег... Куда мы пойдём? Нет, придётся довериться слову...

– Чьему? – теряя терпение, завопил Торин. – Слову орка?! Сдурел, как есть сдурел! И чего ты вообще язык распустил? – накинулся он на Малыша. – И чего это ты ляпнул про Унголиант?

– А ты думаешь, было бы лучше, разошли они сейчас гонцов во все края и присоединись они... к этому самому?!

Гномы застыли друг перед другом, сердито сверкая глазами. Наконец Торин вздохнул, плюнул и принялся снимать мешки с пони.

– Так и быть, останемся... Но стеречь будете вы двое! Ясно? А я спать буду.

Ясным морозным днём они вылезли из пещеры. Белая нетронутая пелена выпавшего за ночь снега покрыла камни, ни единого следа не было видно. Постукивая зубами – ветер и не думал успокаиваться, – друзья продолжили путь.

Минула неделя тяжкого, взявшего все силы труда. Тропа шла под уклон, они миновали перевал, но каждый шаг стоил таких же усилий, как добрая лига. Кончились дрова, пришлось кое-как сооружать снежные избушки, на что уходило немало времени. Они уже не шли, а плелись. Без гномов хоббит бы уже давно погиб; и сейчас, покачиваясь на спине пони, куда его едва ли не силой усадили Торин и Малыш, он мог только дивиться их необыкновенной выносливости. Они брели молча, ожесточённо и упрямо пробивая грудью дорогу через снежные завалы. Никто их не преследовал, и хоббит со своим обострённым чувством опасности был совершенно уверен – вокруг них сейчас врагов нет.

Его мысли невольно возвращались к встрече с орками, и он не мог не удивляться – насколько всё же далеко смотрел Саруман! Видать, он не был так уж прав, раз его творения, обретя хотя бы относительную свободу воли, отшатнулись от стихии бессмысленных и бесконечных убийств, двинувшись по пути постижения – для начала хотя бы собственных истоков и предназначения. Да, они оставались ещё во многом орками, но всё же... Недаром их так ненавидят орки истинные, мордорские...

Несмотря на все тяготы, друзья всё же продвигались вперёд, и вот настал день, когда их взорам открылась простирающаяся далеко на восток необозримая Приречная равнина, сейчас

вся белая, сверкающая снежными покрывалами; и дымки многочисленных, разбросанных тут и там деревень. Путь через горы кончился.

Глава 2

Ожидание на краю

С трудом веря своим глазам, хоббит откинул со взмокшего лба меховой капюшон. Да, приметы не обманули, друзья стояли возле самого восточного края Серых гор, у их последнего отрога. В затянутую снежной дымкой даль ещё тянулись какие-то всхолмья и гряды, но сплошные стены серых непреодолимых скал кончались. Казавшийся бесконечным путь вдоль пролегшего на сотни лиг хребта завершился.

Они молча смотрели на изглоданный ветром край последнего утёса, не в силах вымолвить ни слова. Двухмесячная дорога, холод и метели, случайный ночлег в тех местах, где их застигала темнота, – всё это было позади; теперь они могли наконец остановиться и перевести дух.

Над ними навис ярко-синий небесный купол; мартовское солнце сияло вовсю, а кругом расстилалась бескрайняя равнина, далеко на юго-западе был едва виден конус Одинокой горы. В этих местах из-за края хребта выбегала узкая дорога, ведущая к Озёрному Городу; в былые годы ею пользовались немногочисленные жители северных склонов Серых гор. Где-то на самом восточном горизонте чёрной чёткой виднелись Железные холмы – и вот в этом-то коридоре шириной чуть не в сотню миль им предстояло ожидать отряды Олмера, с не меньшим упорством пробивающиеся сюда же по другую сторону гор. А то, что это так, они знали от гномов – родственников Малыша, к которым завернули, сделав краткую остановку возле Южных Ворот королевства потомков Дьюрина в Серых горах. Дозоры гномов уже давно заприметили движение измученных сотен Олмера; по словам собеседников Малыша, выходило, что друзья опережают остатки ангмарского воинства примерно на три-четыре дня; гномы и Фолко вздохнули с облегчением. Торин заикнулся было о том, что можно пройти под горами и встретить Олмера возле Северных Ворот, но Малыш отрицательно покачал головой – путь через всё королевство занял бы, по крайней мере, неделю. Оставалось лишь, не жалея ни себя, ни пони, изо всех сил спешить к восточному краю гор, как и было задумано с самого начала. По хорошо наезженным зимникам, проложенным Беорнингами в когда-то пустынных, а ныне густо заселённых землях между Серыми горами и краем Зелёных лесов, они шли ходко, насколько возможно сокращая ночёвки и дневной отдых. Дорога отнимала почти все силы, однако друзья жадно ловили любой, даже самый невероятный слух, коими во множестве наполнились в ту зиму придорожные трактиры.

К своему удивлению, хоббит убедился, что здешних лесорубов, углежогов и древоделей куда больше заботили дела каких-то непонятных степных племён Прирунья, чем новости из Соединённого королевства. Так, мимоходом, как о чём-то совершенно незначасем упоминалось о войне Арнора с Ангмаром, о походе наместника на Север; все были единодушны в том, что, хвала Дубу, война до этих мест не добралась; с кем и за что воевал там Арнор, мало кого занимало.

Известий с юга, из Минас-Тирита, было побольше, но лишь в связи с заботами Приозёрного королевства, вассала могущественной Южной короны; новости из устья Андуина были, в общем, утешительны для хоббита – на рубежах Гондора всё спокойно, торговля с Харадом идёт как всегда, пошаливают пираты на побережье, но не сильно, с флотом Пеларгира шутки плохи. О короле упоминали мало, но всегда с почтением и лёгкой боязнью. Фолко удивило другое – любая новость из Гондора оценивалась лишь с одной стороны – поднимутся или упадут цены на лес, брёвна, доски, древесный уголь, бересту и тому подобное; в то же время самые мелкие изменения в верхушке прирунских племён обсуждались с таким жаром, как будто от этого зависела судьба. Хоббит недоумевал – кочевникам сюда не добраться, у них на пути Эсгарот и Приозёрное королевство, этим лесным жителям нечего бояться Степи.

Выспрашивая, подпавая, а где и подслушивая, хоббит сумел узнать немало интересного о самом государстве Лучников; а среди прочего и то, что порубежные части в неурочное время подняты на ноги и подтягиваются к северной границе. После того как он услышал это от уже третьего купца, он мог только скрежетать зубами от бессильной злости на пару с Торином – хороши же эти потомки Барда, если в их королевстве всякий поганый купчик осведомлён о передвижении армий! Где уж тут говорить о внезапности! В Дэйле у Олмера не может не быть сторонников – это его родина, и весть наверняка найдёт себе дорогу в обход пограничных постов.

– Н-да, приятное местечко, – поёживаясь, буркнул Малыш.

Он обвёл взглядом унылые, лишённые зелени скалы и заснеженные холмы; в ложбинах виднелись голые спутанные кроны редких деревьев. На последнем утёсе, на самой его вершине, высилась открытая всем ветрам сторожевая башня с островерхой крышей. Конечно, ей было далеко до суровой и мощной красоты, изящества и строгой соразмерности тех, что оберегали Аннуминас, не говоря уж об Ортханке, но сложена она была на совесть – приземистая, округлая, она словно выросла в дикий камень. К ней вела едва заметная каменистая тропа, а чуть в стороне, пониже, теснились какие-то низкие деревянные строения – очевидно, конюшни и склады заставы.

– Оттуда должно быть далеко видно, – заметил Торин, кивком указывая на башню. – Поднимаемся?

– К чему? – удивился хоббит. – Хочешь попроситься на постой? А как ты им представишься? Как объяснишь своё появление?

– Не коченеть же на этом ветру! – огрызнулся Торин. – Надо постараться объяснить им. Так мы окажемся на очень удобном месте – для наблюдения за проходом лучше и не придумаешь. Устроимся и будем спокойно ждать.

– А если он постарается проскользнуть через это место ночью да ещё миль на двадцать восточнее? – не унимался хоббит.

– Тогда наутро мы всё равно увидим его следы, – возразил Торин.

– Ну, если у тебя глаза эльфа, – с невинным видом кивнул хоббит. – Или ты намерен метаться от Серых гор до Железных холмов и обратно?

Торин обиженно насупился, но быстро нашёлся:

– Всё равно у порубежников мы сможем провести ночь и отдохнуть. Давайте поднимемся!

– Не нравится мне это, – решительно заявил Фолко.

Но тут на него разом набросились и Торин и Малыш, заявив, что ночевать на ветру и на морозе они напрочь отказываются, и ему пришлось подчиниться.

Утоптанная тропа, вьющаяся среди торчащих из снега острых камней, вела вверх. Они поднялись уже до половины, когда хоббиту вдруг стало не по себе. Снова, как и в ущелье орков, его охватил безотчётный страх – не парализующий, обессиливающий, как это случалось с ним в прошлом, – нет, но в тишине приготовившегося к отпору города словно грянул будящий спящих набат.

Фолко остановился. Ничто не двигалось возле серой башни, ни единого огонька не проглядывало в её узких чёрных бойницах, однако от коновязи до них донеслось негромкое ржание лошадей.

– Люди там есть, – глубокомысленно заключил Малыш. – Только почему же никого не видать?

– Подойдём поближе, – заметил Торин.

– Только шлемы наденьте, а? – мрачно обронил хоббит.

Калитка в ограждавшем башню частоколе была отвалена. Снег перед дверьми истоптан, но сами тяжёлые, обитые железом створки были закрыты, казалось, наглухо. Друзья переглянулись; Малыш проверил меч, Торин пошевелил топор за поясом. Хоббит осторожно постучал в дверь – молчание. Торин потянул за кольцо – дверь неожиданно легко отворилась. Они оказались на пороге.

За небольшим арчатым коридором виднелось скупо освещённое каминным или факельным пламенем помещение. Тишина.

Друзья осторожно двинулись внутрь. Двери из коридора в полуовальную обширную залу были распахнуты настежь. В широком очаге у дальней стены горел огонь, на столе в порядке застыли тарелки и кружки, вдоль стен тянулись покрытые простым домотканым сукном лавки.

– Ничего не понимаю, – почесал в затылке (точнее, по привычке поскрёб сталь шлема) Торин. – Малыш, где же твои люди?

– Вот они! – внезапно заорал кто-то над самым ухом хоббита.

Обрушившийся сзади удар чем-то тяжёлым отбросил его к противоположной стене. Фолко пару раз перекувырнулся через голову, но сознания не потерял, – наверное, спас шлем, по которому скользнула дубина напавшего. В уши тотчас хлынул заполнивший всё вокруг шум. Скрежет, вопли, визг, глухой лязг, непонятные вскрики, злобное рычание, проклятия – всё слилось воедино. Едва хоббит приподнялся, как на него навалились сзади. Кто-то невидимый, но большой и тяжёлый, источающий тошнотворный запах перепрелого пота, шумно сопя, стал заламывать ему руки. Хоббит отчаянно рванулся, но враг не отпускал его; сила, многократно превосходящая его собственную, выкручивала ему кисть, острая боль не давала сопротивляться; Фолко в отчаянии тонко заверещал, судорожно трепыхаясь, – и тут хватка противника внезапно ослабла, послышался глухой, булькающий хрип, а затем, уже вторично, свист рассекающей воздух стали. Кто-то придавивший хоббита к доскам пола, вздрогнул и отвалился в сторону.

Над растерянно моргающим Фолко на миг застыл с окровавленным клинком Малыш, в следующую секунду уже поворачиваясь к новому противнику. У хоббита не было времени размышлять. Уроки Малыша в Аннуминасе не пропали даром. Он вскочил на ноги и обнажил меч прежде, чем осознал увиденное.

На них нападали восемь здоровенных мужиков с мечами, щитами и копьями. Трое пытались добраться до отчаянно крутящего вокруг себя топор Торина, тыкая в него пиками; двое размахивали мечами, со звоном отражая бесстрашные выпады схватившегося с ними Малыша; один с перерубленной шеей валялся возле хоббита в луже крови; ещё двое, со щитами и в шлемах, похоже, только что выскочили из чёрной ямы подпола, и Фолко невольно оказался с ними лицом к лицу.

Враги застигли их врасплох, друзья оказались в центре зала, и не было рядом спасительной стены, которой можно было бы прикрыть спину; и совершенно непонятно, кто и зачем нападает на них; кто эти люди в башне?

– Эй, послушайте! – завопил Фолко, видя, как двое со щитами выдернули мечи из ножен. – Что вам нужно?! Зачем?!

Ответом ему был быстрый взблеск стали у самых его глаз и удар, который он с трудом отвёл в сторону. Меч второго противника со звоном чиркнул по шлему. Затылком Фолко ощущал совсем рядом спину Малыша, и ему пришлось остановиться.

Горячая волна гнева толкнулась в виски, древняя ярость и безоглядность, надолго заснувшие было в нём, вновь пробудились и ожили. Забыв про второго врага, хоббит дерзко нырнул под выставленный щит того, что оказался поближе, скользким переводом за голову отразил обрушившийся сверху меч и, не теряя ни мгновения, упал на левую ногу, в длинном выпаде пронзив не защищённое кольчугой бедро противника. Уже вдогонку по его собственному наплечнику лязгнул клинок оставленного им без внимания мечника, но мифрильная броня

выдержала. Фолко поспешно повернулся. Он не видел, что происходит вокруг, не видел, как Торин, взревев, прыгнул вперёд, как первый удар его топора обрубил отскочившее от нагрудных чешуй доспеха копьё, а второй – снизу вверх, из необычной позиции – рассёк одного из противостоявших ему от подмышки до другого плеча, как отразил размашистые, сильные, но не очень быстрые удары вражеского меча Малыш и как в свою очередь он завертелся на месте, точно юла, окружая себя сверканием и свистом вылетающих во все стороны неожиданных атак, и как остриё его меча зацепило горло человека, не успевшего поднять оружие для защиты, и красные брызги полетели в разные стороны, а сам противник судорожно взмахнул руками и повалился...

И вдруг всё сразу стихло. Тяжело дыша, люди начали шаг за шагом отходить, со страхом и изумлением глядя на прижавшихся спиной к спине друзей. Четверо уцелевших, крадучись, бочком отступали до тех пор, пока не оказались возле откинутых крышек подполья.

– Держи! – запоздало вскрикнул Торин, но было уже поздно.

Их противники дружно сиганули в черноту. Послышался торопливый топот ног. Не раздумывая, Торин рванулся за ними. Фолко едва успел сорвать со стены подвернувшийся под руку факел.

– Там может быть засада! – крикнул было он друзьям, однако, прежде чем он нагнал их, короткий ход из подпола во двор кончился, выведя их к коновязи. Их противники торопливо и неловко взбирались в седла. Одного сбила стрела хоббита, однако трое других, бросив коней прямо на гномов, смяли их и, не жалея плетей, галопом поскакали через двор и дальше вниз, по тропе. Фолко успел послать ещё одну смертоносную стрелу, прежде чем всадники исчезли за выступом скалы.

Друзья перевели дух. По-прежнему ничего не понимая, они вернулись в башню. Пол в зале был залит кровью, трое убитых лежали, словно туши в мясной лавке, и лишь раненный хоббитом воин в кольчуге тяжело стонал, пытаясь зажать глубокую рану в бедре, из которой толчками выбивалась ярко-алая кровь. Фолко стало дурно, он сглотнул: всё это было ужасно, одно дело – рубить орков, а тут всё же люди, да ещё непонятно, откуда взявшиеся; вдруг это какое-то недоразумение? Он поспешил к раненому и стал, как умел, его перевязывать.

То ли руки у хоббита оказались ловки и в этом, то ли счастливая звезда незадачливого воина стояла в тот день в зените, но вскоре хоббиту удалось наложить жгут, забинтовать ногу и остановить кровь. Раненого положили на лавку, его лицо помягчело. Малыш дал ему напиток.

– А теперь говори! – распорядился Торин, садясь напротив человека. – Кто ты, откуда родом сам и твои товарищи? Почему вы напали на нас? Говори, да только правду! Мы же вам ничего не сделали!

– Мы порубежники Приозёрного королевства, – слабым голосом, задыхаясь, ответил воин. – У нас был приказ – захватить всех, кто попытается приблизиться к посту...

– Ты лжёшь, – спокойно сказал Торин, – и лжёшь неумело. Мне ли не знать работу мастеров Одинокой горы! Твоя кольчуга сделана в Прирунье!

– Вся пограничная стража Лучников носит эреборские доспехи, – прибавил усмехающийся Малыш.

Лицо воина искривила мучительная гримаса, однако он не потерял самообладания и гордо ответил:

– А всё же это так!

Потеряв терпение, Торин яростно встряхнул раненого за плечи.

– Ты думаешь, мы будем тут шутки шутить?! – зарычал он. – Говори, кому ты служишь, иначе, клянусь великим Дьюрином...

Он выразительно покрутил перед самым лицом воина остриём своего длинного кинжала. И без того бледный воин сделался точно льняное полотно, но голос его был по-прежнему твёрд:

– Мне нечего добавить. И больше я ничего не скажу!

– Кали железо, Малыш, – глухо приказал Торин другу.

Маленький Гном хмыкнул, пожал плечами, но всё же подошёл к камину и сунул в огонь железную кочергу; Торин же несколькими быстрыми движениями притянул раненого к лавке его же собственным поясом.

Фолко склонился над лежащим.

– Если ты порубежник – почему же вы тогда не приказали нам сдаться? Вам же было приказано захватить, а не убить приблизившихся к посту?

Лицо воина искривила злобная усмешка.

– Давай-давай, – злорадно прохрипел он, – спрашивай, уродец, работай язычком! Вам гулять тут осталось недолго. Скоро сюда подоспеют наши... Тогда уже мы вас поспрашиваем!

– Железо готово, – невозмутимо сообщил Малыш, отходя от очага с раскалённой докрасна кочергой в руках.

– Выйди, брат хоббит, – тяжело повернулся к Фолко Торин, – и дверь поплотнее прикрой. В Чертоге Ожидания я за это отвечу.

Однако угроза подействовала – пытать пленника не пришлось. Друзья узнали, что он родом из Дэйла, как и его товарищ в такой же кольчуге, который спасся бегством. Шестеро других – это люди из Прирунского всхолмья, лежащего далеко на юго-восток отсюда. Они служили Большому Вождю, тайно вступив в его войско ещё два года назад. Вождь этот, именем Эарнил, ходил с другими своими отрядами в дальний поход на Запад, взял там богатую добычу в ленивом Арнорском королевстве и теперь возвращается назад по северному краю Серых гор. Пленник и его товарищи по оружию, остававшиеся всё это время в Дэйле, через надёжных людей получили приказ – захватить один из сторожевых постов на севере, когда войско Вождя приблизится к краю хребта.

– В Дэйле тревога, – добавил он. – Эстафета из Аннуминаса принесла указ короля Запада выслать войска, занять пространство между Серыми горами и Железными холмами, пленить Вождя и доставить его в Гондор. Но среди приближённых короля Тарнднара есть немало сторонников Вождя, они предупредили.

– А почему ты пошёл служить Вождю? – мрачно спросил Торин, выразительно вертя в руках ещё не остывшую кочергу.

– Потому... потому что ему сладостно повиноваться... – с трудом отвечал пленник. – Потому что ты видишь его и веришь ему, потому что он всё-всё знает про тебя и про все твои беды. Он говорит, что, когда мы прогоним эльфов и возьмём земли... вот тогда заживём, всё будет наше, мы сами станем приказывать...

– Да что ты знаешь об эльфах, остолоп! – в гневе замахнулся было Торин, но сдержал себя.

– Кем бы ни был, твоё какое дело? – огрызнулся пленник, собрав последний запас сил и злости. – Не скажу...

По знаку Торина Малыш вновь сунул кочергу в огонь, и человек, со страхом косясь на багровеющее железо, хрипя и дёргаясь, продолжил говорить.

Его звали Эрднар, он был из мелких купецких подручников, что на свой страх и риск рыщут с немногим товаром по порубежью между владениями Лучников, гномов Железного угорья и землями свободных истерлингов, добираясь и до Голубых лесов в Прирунье. Занятие не сулило больших барышей, попасть в гильдию было несбыточной мечтой, а опасности подстерегали на каждом шагу. Как-то раз его настигли шальные степняки, ограбили, отняли коня, сняли даже одежду, оставив взамен жалкие лохмотья. И если бы не Вождь, Эрднар попросту разорился бы – ведь все сбережения пришлось бы отдать за пропавший товар хозяина. Люди Вождя подобрали Эрднара в степи, одели, дали коня, помогли деньгами... А потом он увидел самого Вождя – и понял, что должен следовать за этим человеком. Его ничто не удерживало в Дэйле – родители давно умерли, братья и сёстры разлетелись кто куда – кто в Озёрный Город,

кто на юг, в новые выселки, основанные королём Тарднаром. Он бросил всё и пошёл за Эарнилом.

Фолко, чувствуя внезапную слабость, невольно покачнулся.

Азарт и ожесточение исчезли, уступив место усталости и опустошённости. Под мифрильной бронёй огнём вспыхнули не пробившие её, но оставившие чувствительный след на теле удары врагов. Кружилась голова, сильно отдавало болью в плече; Фолко пошатнулся и поспешил присесть. Гномы всё ещё топтались возле умолкнувшего пленника. На вопросы о планах Вождя, его дальнейших намерениях он не отвечал, ссылаясь на незнание, и, глядя в его полные страдания глаза, хоббит понял, что тот не лжёт.

– Что значит «ему сладко повиноваться»? – задал он всё время вертевшийся на языке вопрос.

– Сладко повиноваться, и всё тут, – прохрипел пленник. – Пойми, этого не высказать. Главное, ты видишь, что ему ведом путь...

– Куда?! – почти вскрикнул Фолко.

– К хорошей жизни, к славе, к счастью, – не совсем уверенно ответил человек. – Ты говоришь с ним – и знаешь, уверен, что он видит цель. А какова она? Это нам знать пока не дано. Я знаю лишь, чего хотим мы, свободные жители Востока, – мы хотим жить сами по себе, не подчиняясь никаким властителям Запада и не оглядываясь на этих колдунов-эльфов, которые, говорят, и сейчас ещё мутят воду в Средиземье, хотят главенствовать над всеми! Вождь хочет бороться с ними, он хочет создать новое королевство, где люди займут подобающее им место.

– Разве королевство Лучников не живёт по собственным законам и уложениям? – возразил хоббит. – Разве Гондор вмешивается в ваши дела? Разве предписывает вам закон? Разве облагает вас непосильной данью? И, наконец, разве мощь Соединённого королевства не сдерживает лихих истерлингов?

Пленник не ответил. Скривившись, он вдруг заворочался и застонал. Превозмогая головную боль и мельтешение алых сполохов в глазах, хоббит поднялся с лавки и поспешил осмотреть раненого. На повязке вновь расплывались свежие багровые пятна, пришлось вновь наваливать кровь... Они отошли от потерявшего сознание пленника.

– Что будем делать? – хмуро уронил Торин, угрюмо глядя в узкую бойницу. – Сидеть здесь? Метаться по степи? Идти к Дэйлу? Или же добраться до ближайшего поста, где есть порубежники королевства?

– Как мы можем сидеть здесь, – заговорил вдруг Малыш, – если этот проклятый Олмер уже знает, что мы перебили его людей на посту? Что он немедля сделает, а, как полагаешь? Зачем ему свидетели, да ещё такие, которых он наверняка вспомнит по Сиранонской дороге? Вот что он сделает, скажу я вам: отправит сюда отряд – десятков пять – и выкурит нас отсюда за милую душу! Не-ет, Торин, не потому меня в хирд не взяли, что глупый, как иные болтают, а из-за руки! – Он потряс изуродованными пальцами. – Так что, хотя на дворе и холодно, и ветер, но я предпочту оказаться на холоде и ветру, чем попасть здесь, как каменная крыса, в жернова!

– Малыш прав, – поддержал друга хоббит. – Олмер не замедлит с ответом, мы теперь для него – что кость в горле. Надо уходить.

– Ну, положим, – согласился Торин. – Но как его выследить? Что-то не лежит у меня сердце на другой пост идти. Слышал, что этот болтал? Многие в Дэйле за Олмера! Не окажутся ли у него свои люди и на другой заставе?

– А в Дэйл пока идти нет смысла, – продолжал хоббит. – Кто его знает, появится ли он там собственной персоной?

– По мне, – подхватил Малыш, – так лучше остаться здесь. Но не в башне, а засесть где-нибудь в укромном местечке и выждать. Если не всё войско, так отряд-то точно пришлёт. Драться мы не будем, а вот проследить – проследим. Они нас сами приведут к нему.

– Это если он расщедрится, – хмыкнул Торин. – А ты представь, что он никого никуда не посылает, ночью минует цепь постов и скорым ходом – мимо сёл, мимо городов – в степь, в Прирунье? К кормёжке, к отдыху? Что мы ему? Здесь ведь не Запад. Кому мы сможем донести на него в Дэйле? Послушают ли нас там? Он же эти места как свои пять пальцев знает. Может, он решит, что мы для него не опасны, и вообще не обратит на нас внимания?

– Обратит, – с неколебимой, непонятно откуда взявшейся тревожной уверенностью сказал хоббит, опуская голову.

Рой тёмных мыслей пронёсся в его голове; на краткую секунду мелькнули какие-то золотистые с серебром крыши башни, розоватое вечернее небо меж ними, и ему почудилось, что откуда-то из-за окраинной дали на незамутнённый небосклон напоздаёт незнакомая хмарь, не мгла и не облако, не чёрная, но и не прозрачная, плотная, белесая, словно плесень; и в тот же миг он вдруг услышал хриплые возгласы, хруст плотного снега под едва ступающими копытами выбившихся из сил коней; где-то, уже совсем близко, за недалёкими отрогами, за пока ещё непроходимыми скальными преградами шло войско, то, которое они ждали.

Пальцы хоббита сами собой потянулись к ножнам заветного подарка на груди. И едва он ощутил в ладони привычное тепло витой рукояти, с его внутреннего взора спала пелена; он точно наяву увидел понурые ряды замотанных во что-то мохнатое всадников, устало бредущих по глубокому снегу коней; а на равнине, что лежала между холмистой грядой, через которую переваливало сейчас измученное войско, и краем Серых гор, где высилась сторожевая башня, ему привиделись две торопливо пробирающиеся на северо-запад фигурки наездников...

Он попытался вернуться своим вторым взглядом к оставленному им на время войску Олмера и едва не вскрикнул от боли – в глаз словно залетела острая соринка. Чёрный, едва различимый клубочек, казалось, испускал незримые, но остро отточенные и жестоко ранящие иглы. Не сразу, осторожно подбираясь с разных сторон, Фолко попытался понять, что же это такое, – и наконец с бессильным вздохом прекратил бесплодные попытки. Чёрный клубок, уродливая фигурка не поддавалась. И одновременно он ощутил, как и по нему что-то скользнуло – нет, не пристально вглядывающийся в бесконечность взгляд, выскивающий врага, какой некогда чувствовал на себе Фродо, – нет, это был бессмысленный взгляд беспорядочно шарящих по такому огромному и непонятному миру глаз новорождённого. Однако он уже существовал, и Фолко понял, что привлёк к себе внимание этого младенца – будто пронёс игрушку у него под носом.

Хоббит встряхнулся и вновь очутился в дымной зале караульной башни.

– Если Олмер кого и пришлёт сюда, это будет не раньше, чем послезавтра, – говорил тем временем Торин. – Если поступать по-твоему, Малыш, то нужно сразу же выходить и искать себе укывище где-нибудь в скалах... Да, а что с этим-то делать? – Он указал на пленника.

– Возьмём с собой, – пожал плечами Малыш. – Не убивать же его.

После долгих поисков им посчастливилось набрести на укромную пещерку высоко над северной равниной, откуда было видно далеко на северо-запад, север и восток. Насколько мог охватить глаз, повсюду тянулась унылая заснеженная равнина, кое-где прочерченная невысокими грядами холмов. То тут, то там виднелись небольшие кучки чёрных низкорослых деревьев. Ни зверя, ни птицы – мёртвая тишина и неподвижность.

Изрядно пообчистив караульную, они постарались устроиться как можно удобнее. Своих пони они отвели в узкую ложбину, закрытую от ветра, и наскоро соорудили им из подвернувшихся под руку жердей хоть какой-то навес. К вечеру всё было готово, и они перебрались на свой наблюдательный пункт.

– Если Олмер пришлёт отряд и мы сможем его выследить, что же делать с этим Эрднаром, вразуми меня Дьюрин, – пробормотал Малыш, поудобнее устраиваясь на одеялах и натягивая до носа меховой капюшон.

– Не тащить же его с собой?

– Но и не бросать же здесь, – откликнулся Торин. – Тогда уж лучше убить сразу.

– Если он останется жив, то при первой возможности выдаст нас Олмеру или его людям, – вздохнул Фолко. – И тот по крайней мере узнает о нашей погоне.

– О погоне он уже и так знает, – буркнул Торин. – Он знает, что трое каких-то проходимцев, скорее всего гномов, напали на его людей, захвативших пограничный пост. И хорошо, если он не припомнит, кто мы такие!

– Уже ж говорили об этом, – заметил Фолко. – Малыш говорил. Если он вспомнит Сиранону...

– Да, но там были хоббит и гном, – медленно и со значением сказал Торин. – А тут трое, два гнома и третий... да, пожалуй, ты сейчас запросто сойдешь за молодого тангара, Фолко! Ты изрядно подрос за последнее время, не с легкой ли руки Древоборода? Так что, если эти спасшиеся донесут Олмеру, что на них напали трое гномов, с чего это ему вдруг придёт в голову Сиранонская дорога? Уж скорее он подумает на кого-нибудь из Одинокой горы...

– А не кинется туда? – забеспокоился Малыш.

– Руки короткие, – усмехнулся Торин. – Ты ж это знаешь не хуже меня. Гору не возьмёшь ни с налета, ни осадой. Ему нечего там делать.

– Отпустить – нельзя. Оставить – тоже нельзя. Тащить с собой?

– Разве что на своей спине? Пони-то все заняты! – возразил Малыш.

– Есть лошади у коновязи, – заметил Фолко.

– Погодите, кажется, я придумал, вразумил-таки меня Дьюрин! – вдруг подскочил Маленький Гном. – А что, если отвезти его в Одинокую гору и попросить тамошних гномов, чтобы они выпустили его... ну, не раньше чем года через два, а? У меня там есть знакомцы, вдобавок и Дори должен быть там!

– Но как же тогда следить за Олмером? – засомневался Торин.

– Можно будет разделиться, – предложил Фолко. – Скажем, Малыш везёт пленника к горе, а мы с тобой скорым шагом идём вслед за отрядом этого, именуемого Эарнилом. Потом можно будет назначить место встречи.

– В степи? – хмыкнул Торин.

Но тут вновь хлопнул себя по лбу Малыш, припомнивший укромное место далеко на юго-востоке отсюда, в самом последнем отроге Железного угорья. Торин тщательно записал приметы и подходы; было решено, что они будут дожидаться там Малыша, а если он почему-то задержится или им придётся выступить раньше времени, они будут указывать направление, рисуя на земле большие стрелы при каждом повороте.

Условившись и договорившись обо всём, они перетащили из караульни к себе в пещеру Эрднара. Благодаря снадобьям гномов рана уже меньше беспокоила его, но взгляд был по-прежнему полон страха и ненависти.

День кончался. Длинный, очень длинный день постепенно угасал, с востока ползла густая чернота мартовской ночи; здесь, на дальнем севере Средиземья, весна наступала поздно, и пока не было заметно ни малейшего её признака. Ночью пошёл снег. Малыш безмятежно спал, Фолко поддерживал огонь, а Торин, нагнувшись на себя всё, что было у них тёплого, и, уподобившись какому-то древнему диковинному зверю, пошёл наблюдать за округой. Луна давала немного света, но они надеялись, что различить движение конных на снегу всё же смогут.

Тянулись медленные часы. Вернулся иззябший Торин, на его место отправился Малыш; Фолко же, не обращая ни на что внимания, упал на застеленные одеялами камни и тотчас уснул как убитый.

Под утро его растолкали друзья. Наскоро поев, хоббит подполз к краю пещеры. Из-за горизонта только-только показался краешек огненного диска, но лучи его уже окрасили розоватым снегом внизу под ними. Задувал лёгкий ветерок; морозец покусывал за щёки. Взгляд

Фолко медленно скользнул к западу от затянутого белёсой мглой северного края необозримых равнин, и хоббит едва подавил крик – там, за грядой оплывших холмов, сейчас казавшихся окаменевшими волнами снежного моря, в воздухе вились едва различимые отсюда чёрные точки птиц. Вчера их не было; что это могло означать?

Торин с размаху бросил в лицо несколько пригоршней жёсткого снега, чтобы поскорее проснуться; даже всегдашний соня Малыш вскочил, как подброшенный.

– Вороньё... – хрипло произнёс Торин, непроизвольно стиснув топор и бросив быстрый взгляд в глубину пещеры, где заворочался было Эрднар. – Малыш! Быстро к нему и, если он пикнет, приколи немедленно!

– Что это значит, Торин? – слабым голосом прошептал Фолко, всё ещё боясь признаться себе, что их трёхмесячная погоня окончилась и они вот-вот встанут лицом к лицу с Врагом.

– Вороны вьются над лагерем войска Олмера, – с мрачной решимостью ответил гном. – Там много, очень много падали, если я хоть что-нибудь смыслю в происходящем. Собираем мешки! Надеваем брони! Сейчас или никогда!

Само войско они увидели часа через два. На гребне холма медленно выросла фигура верхового, за ней – ещё одна. А потом через седловину, чуть севернее от этих двух фигур, полились ряды конных. Хоббит считал их, однако когда он дошёл до пятидесяти, то сбился – ещё одна колонна появилась из другого межхолмья, ближе к скалам. Нет, не отряд, не несколько десятков – всё войско Олмера шло к ним, и по мере приближения хоббита охватывало всё большее удивление – он видел державшие чёткий строй отряды конницы, усталой, утомлённой, но далеко не обессиленной; вытягиваясь из-за холмов, всадники прибавляли шага, выгибаясь длинной дугой; двадцать или более того наездников перешли на рысь, направляясь напрямиком к башне!

– Так, – хищно щура глаза, как обычно в минуту опасности, прошипел Торин. – А вот эти уже за нами.

Малыш сидел над съёжившимся в страхе Эрднаром с обнажённой дагой возле горла пленника; лицо Маленького Гнома не выражало ничего, кроме свирепой решимости. Торин и Фолко переползли повыше, так, чтобы видеть двор караульной башни.

Всадники Олмера тем временем перерезали дорогу, ведущую снизу к воротам; главные силы всё ещё выходили на равнину; на глаз всадников было не меньше пяти тысяч.

– Ничего себе, сколько же он сумел вывести! – изумлённо прошептал Торин. – Но, разрази его Дьурин, где же он сам, упали на него наковальня? Ты не чувствуешь его часом, а, Фолко?

Фолко чувствовал. Он не мог указать пока точно место этого человека в рядах его неостановимо движущейся конницы, но явственно ощущал его присутствие. Словно серый бьющийся клубок, стучащее сердце, дающее жизнь и силу окружающему его телу, – так ему представилось появление Олмера. Хоббит открывал глаза – и вновь видел лишь ряды всадников.

Тем временем воины северного войска уже окружили башню, ворвались во двор... Спустя короткое время они, очевидно, осмотрев башню и убедившись, что там никого нет, стали карабкаться на окрестные склоны, один вскочил в седло и поскакал к проходящим в отдалении отрядам.

При виде взбирающихся по камням воинов Фолко и Торин обнажили было оружие; однако искавшие не пошли далеко. Покружив по ближайшим распадкам, они повернули назад – то ли их сбил с толку нетронутый после ночного снегопада покров на всех тропинках, то ли они были убеждены, что их тут никто не будет ждать, – спустя короткое время все они уже скакали обратно к главным силам.

Хоббит вновь зажмурился. Его внутреннему взору предстала удивительная картина – каждый воин в рядах сотен Олмера казался ему маленьким лоскутом тусклого пламени, в

обрамлении которых бился и трепетал упругий клубок серой силы. В глубине его горел яркий багряный огонёк; и отблеск его был виден во всех остальных лоскутах таинственного огня. Фолко нащупал на груди кинжал и открыл глаза. Мутные глубины крестовника прояснились, они горели тревожно-алым пламенем; синие цветы на клинке наливались внутренним сиянием; казалось, они начинают двигаться... Зловещие, смутные предчувствия шевельнулись в душе Фолко, но ни уловить, ни прояснить их для себя он не смог.

Войско Олмера постепенно отдалялось, двигаясь на юго-восток. Пора было собираться в дорогу.

Хоббит ощутил, что его бьёт мелкая дрожь. Всё! Конец всем предысториям, расчётам и рассуждениям, конец надеждам, гаданиям и предположениям, настал момент, с которого начинается то, ради чего они проделали весь путь от поля боя в Арноре до северных пределов Эребора – начинается охота за Олмером, начинается погоня!

Тем временем Малыш уже выводил из потайного места пони и лошадь, предусмотрительно сведённую им со двора караульни. Торин торопливо навьючивал лошадок поклажей, Фолко бросился ему помогать. Втроём они сумели кое-как взгромоздить в седло раненого Эрднара, осторожно спустились со скал – и сели в сёдла. Последние из воинов Олмера тем временем уже скрылись вдали, но следовать за ними было легче лёгкого – на равнине остались следы сотен и сотен копыт.

Из низких серых туч вновь полетели к земле редкие крошечные снежинки, ветер задувал в спину, словно подталкивая. Проехав около двух лиг, Малыш решительно натянул поводья. Нужно было прощаться.

Фолко с усилием сглотнул застрявший было в горле ком и вытер рукавицей непрошенные слёзы. Маленький Гном, непривычно серьёзный, не стал тратить время на долгие разговоры – всё и так было давно условлено и договорено. Он просто махнул рукой, повернулся и неспешно затрусил на юго-запад, к чуть заметному конусу Одинокой горы, ведя за собой коня Эрднара. Фолко с Торином молча постояли, глядя ему вслед, и тронули своих лошадок.

Глава 3

Торный след

Дул ветер, заставляя хоббита и гнома зябко кутаться в плащи и жаться поближе к слабому костерку. Над Эребором нависла стылая мартовская ночь, на безоблачном небе ярко и колюче сияли бесчисленные звезды. Друзья забрались уже далеко на восток, и рисунок созвездий здесь был уже не совсем тот, что дома. Фолко вздохнул. Чужбина, чужбина – даже небо здесь другое...

Расставшись с Малышом, они осторожно весь день продвигались вслед за войском Олмера, чуть поотстав, чтобы их не заметил какой-нибудь арьергардный патруль. Однако шли они уверенно и знали, что не собьются – через заснеженную пустошь пролегал чёткий, хорошо видимый след.

Вокруг тянулась унылая, чуть пересечённая невысокими холмами и мелкими овражками равнина. По распадкам изредка попадались сиротливо чернеющие голыми ветвями деревья. Ветры сдули снег с вершин холмов, намели непроходимые толщи в низинах и седловинах, где над снежным покровом лишь кое-где виднелись верхушки занесённого до самого верха кустарника. Жилья не было, всё было пусто и дико.

Кое-как утопав себе место, друзья разожгли нодью. Притупив чувство голода горячей похлёбкой, они сидели, глядя на огонь, что неспешно грыз комель здоровенной сушины. Только теперь они оба поняли, в какое безнадёжное дело впутались и как непросто будет справиться с дерзким налётчиком здесь, в его родных краях. Что впереди? Много лет назад Торин прошёл от Одинокой горы до Железных холмов, но всё равно он не знал ни здешних мест, ни тем более земель к югу и востоку от границы гномьих владений. Среди его сородичей ходили слухи, что ещё дальше на восход будут другие горы, где тоже живут тангары – не потомки Дьюрина, вроде бы из другого колена, – но как их разыщешь, да и выведет ли их туда погоня? Где взять еду в заснеженной, необитаемой пустыне?

Разговоры, не успев начаться, обрывались на одном и том же месте – как, каким образом, чудом, обманом или какой кровью подобраться к Олмеру хотя бы на расстояние полёта хоббичьей стрелы? И по мере того как один за другим отбрасывались различные способы, лицо Торина мрачнело всё больше и больше, его брови сдвигались, точно ожившие каменные выступы, а пальцы ожесточённо начинали крутить завитки бороды. Наконец он с размаху хватанул кулаком по колену.

– Так не пойдёт, брат хоббит. – В тёмных зрачках гнома плавали синеватые отсветы пламени, снующего по нижнему краю заваленного в костёр бревна. – Слишком много думаем о себе!

Он ничего не добавил, но Фолко взглянул на него почти с испугом.

«Слишком много думаем о себе – что бы это значило, да ещё в таком тоне? – думал хоббит. – Уж не решил ли Торин броситься в схватку очертя голову, надеясь, что мифрильная броня даст ему время пробиться к Олмеру, а там будь что будет? Нет, я на такое никак не соглашусь. Не-ет, никогда и ни за что! Умирать – что-то не слишком весело... Прежде чем лезть наобум, нужно поработать головой, если, конечно, ещё не оставил надежду вернуться в Бренди-холл. Там, поди, уже весна... А впрочем, что тебе до этой весны? Что толку сидеть на речном откосе и улыбаться во весь рот, глядя, как над сизыми волнами Старого леса медленно поднимается Глаз Анкалогона, как называли когда-то Солнце те, кто жил под сенью этих исполненных чёрно-жемчужных крыл? Что проку полоть репу, пересмеиваясь с подружками, бегать взапуски по зелёным склонам приречных холмов да играть с друзьями в „Бильбо и гномы в пещерах гоблинов“, строить мелкие каверзы дядюшке, втихую таскать при случае пироги с кухни?»

Перед мысленным взором хоббита проносились необычайно яркие картины мирной хоббичьей жизни, настолько зримые, что на время ему показалось – всё приключившееся с ним за два года было лишь дурным сном, от которого он наконец пробуждается...

Но пробуждения не произошло, вместо старых уютных стен Бренди-холла вокруг него по-прежнему простиралась необозримая холодная степь.

Прошёл день, и ещё один, и следующий. Они приближались к западному краю Железных холмов. Отряд Олмера шёл теперь бойчее – к нему присоединилось несколько сотен всадников, пригнавших большой санный обоз с продовольствием и множество запасных лошадей. Припасы были из Дэйла, лошади же – степные, истерлингские, как определил по подковам Торин. Вечером друзья попытались подобраться к становищу Олмера – и едва не наткнулись на патруль. Лишь издали им удалось разглядеть скопище саней, палаток и шатров, посреди которого, поднятое точно в насмешку над всеми попытками задержать его хозяина, вилось знакомое знамя – чёрная трёхзубчатая корона в белом круге посреди чёрного поля.

Спустя неделю после того, как они оставили сторожевой пост у края Серых гор, друзья достигли Железных холмов. Путь Олмера лежал почти что на восток, и, чтобы оказаться у назначенного места встречи с Малышом, им пришлось отойти совсем немного в сторону. Они нашли там пещеру, удобную и глубокую; Торин устроил в ней настоящее пожарище, заявив, что достаточно намёрзся в дороге.

В ожидании Малыша минуло ещё два дня. Олмер за это время ушёл куда-то на восток, ближе к Карнену, но Торин не сомневался, что им легко удастся проследить за ним – март стоял холодный, снега и не думали оседать, след войска был виден отчётливо.

Поджидая друга, они тратили почти всё своё время на сон – кроме тех часов, что проводили за сбором топлива. Говорили мало – ничего добавить к сказанному они уже не могли; однако обоим грызло неотступное сомнение – что, если они таки потеряют самозванного короля. Но сделать сейчас они всё равно ничего не могли, а за годы странствия даже Фолко овладел искусством бесстрастного, терпеливого ожидания.

Малыш появился на утро третьего дня, когда на страже стоял Торин. Друзья обнялись, как после долгой разлуки, у хоббита даже предательски защипало в носу. Он научился владеть чувствами, заставил себя не думать о Маленьком Гноме, не тратить понапрасну силы; но какой же увесистый камень свалился с души, когда его разбудил веселый голос Малыша, раздавшийся под прокопчёнными сводами!

Маленький Гном отказался от еды, раскупорил лишь им самим привезённый жбан с пивом, закурил трубочку и пустился в рассказы. Без всяких происшествий, счастливо миновав и патрули Лучников, и городскую стражу Эсгарота, он добрался до Одинокой горы. В пути он старался разговаривать Эрднара, но безуспешно – пленник ожесточённо отмалчивался, один раз попытался сбежать. Но главные новости были, конечно же, из Одинокой горы, где Малышу удалось пристроить Эрднара, сдав его под бдительный присмотр своих старых знакомцев.

Прежде всего Малыш встретился с Дори. Тот – то ли благодаря Кольцу, то ли оттого, что вступил наконец на приготовленный для него путь, – стал большим вождем и собрал вокруг себя многие сотни смелых тангаров, и ещё больше ожидают его команды в Серых горах и здесь, в Железных холмах. Все хотят идти отвоёвывать Морию, сам Король-Под-Горой, Наин Третий, собирается выступить в поход, как только стают снега.

– Дори не узнать, – посмеиваясь, говорил Маленький Гном. – Важный стал, голову высоко носит, но горяч по-прежнему. Слушаются его с полуслова, даже Наин ничего не решает без него. Меня он встретил неплохо, что и говорить, долго про вас расспрашивал. Не может он забыть, Торин, что ты ему Кольцо тогда сам отдал, хотя – тангар он честный – не скрывает этого. Мне говорили, что сперва хотели тебя разыскать, но как-то потом позабыли... Может,

Кольцо поработало, а скорее – Дори, очень он старался. Он уже отрешённый какой-то, весь там, в Мории... Ох, худо будет этим оркам, худо – весь Эребор поднялся!

– Что ж он будет делать? – глядя в пол, спросил Торин.

– Хочет добраться до Мории, как он ещё тогда говорил – больше ничего нового. Помоему, он просто хочет стать королём! Ему мерещатся лавры великого Дьюрина, не меньше!

– А что... – встрял было Фолко, но Торин лишь досадливо махнул рукой.

– Хватит об этом. В конце концов, пусть собирает рати, чует моё сердце, что они понадобятся всем нам... Что слышно в Одинокой горе об Олмере, о его отряде?

– Ничего, – кратко молвил Малыш и выпустил изо рта безмятежно-красивое голубое колечко. – Я был первым с северного рубежа. Знаю лишь, что никто Олмера, как мы и догадывались, всерьёз ловить не собирался, а тангарам Эребора сейчас нет дела до людских тревог...

Торный след конного войска, по которому шли друзья, тянулся строго на восток вдоль края Железных холмов, и Фолко с неослабным интересом озирался по сторонам, оглядывая эту старинную твердыню народа Дьюрина. Это действительно были не горы, а холмы, высокие, длинные, густо поросшие елью. Олмер всё же не рискнул идти по главной дороге, что вела от Ворот здешнего королевства гномов на запад, к Одинокой горе, отвернув немного к югу, в широкие холмистые просторы.

– Ну, братья, – выдохнул Торин, поворачивая пони на восток, – вперёд! Помогите нам, Дьюрин, дотянуться до горла этого Олмера!

– Там, за холмами, – Карнен, – махнул рукой Малыш.

– А кто это там так орёт? – вдруг поинтересовался Торин, и в следующий миг топор его был уже взят наизготовку.

За холмистой грядой и впрямь раздавались какие-то невнятные крики. Не похоже было, чтобы кричавший звал на помощь – он словно бился в непередаваемом ужасе, схватившись один на один с самой смертью и уже не рассчитывая на спасение.

В следующий миг друзья хлестнули своих пони. Навстречу им полетела снежная дорога, протоптанный след круто сворачивал за холм, и, хотя там могла быть засада, никто не натянул поводья. Крики не смолкали.

Белые, кое-где перечёркнутые тёмными ветвями склоны резко раздалились в стороны, и друзья с разгону вылетели прямо на речной берег. Перед ними расстилалась широкая долина реки Карнен; ровный, присыпанный снегом лёд ещё сковывал её воды, но почти на самой середине в чистом белом ковре виднелась небольшая чёрная клякса, в которой что-то билось и плескалось. Крики доносились оттуда.

– Тонет кто-то! – крикнул Фолко и первым очертя голову бросился к полынье.

Малыш едва успел повиснуть у него на плечах и остановить хоббита.

– Ты что, сам на дно захотел?!

Торин осторожно попробовал ногой лёд. Тот вроде держал. Вытащив верёвку и торопливо завязав петлю на её конце, гном, чуть пошатываясь, двинулся к полынье. За ним поспешили Малыш и Фолко, наспех обвязав друг друга другой верёвкой.

Лёд под ногами пугающе скрипел, кое-где по нему начинали змеиться предательские трещины, но друзья всё же шли вперёд и вскоре увидели, что в полынье бултыхается какой-то человек, отчаянно пытаясь выбраться обратно на лёд; на другом берегу к дереву был привязан осёдланный конь и рядом с ним – другой, под выюками.

– Эге-гей! Держись! Мы идём! – заорал Торин, желая подбодрить тонущего.

Однако лёд вблизи полыньи был то ли подмыт тёплыми ключами, то ли ещё почему-либо, но оказался ещё менее прочен, чем у западного берега. Гномы легли и поползли, однако вскоре лёд вновь стал похрустывать под тяжёлым Ториним, и тот замешкался. Они подобрались уже довольно близко, и было видно совершенно белое лицо попавшего в беду человека; обессилев,

он уже не пытался выкарабкаться на край полыньи, а лишь кое-как держался на поверхности, – даже кричать перестал.

Гномы задержались, и тогда Фолко, взяв верёвку в зубы, осторожно пополз вперёд. Он не чувствовал страха, была только неясная злоба на всю эту реку, этот лёд, на дурака этого, которого угораздило провалиться в таком неудобном месте... Лёд хрустел под ним, однако ему удалось заставить себя не слышать этого, и вскоре он, подползая почти к самому краю полыньи, исхитрился и накинул широкую петлю на плечи тонущему. Тот отчаянным усилием продел в неё руки, и хоббит затянул спасительный аркан у него под мышками. Гномы дружно ахнули, ухнули, рванули что есть силы – человека пробкой вынесло на лёд, и, прежде чем он успел подломиться под тяжестью тела, друзья оттащили спасённого в безопасное место.

Спустя считанные минуты на берегу уже вовсю пылал костёр, Малыш и Торин суетились вокруг полураздетого человека, растирая ему руки и ноги, а хоббит осторожно вёл в обход полыньи испуганно похрапывающих коней. Только теперь он смог наконец разглядеть спасённого ими.

Он был высок, светловолос, уже не молод, но и далеко не стар, – скорее он находился в возрасте между тридцатью и сорока годами, возраст не очень почтенный для хоббита, но расцвет сил для человека. Его развешанная у огня добротная одежда, прошитая по швам красным шнуром, выдавала в нём уроженца Дэйла. Он бы вооружён – длинный прямой меч в потёртых красных ножнах, а в одной из седельных сумок зоркий хоббит углядел очертания шлема. На полуобнажённой груди человека Фолко заметил длинный багровый рубец – довольно свежий, ему ещё предстояло стать белым шрамом.

Согретый и отпоенный горячим, человек приходил в себя, и у Фолко зашевелились пока ещё смутные, но тревожные мысли. Скорее всего он из войска Олмера... Что же с ним теперь делать? Сначала спасти – и только для того, чтобы допрашивать, пытаться, если он станет молчать, а после – убить? Теперь в Одинокую Гору пленника не отправить.

– И угораздило же тебя, – начал Торин, протягивая спасённому снятый с огня котелок. – Как это случилось?

Человек пил, обжигаясь, и невнятно ответил, что, наверное, там тоже кто-то или провалился, или ещё что, но он, похоже, угодил на недавно замёрзшую полынью. И тотчас, не дав Торину даже рта открыть для нового вопроса, стал спрашивать сам:

– Откуда вы? Что вы здесь делаете? Как вас зовут?

– Путешествуем по своим делам, – многозначительно ответил Торин, незаметно подмигнув Фолко и Малышу. – Мы гномы из Эребора. А ты кто?

Человек ответил не сразу. Его взгляд почему-то надолго задержался на топоре Торина, даже не на топоре, а на его топорнице – он словно был очень удивлён, увидав нечто знакомое в совершенно неожиданном для него месте. Потом его взгляд скользнул по открытой от жара груди хоббита, на которой висел заветный кинжал, и глаза его внезапно блеснули, однако он ничего не сказал, лишь назвал своё имя – Герет.

– Куда же ты держишь путь? – спросил Торин.

– В Дэйл. Там мой дом, – ответил Герет.

Торин сидел напротив него с топором на коленях, человек едва заметно усмехнулся и положил к себе на колени свой меч. На крестовине смутно виднелось какое-то клеймо, Фолко напряг зрение и едва не вздрогнул, заметив давно знакомое клеймо с Великой Лестницей!

– А я Трор, а это Трей, а это – молодой Нар, – Торин назвал самые распространённые среди гномов имена. – Хочешь ещё? – Он кивнул на опустевший котелок.

– Чем же мне отблагодарить вас – за спасение и за всё остальное? – сказал Герет и благодарно приложил руку к груди.

– Правдивыми вестями! – вдруг резко бросил Торин. – У тебя на мече знак того, кому мы служим. Мы идём за его отрядом, но отстаём на несколько дней пути. Ты ведь от него, не так ли?

Герет весь сжался, насторожённо блестя глазами и положив руку на рукоять меча.

– Ты сомневаешься? – невозмутимо продолжал Торин. – Я понимаю тебя. Но взгляни на это топорище! Взгляни – кинжал на груди Нара – и вспомни, если ты действительно служил ему! Кинжал этот – его гундабадский трофей, и Вождь Эарнил сам подарил его Нару, а мне – свой чудесный посох на топорище!

– Да, я узнаю их, – медленно проговорил Герет, – а я ещё дивился, как они очутились здесь.

– А всё ли в порядке у хельги-баана? А старый Глофур с его улагами? – вдруг встрял в разговор Малыш.

У Герета, похоже, это развеяло последние сомнения. Он широко улыбнулся, вздохнул с облегчением и по очереди протянул им всем руку.

– Вы наши... я так и думал, едва увидел кинжал и посох. Но расскажите же мне...

– Мы не можем рассказать тебе всего, – поспешно перебил его Торин, – и не просим того же от тебя. Скажу лишь, что Вождь послал нас в южные земли прошлой весной, мы собрали важные сведения и должны были присоединиться к нему под Форностом, но увы...

Он вздохнул с совершенно натуральным разочарованием и скорбью. У Герета сжались кулаки.

– Да, мы долго будем помнить этот чёрный день... – глухо промолвил он, опуская голову. – Сколько там полегло наших! Я чудом вырвался... Хорошо всё же бились ваши сородичи! Не в обиду вам будет сказано, но если бы не они – пировали бы мы нынче в Аннуминасе!

– Ты ещё расскажешь нам в подробностях про этот бой, – перебил его Торин, – а пока скажи, где нам отыскать Вождя?

– Или Санделло, – вдруг добавил хоббит.

– Вы знаете Санделло? – вздрогнул Герет.

– Да, но что с того? – нахмурился Торин. – Кто ж не знает знаменитого мечника? Однако ты не ответил нам. Мы хотим нагнать отряд.

– Но вы не найдёте там Вождя, – озабоченно сказал Герет.

– Как?! – вырвалось одновременно у всех трёх путников.

– Простой ночью он оставил войско на Береля, а сам с небольшим отрядом хазгов, с тем хельги-бааном, о котором вы вспомнили, усакал куда-то на юго-восток. С ним отправился, как всегда, и Санделло.

– Та-ак... – Торину не нужно было разыгрывать полную растерянность и горькое разочарование. – Что же теперь делать? Куда нам идти? Куда он мог направиться?

– Вождь никогда не говорит, куда он уезжает и когда вернётся. Скажу лишь – наверное, я был с ним больше вашего, – он всегда появляется, когда это необходимо.

– И никакой надежды... – начал было Малыш.

– Нет, это безнадежно. – Герет покачал головой. – Хазги очень быстры, а Вождь – он ведь быстрее всех. Но если у вас было задание, вы можете смело сказать всё Берелю – после Санделло он самый близкий Вождю человек.

– Вождь ничего не сказал нам, как быть в таком случае, – теперь уже притворно повесил голову Торин. – Но, помимо того, куда нам теперь идти? Мы гномы западные, на востоке не бывали. Не знаем ни дорог... Ничего не знаем!

– Я и говорю, – терпеливо повторил Герет, – присоединяйтесь к войску. Мы уходим далеко на восток, за Карнен, в обход земель этих потерявших рассудок злобных басканов, затем сворачиваем с тракта, что идёт через Невбор на Дешт (ни Торин, ни Малыш, ни тем более Фолко никогда не слышали ни о чём подобном) и мимо Гелийских гор (Малыш вострепенулся)

выходим к Опустелой гряде. За ней, в окружении лесов Ча, есть небольшая свободная земля, где Вождь велел нам ожидать его.

– Это ж месяцы и месяцы пути! – удивился Торин.

Герет стал расспрашивать их о южных землях, и друзья, стараясь закрепить его доверие к ним, рассказали ему довольно много из того, что узнали за время своего путешествия. Беда была в том, что они боялись особенно приставать к Герету, опасаясь лишних подозрений, однако Малыш всё же рискнул полюбопытствовать, куда же он направляется сейчас – если это, конечно, не тайна.

– Это не тайна, – ответил Герет. – Вождь отпустил многих по домам, особенно тех, кто родом из Дэйла и Эсгарота. А я сопровождал раненого друга, и, пока не стало ясно, что он поправится, я не мог покинуть войско... Теперь вот еду домой.

Остерегаясь задавать вопросы об Олмере, друзья постарались узнать как можно больше о землях и племенах Прирунья, ссылаясь на то, что никогда не были на востоке, а с Вождём встречались лишь на западе. Герет говорил охотно, и вот что он им поведал.

Селдуин, вытекая из озера Долгого, течёт через процветающие земли королевства Лучников, пока не выбирается из лесостепи в настоящую степь. Здесь начинается господство истерлингов-кочевников. По речной же долине Селдуина и Карнена до самого его впадения в Рунное море живут осёдлые истерлинги-землепашцы. В самом устье Карнена – большой торговый город Айбор, столица тяготеющих к нему обширных краёв вокруг всего Рунного моря и тянувшихся широкой полосой на восток до самой Опустелой гряды. Гелийские горы – крайняя точка владений Айбора, на юге же его земли ограничивает Великая степь, тянувшаяся от Бурых равнин вдоль горных стен Мордора куда-то в бесконечность, туда, где восходит солнце.

– Кто же правит в Айборе? – спросил Торин.

– Там нет постоянного правителя. Это город купцов и мастеров, и народ там живёт самый разный, из всех земель. У них каждый находит приют и защиту: уплати городу взнос и можешь считать себя под его покровительством. А это кое-что значит – войско у Айбора немалое. К нему прибились осёдлые истерлинги-пахари, его слово закон для обитателей Голубых лесов, да и гномы в Гелийских горах приняли его уложения!

– Но если нет правителя, кто же правит? – настаивал Торин.

– Сотни три самых богатых купцов и самых искусных мастеров, – ответил Герет. – В их землях есть ещё один город – Невбор, на востоке, на главном тракте, я о нём уже упоминал. Это почти двойник Айбора, только поменьше да укреплён получше, степь под боком – не шутка. А в Великой степи, что к востоку от Рунного моря и к югу от Опустелой гряды, живут кочевые истерлинги, народ горячий и беспокойный. Случается, они тревожат набегами границы Торговой области, так у нас называют айборские земли, – это самый большой базар Востока. В степи у истерлингов тайный город Дешт – тайный не потому, что никто не знает, где он, а потому, что на чёрный вал, что ограждает его от торговых посадок проезжих людей, не допускается ни один иноплеменник, даже такой же истерлинг, если только он стал земледельцем. В Деште дорога раздваивается. Одна, ныне почти забытая, ведёт к рубежу Мордорских земель, другая – в обход этого серого царства, в цветущий Кханд и Ближний Харад, но там я никогда не бывал. Могуч и славен город Айбор! Могуч и неприступен, ибо лет сто назад, говорят, тогдашние его головы наняли необычайно искусных гномов. И те сумели поднять из глубин горячие воды, так что даже в самые лютые морозы рукава Карнена, на которых стоит город, не замерзают и к стенам не подойти. Все вести от Мордорских стен до Железного угорья, от Чаского залесья до Мирквуда (Герет употребил старое название Чёрного леса, бытовавшее в конце Третьей Эпохи) стекаются в Айбор и Невбор. Через них идёт и главный путь с запада на восток – от Минас-Тирита через Кайр-Андрос к Прирунному всхолмью, дальше Айбор и Невбор, где южная дорога сливается с северной, на которой мы сейчас стоим. Говорят, есть ещё старый-старый путь вдоль Изгарных гор, но там никто не ходит.

– Почему? – заинтересовался Фолко.

– Странные вещи творятся там ночами, – нехотя произнёс Герет, отворачиваясь. – Какие-то... тени шастают, что ли... Да мало ли что болтают. Толком я не знаю и не люблю повторять сказки... Я ж к чему это всё? Что Айбор сейчас – узел торговых путей и богатый город, куда как богатый. – Он мечтательно прищёлкнул языком. – Эх, потрогать бы его... за подбрюшье, – он хищно засмеялся, – да Вождь не велит...

Друзья узнали немало подробностей о предстоящей им дороге. Подробности, как нарочно, были малоприятны. Вскоре после Ворот королевства Железных холмов тракт углублялся в разорённую, покинутую всеми землю, которая так и не оправилась от достопамятного всем набега хазгов позапрошлой осенью. Немногие поселения были превращены в пепел, уцелевшие жители разбежались кто куда. И хотя уже наступила весна, рассчитывать до мая найти какую-нибудь пищу в этих краях было нельзя – разве что случай выгонит на них какую-нибудь глупую птицу. Все леса лежали севернее – в Железных холмах, здесь же на добрые полторы сотни миль тянулись унылые холмистые гряды. А милях в пятидесяти к югу от тракта, где наготу холмов вновь начинал прикрывать густой девственный лес, – была область басканов, сумрачного и немногочисленного народа, когда-то разбитого пришельцами с востока и первым обосновавшегося на благословенных и плодородных побережьях Рунного моря. Однако они не удержались и там. Появились затраны, прошли, словно ураган, на северо-запад (чтобы основать там государство, давшее начало Приозёрному королевству наших дней), и басканы вновь были вынуждены бежать в Глухоманье. Однако по Великой степи уже шли с юга обозы истерлингов, и, вновь разбитые, жалкие остатки некогда многочисленного народа только и могли бессильно наблюдать, как новые хозяева утверждают на когда-то принадлежавшей им земле. С горя они предались было Чёрному Властелину, но его не слишком-то волновала подобная мелюзга. Лучших из лучших бойцов послал этот народ в составе северной армии Чёрного Замка к Одинокой горе, встав в один строй со вчерашними врагами, истерлингами, рассчитывая, что Барад-Дур не забудет их верную службу. Завалив телами все подступы к горе, северная армия загнала-таки внутрь оборонявшихся гномов и людей Дэйла, но на большее сил уже не хватило. А потом, после падения Силы Мордора, победители определили басканам эти пустынные земли вне торговых путей и судоходных рек, где они и живут по сей день. Они видели, как пришлый народ – и сменившие меч на соху истерлинги-пахари, выходцы из Дэйла и Озёрного Города, и уроженцы Гондора, и совсем неведомые пришельцы с востока – устраивали Айбор и Торговую область на их исконных землях, и не простили им этого. Басканы крепко цепляются за свою старину и не пожелали врати в то кипучее жизнью и делом становление нового государства, где никого не интересовало, что ты держишь за душой и что у тебя в прошлом. Они начали новую войну, вновь потерпели поражение и теперь лишь изредка огрызаются набегами. Грабят они и на северной дороге, так что надо быть осторожными. Однако, если удастся благополучно проскочить эти опасные места, дальше станет гораздо легче – тракт проходит через прекрасные лесистые области, признающие власть Айбора. Там обитают дорваги – народ кряжистый и упорный, так и не поддавшийся власти Зла, отбившийся в своих лесных крепостях. Про них мало что известно, но люди они мирные и открытые, свято чтущие закон гостеприимства. Они недолюбливают кочевых истерлингов, терпеть не могут басканов за их привычку бить исподтишка, в спину; на границе между басканами и дорвагами даже пришлось ставить заслоны из других лесовиков – обитателей Голубого леса, что на берегу Рунного моря. Дружины дорвагов вместе с истерлингами – опора айборского войска. Как-то оно дало хороший отпор гондорским выскочкам, когда тем вздумалось наложить лапу на эти земли! Больше Гондор сюда не суётся... Миновав леса дорвагов, тракт приходит в Невбор, и что там дальше, известно лишь по рассказам, а сам Герет глубже на восток не ходил.

– А откуда пришли хазги? – спросил Фолко.

– Они живут где-то далеко-далеко, в многих днях пути от Невбора, – отвечал Герет. – Какие-то враги стали теснить их на запад, и совет старейшин отправил на закат большой отряд – поискать свободные земли, а кроме того – найти золото для откупа. Вот почему, едва появившись в Прирунье, они полезли к гномам Железного угорья. А когда не вышло – двинулись дальше, добравшись аж до Гундабада. Дикие нравом и часто бросаются в бой без нужды, когда гнев застилает им глаза. Там мы их и встретили. – Герет помолчал. – Вождь взял в честном бою жизнь их предводителя, с того дня они и пошли за ним. Вот с тех пор я и запомнил этот кинжал. – Он кивнул на клинок, висевший на груди хоббита. – Дело в том, что, – он замялся, – боюсь соврать, хазги говорят странно... Но я понял, что когда-то очень-очень давно, невероятно давно, они жили на дальнем западе, откуда их изгнали Рыцари из Заморья... И с тех пор хазги мечтают вернуться туда. Я думаю, – он доверительно склонился к Торину, – что Вождь поскакал сейчас именно к ним – за остальной частью их могучего войска. Ведь будь их у нас под Форностом не три сотни, а три тысячи, не в обиду будет сказано почтенным гномам, ваш хирд бы не устоял! Прошу простить, если неволью задел...

– Нет нужды извиняться, – спокойно сказал Торин. – Они такие же враги нам, как и тебе. Они глупы в своей погоне за богатством, а мы верим, что и в наши подземелья может сойти Небесный Огонь, спустившись по Великой Лестнице.

Фолко очень хотел спросить, почему Герет стал служить Олмеру, но вовремя сообразил, что подобные вопросы не следует задавать людям, так или иначе оказавшимся на скользком пути, если хочешь сохранить их расположение хотя бы для того, чтобы получить нужные тебе сведения.

Они помолчали, и Торин стал расспрашивать Герета о подробностях их осеннего похода. Герет говорил с горечью, но довольно охотно.

– Вождю никогда не удавалось ещё собрать так много свободных воинов свободных земель. Вы знаете, что поднялся весь Ангмар?! Они дали большое пополнение нашей коннице и храбро дрались, клянусь Великой Лестницей! Мы ждали ещё больше подкреплений с юга, но Дунланд прислал лишь немного пеших, хотя обещал куда больше!

– Да, обещали конных, а дали только лошадей, – вдруг встрял Малыш.

– Верно, но откуда вы знаете?... Впрочем, простите, я и запамятовал, что вам может быть известно куда больше... – Герет поглядел на них с уважением и продолжал с ещё большей почтительностью: – Не пришли и те, кого мы звали из Минхириата и Энедвэйта – мелкие людишки, скажу я вам, они всё ещё верят во всякие эльфийские бредни... А вот кто не подвёл, так это принявшие нашу сторону люди Арнора и орки. Да, прошу прощения почтенных гномов, мне известно, что вы их недолюбливаете – но дрались они как безумные и поддались последними. Вождь не делает различий между теми, кто ему служит, отмечая лишь по заслугам или провинностям... но провинностей у нас почти не было, все повинуются Вождю с полуслова, да и как можно не повиноваться ему? Пришли также и те, кто поклоняется Могильникам, что возле Пригорья...

– Кое-что мы о них слышали, – как бы в задумчивости проронил Торин, – интересный народ.

– Да, интересный и люто ненавидящий эльфов, – горячо подхватил Герет. – Бойцы они, по правде говоря, не очень искусные, но смелости им не занимать. Когда-то их предки задали жару этим Рыцарям из Заморья, разнесли Арнор в клочья! Был у них тогда толковый вожак... да сгинул, вот беда. Но нашего Вождя они признали сразу и сказали, что он Вождь истинный. С тех пор идут за ним в огонь и в воду. Мы ещё договорились с Морским народом...

– Знаем, со Скиллудром, – вновь перебил Малыш.

– Верно, – кивнул головой Герет. – Его бойцы должны были напасть на устье Барэндуина и оттянуть на себя часть сил наместника, в то время как мы шли напрямиком на столицу.

Фолко неволью вздрогнул – старый маг был прав, говоря о целях ангмарского удара.

– Мы легко смяли арнорскую пограничную стражу на перевале, – продолжал Герет. – Конница засыпала их стрелами, а орки проползли ночью к самому рву и с рассветом полезли на стены. Эти раззявы не успели и глазом моргнуть, как орки уже приставили лестницы и овладели башней. Дальше было легче. Прорвав пограничные засеки, мы пошли к Форносту – нельзя было оставлять его за спиной, и мы, конечно, здорово рисковали, но всё обошлось, у Вождя нашлись верные люди и в самом городе. Кто они – я не знаю, но они сумели перебить стражу у нескольких ворот и захватить участок стены. Дружинников в Форносте мы захватили врасплох... – Герет мечтательно прищурился со столь кровожадным блеском под полуопущенными веками, что хоббит невольно вздрогнул. – Эх, славно погуляли! А потом Вождь собрал всех нас перед воротами, город горит, а он вскочил в седло и сказал: «Первая дверь открыта, вперёд, на Аннуминас, покончим с эльфийскими прихвостнями, отомстим за полёгших, Запад будет наш, а там и с Гондором управимся!» И мы двинулись к столице. – Герет тяжело вздохнул. – Эх, всё же было рассчитано! Всё! И все у нас знали, что наместник бросится со своими тяжеловозами нам навстречу, и даже знали, где он нас будет ждать... Вождь хотел покончить со всеми сразу, и мы так радовались, когда разведка донесла, что враг в одном переходе... Я помню, выезжаем на берег – там речушка была, на том поле, – а впереди конница наместника маячит, думал, сердце из груди выскочит. Да и все решили, что это будет последний бой.

– А потом? – едва заметно усмехаясь, спросил Торин.

– А потом и оказалось, что проклятый наместник куда хитрее, чем думалось! Сообразил, успел вызвать гномов! Не знаю уж, чем он их купил...

– Почему обязательно купил? – негромко сказал Малыш.

– Почему, почему, – зло бросил Герет. – У этих эльфийских подпевал всё продается и всё покупается. И воины в Арноре служат за деньги, и гномов, значит, они чем-то купили! А ведь с хирдом никто из нас не сталкивался... Впрочем, мы сперва даже не встревожились. Решили: быстро сомнём гномов, тем более что бок свой они оставили открытым, представляете – полезли прямо в лоб?! Да орех-то крепок оказался! Ничем этот хирд было не пронять. Копейщики они непревзойдённые, и щиты у них больше чем на ладонь не расходились! Пришлось наших пеших спасать, лучших всадников класть... Первую атаку нашу гномы легко отбили, я сам в неё ходил. Скачешь – а перед тобой стена стали да два ряда пик! Что тут с ней поделаешь? Уж мы стрел не жалели, да что толку? Видать, подземную броню ими не пробить. С дружинниками-то мы бы управились, но они, хитрецы, нам гномов подсунули, а сами взяли за орков да за Могильный народ. Ну и не выстояли те, конечно... А когда хирд до пехоты нашей добрался, – Герет схватился за лицо с неподдельным ужасом, – я такого страха в жизни не видывал! Копьями своими наших мечников насквозь прокалывали. Да и наши копейщики – бьют-бьют, а что толку? Гномы никого к себе не подпустили, один только раз... один лишь раз дунландцы бросились тоже тесно, щит к щиту, даже копыя прошли, так тех сбоку достали! Перебили почти всех... И тогда Вождь скомандовал вторую атаку, решил арканами хирд растащить. Санделло тоже пошёл, хотя обычно он от Вождя – ни на шаг... Вырвали в первый момент одного из хирда, Санделло в брешь бросился, говорят, двоих зарубил, но и его вытеснили... Вот тут-то я и понял, что всё, не выдохнуть. Дружинники тем временем сломали и орков, и людей Могильников, нас начинали окружать... А хазгов было слишком мало. Хотя я видел, что под их стрелами заколебался даже хирд!

– Но как же он выдержал? – Мрачная усмешка на лице Торина была уже хорошо заметна.

– Не знаю, – пожал плечами Герет. – Сам удивляюсь... Твои соплеменники оказались весьма шустрыми и не стали ждать под стрелами. Мы надеялись, что хазги сдержат хирд и нам удастся вывести остатки пехоты, но... гномы сами бросились на хазгов, те не ждали этого, смешались... Многих из них покололи копьями. А пока мы возились с хирдом, дружинники подобрались поближе и ударили своим излюбленным клином, копьями накоротке в плотном конном строю. Это они умеют, проклятые! Расстрелять их из арбалетов мы не успели, нас

изрядно потрепали, но это уже совсем грустно рассказывать... – Герет опустил голову. – Вождь до последнего не выводил из боя конных, стараясь спасти пеших. Многие погибли... Потом было бегство. Мы легче, подвижнее, нам удалось оторваться немного от конницы наместника, и мы стали отступать к Ангмару. Все думали, что там нас не станут преследовать, но наместник, оказалось, уговорил гномов идти с ним до конца! В общем, в Ангмаре убежища тоже не было. Все предлагали дать новый бой где-нибудь в горных теснинах, чтобы хирд не смог развернуться, но Вождь сказал, что нельзя подвергать опасности наших друзей в Ангмаре и нужно отступать на восток. Он прибавил, что теперь знает лучше, как воевать с Западом, и что нам нужно время.

– Погоди, а как вы хотели взять Аннуминас? – перебил Герета Малыш. – Мы бывали там. Стены куда как высоки!

– В любой стене найдутся ворота, – ухмыльнувшись, пояснил Герет. – А любую стражу, что стоит у ворот, можно перебить... если, конечно, для этого есть верные люди по ту сторону стен.

– Понятно, – медленно произнёс Малыш и замолчал.

– А взяв Аннуминас, мы становились хозяевами Запада, – со значительным видом сказал Герет, поднимая палец. – И тогда – прямая дорога на Серые Гавани!

– Гм! – промычал Торин, с трудом гася гневный блеск в глазах.

Они вернулись к разговору о событиях прошлого года. Герет рассказывал о тяготах перехода через снежные пустыни Фородвэйта, как немногочисленные поселяне отказывались добром отдавать зерно и сено, как разбегались по лесам при их появлении, и как они охотились за жителями тех мест, и как заставляли указывать тайники с зерном, как поджигали починки и займки в отместку за вынесшиеся из темноты меткие охотничьи стрелы, и Фолко вновь уловил с трудом подавляемую гномами ярость.

– Герет, скажи, а Вождь – он был с вами всё время? – спросил Фолко.

– Да, – ответил Герет, – шёл пешком, щадя коня, наравне со всеми. Другой бы не выдержал: лицо всё почернело – я видел его совсем близко. Как-то рубили лес, чтобы согреться, нашли странную чёрную яму – будто кто-то сумел развести такой костер, что выжиг дыру аж в камне.

– Дыру в камне? – недоумённо переспросил Торин, умерив на время свой гнев.

– Да, дыру в камне, – простодушно кивнул Герет, – и вроде на дне там что-то. Я только мельком видел, не до того было. Кто-то из наших болтал, что это, дескать, след Небесного Огня. Вождь, кстати, им интересовался. Делал в яме что-то.

– Ну, это уж не нашего ума забота, – с притворным равнодушием перебил человека Торин, но Фолко заметил, что гном аж задрожал при этом известии.

– А что было потом? – как ни в чём не бывало спросил Малыш.

– Потом... потом была бескормица и падёж коней, лютая стужа и снежные ураганы. И был пограничный пост на краю Серых гор. А до этого ещё были тамошние гномы... как бы сказать, чтобы не обиделись мои почтенные собеседники...

– Говори, ведь я уже сказал, что враги Вождя – наши враги, – произнёс Торин. – Не бойся. Я даже думаю, что смогу сказать за тебя. Вы просили пропустить вас в обитаемые земли между Серыми горами и лесом или на крайний случай сена для лошадей и пищи для людей. А они отказали?

– Да, ты прав. – При воспоминании об этом Герет скрипнул зубами. – И солоно же нам пришлось после этого, скажу я вам! А гномы эти – им хоть что, никак не возьмёшь. Ворота закрыли, и поди ломай скалу! Насилу выжили. Хорошо, что в Дэйле у Вождя много друзей, а то пришли бы оттуда войска, так нас после зимнего перехода можно было голыми руками брать.

– Мы разузнали, что наместник прислал в Приозёрное королевство эстафету с требованием захватить Вождя, – кивнул Малыш.

– Но им это не удалось, – засмеялся Герет. – Да, хорошо то, что хорошо кончается. Конечно, неудача – всегда неудача, но ничего, мы ещё вернёмся, и тогда Арнор уже не спасут никакие гномы.

– Так что же ты, держишь путь в Дэйл, к дому, – положил руку на плечо Герету Торин, – а дальше?

– А дальше Вождь даст знать в нужный момент и скажет, что надо делать. – Тот поднял глаза на гнома. – Я буду ждать. Как и все наши, что остались в Дэйле и прилегающих землях.

– Понятно, – кивнул Торин и поднялся. – Ну что ж, лёгкой тебе дороги! Нам пора в путь, ведь ещё нужно догнать войско.

– Прощайте, до встречи, – заулыбался Герет. – Но вы ничего не взяли от меня. Не возражайте, я хочу подарить вам что-нибудь на память о моём чудесном спасении. Может, вот это?

Он сунул руку за пазуху и вытащил небольшой кожаный мешочек. Развязав тесёмки, он высыпал на ладонь несколько золотых перстней с крупными камнями. Не слушая отнекивающихся друзей, он сунул каждому по перстню и вскочил в седло.

– Ну каково? – обвел друзей тяжёлым взглядом Торин, когда всадник скрылся за поворотом. – Что будем делать?

– Почему ты не зарубил его?! – Малыш едва не сорвался на крик. – Он же расскажет теперь всем о нас, и мы погибли!

– Не убивать же его, – глухо ответил Торин, опуская голову. – Ты сам знаешь. Это не по слову Дьюрина – убить только что спасённого тобой!

– Знаю! И всё же...

– Не всё же! Теперь мы раскрыты, и выход только один – опередить известия. Нужно догонять войско!

– А потом? – ехидно поинтересовался Малыш. – Постучаться в дверь к этому Олмеру и попросить разрешения его слегка прирезать?

– Не болтай зря! Доберёмся до войска...

– Там же нет Олмера, – вступил в разговор хоббит.

– Тем более! Чего за ним гнаться? – подхватил Малыш. – Ты надеешься дождаться его появления там? Но ведь нас схватят к тому времени и повесят вверх ногами!

– Ты можешь предложить план получше?

– Конечно! Нечего таскаться по этим пустыням, нужно спокойно спуститься по Карнену в город Айбор. Тебе ж сказали, что туда стекаются все вести с окрестных земель. Не может быть, чтобы этот Олмер, затевая что-то серьёзное, не появился там! И, по-моему, куда приятнее сидеть, попивая пиво, которого, кстати, мы в противном случае не увидим ещё очень-очень долго, чем скакать по лесам! Надо будет лишь смотреть и слушать как следует, и я не верю, чтобы люди Олмера не наткнулись на нас.

– С чего это ты взял? – удивился слегка оторопевший от такого натиска Торин.

– Герет уже признал нас за своих. Кинжал Фолко и твоё топориче известны приближённым Вождя. Уразумел? А от них мы уж постараемся что-нибудь разузнать о том, где он может быть! А то, что предлагаешь ты, – это чистой воды самоубийство! Ну вот скажи, допустим, дождался ты его. Что дальше?!

– Что-что! – обозлился Торин. – Там бы и было видно – что. А сейчас зачем зря время тратить?

– Ага! Не знаешь, а нас тащишь! Тогда я тебе скажу. Небось решил молодецки до него дорубиться, а там – героически сгинуть? Ну так я на это не согласен. Убить этого Олмера – пожалуйста, надо так надо, мы уже не одного убили и, помоги, Дьюрин, не одного убьём, если для дела понадобится. Но сам я погибать при этом не хочу! Слышишь?! Пойдём лучше в Айбор, по тавернам потолкаемся, по торжищу – глядишь, чего-нибудь да узнаем!

– А если не узнаем? Или он сам ни в Айборе, ни в его окрестностях не объявится? Ты же слышал, что этот Герет говорил – они готовят новый поход на Запад. И сидим это мы посиживаем себе в Айборе, попиваем пивко – и узнаём обо всём, лишь когда его новая рать двинется к Туманным горам!

Мальш упрямо молчал, набычась и уперев руки в боки. Торин устало махнул рукой.

– Знаю, знаю, – медленно проговорил он, остывая и приходя в себя. – Знаю, что шансов у нас почти нет. Идём в неизвестность, припасов в обрез... Но вот что я надумал, друзья: войско мы, конечно, догоним. Неделя, полторы – нагоним. А там, по-моему, от разъездов как раз прятаться не нужно. За олмеровских разведчиков себя выдавать, конечно, не следует – а вот просто вступить в его рать, по-моему, стоит.

У Малыша и у Фолко от удивления раскрылись рты.

– Я так понял, что Олмер берёт к себе всех лихих людей, – продолжал Торин. – Выдадим себя за его сторонников из Эребора, изгнанников. Помнишь Изельгрид, знак того рангтора на его подковах? Скажемся такими же. Гномы-то у него вряд ли есть, и это, с одной стороны, нам не на руку – могут что-то и заподозрить. Но с другой – некому будет нас особенно уличать во лжи. Так мы будем и сыты, и не будет нужды никого опасаться. А уж в войске-то мы с Олмером всяко встретимся! Опасно? Слов нет. Может статься, и жизнь положить придётся...

– Только не мою! – снова вскипел Малыш.

– Да почему обязательно твою! – отмахнулся Торин. – Вон у хоббита лук, из которого я уже забыл, когда он в последний раз промахивался. Всё, что нужно – немного терпения и удачи.

– А потом? – продолжал неистовствовать Малыш. – Потом нас хватают и подвешивают вверх ногами?

– А если мы пойдём в Айбор, чтобы оттуда следить за передвижениями Олмера, что изменится? Ведь нам точно так же придётся выжидать и потом так или иначе искать с ним встречи. Мы разошлись в способах сбора вестей о нём и его поиска, но в главном ты ничего нового не предложил, и я не пойму, что ты теперь возмущаешься.

Мальш насупился, но ничего не ответил.

– Может, подкупить кого? – неуверенно предложил хоббит.

– Боюсь, что никто из его окружения на такое не пойдёт, – покачал головой Торин. – Люди служат Олмеру не за страх, а за совесть. Конечно, в войске, быть может, и удастся найти какого-нибудь недовольного, но для этого опять-таки надо к войску присоединиться. Нет, я больше надеюсь на лук нашего Фолко. А там... ночь темна, и дорог во мраке много. Уж ты-то, Малыш, во всяком случае, уцелеешь!

– Мы уцелеем все – или никто, – быстро проговорил Маленький Гном.

– Ну что мы опять вертим круг без точила! – вздохнул Торин. – Нужно решать, куда мы направимся. Конечно, в Айбор идти безопаснее, да и какие-то олмеровские лазутчики там наверняка должны шнырять, но мне всё же по душе вступить в войско. Опаснее, труднее, но вернее, по-моему.

– Если опаснее и труднее, то уже тем самым не вернее, – буркнул Малыш. – А тебе не кажется, что нам там попросту не поверят и, разоружив, посадят под замок до возвращения Санделло и Олмера, которые уж постараются вытрясти из нас всю правду?

– А какая правда? – возразил Торин. – Кто из олмеровских подручных знает, что мы сражались на стороне его врагов?

– Имя Торина было названо среди особо отличившихся, – напомнил Фолко. – А, как мы знаем, в Аннуминасе есть «верные люди»...

– А то, что я – Торин, у меня на лбу написано, что ли? – ответил тот.

– Так ведь и Олмер, и Санделло тебя знают в лицо! – захохотал Малыш.

– Ну и пусть знают, – упрямо буркнул Торин, – мало ли среди гномов тех, у кого такое же имя! Подумаешь, какой-то Торин отличился! Да, во-первых, откуда они это узнают? Ну а если узнают, как докажут, что это я?

– И доказывать ничего не станут, – мрачно проворчал Малыш. – Прикончат, и все тут. Говорю я вам – идём в Айбор!

– Нет, я боюсь отпускать от себя его воинство, – так же упрямо ответил Торин. – Опять придётся решать хоббиту! Куда двое, туда и третий, так ведь?

– Нужно идти за войском, – выдавил из себя хоббит.

До этого он тщетно прислушивался к своим ощущениям, надеясь, что откуда-нибудь вдруг возникнет какая-нибудь подсказка. Но подсказка не появилась, и тогда он сказал то, что считал, преодолевая страх; хотя в тот момент почти явственно увидел себя покойником.

Малыш только плюнул в сердцах.

Дорога плавно вела их всё дальше и дальше на восток, в глубь неизведанных пространств, куда судьба не забрасывала даже героев Красной Книги. По левую руку от них высились Железные холмы, и, встретив по пути ворота в одно из ответвлений необычайно длинной системы старых пещер, прорытых народом Дьюрина за долгие века, они запаслись провиантом. Словоохотливые гномы долго расспрашивали их, куда они направляются, но Торин сразу оборвал все вопросы, сказав, что идут с необычайно важным поручением от самого Дори в отдалённые Гелийские горы. Друзья узнали и последние новости, переданные с Рудным Эхом, – рати Эребора готовы к выступлению, удалось привлечь на свою сторону даже народ из Сверкающих пещер Агларонда; и, что ещё более неожиданно, свою помощь предложили эльфы Трандуила, сказав, что им тоже важно знать, что делается в Чёрной Бездне, – об этом их просил Кэрдан Корабел, который тоже встревожен морийскими событиями. По слухам, на дороге шалили басканские шайки, но этим друзей уже было не испугать. Торин лишь лихо присвистнул, и они снова пустились в дорогу.

Шли дни; март подходил к концу, и яркое весеннее солнце неуклонно уменьшало белое покрывало снегов. Но в глубоких тенистых ложбинах и оврагах снег и не думал поддаваться; там всё ещё царил зима. Гномы и хоббит миновали несколько сожжённых и разграбленных деревень, и Фолко поймал себя на мысли, что это зрелище, когда-то заставлявшее судорожно сжиматься горло, уже не потрясает. Теперь это было лишь неизбежным знаком войны, которая началась в этих краях, – и они шли затем, чтобы эта война здесь же и закончилась. Холмы постепенно исчезали, всё шире и гуще становились расстилающиеся по сторонам рощи и перелески; ни одного живого существа не встречалось им, только несколько мелких пичуг. По-прежнему хорошо был виден на осевшем, но ещё достаточно толстом снегу след Олмера, время от времени встречались и места больших привалов его воинства. Друзья не жалели пони и себя, и расстояние постепенно сокращалось.

Второго апреля по календарю хоббита они вступили в предлесные области. Степи уступали место густым дубравам; судя по всему, недалеко было и до границ Торговой области, если Герет ничего не напутал.

Дорога сбегала по длинному пологому спуску в неглубокую широкую впадину, густо заросшую островерхими елями. Торин внезапно натянул поводья – дорогу перегораживало здоровенное поваленное дерево. Шагах в тридцати от преграды друзья спешили.

– Что-то это мне не нравится, – обронил Фолко, вытащив лук.

Его вновь охватило знакомое чувство близкой опасности. Встав спиной к спине и выставив клинки, друзья шаг за шагом стали приближаться к преграде. Ни у кого не возникло и мысли свернуть в сторону – без дороги они пропадут через несколько дней... Нужно было прорываться.

– Там кто-то есть, – шепнул Фолко Торину.

Тот угрюмо кивнул и опустил на лицо забрало глухого шлема. Надвинул на глаза начищенную сталь и хоббит. Прирученные пони смиренно трусили вслед за ними.

Тихо-тихо было в ложбине, но чуткое ухо Фолко всё же уловило неясный звук, донёсшийся из зелёного сумрака под елями, – кто-то неосторожно переступил с ноги на ногу. В тот же миг прозвенела тетива. Стрела вонзилась в ствол, и одновременно Торин воскликнул, потрясая топором:

– Эй, кто тут есть?! Выходи и говори, что нужно!

Ни звука. Лишь чуть вздрогнули лапы у ближайшей ели.

– Теперь бей по-настоящему, Фолко, – одними губами сказал гном.

Малыш поудобнее перехватил меч и, словно ему надоело ждать, решительно зашагал к поваленному дереву. Чёрная петля аркана взвилась, будто дождавшаяся добычи змея бросилась наконец из своего убежища. Но ещё быстрее оказалась стрела Фолко. Чьё-то тяжёлое тело с треском проломило ветви лежащего на дороге дерева и упало в снег. И тотчас раздалось слитное пение доброго десятка тетив, и стрелы невидимых врагов стегнули по шлему и доспеху хоббита. Малыш тем временем быстро разрезал упавшую ему на плечи петлю.

Тишина. В снегу вокруг друзей валялись стрелы, бессильно отскочившие от мифрильных бахтерцов. Они стояли спина к спине, закрывая собой своих пони, испуганно пятящихся к подъёму из ложбины.

– Нужно прорубиться через эту ёлку, – нагнувшись, шепнул хоббиту Торин. – Иначе они нам всех пони перестреляют...

Но враги ничем не обнаруживали себя, и друзья – лук и топор наготове – шаг за шагом двинулись вперёд, туда, где стоял, выставив перед собой клинки и хищно озираясь, Маленький Гном. Зелёные разлапистые ветви загородившей им путь ели медленно приближались. Там, за укрытием, был враг, и он тоже затаился, считая и соизмеряя шаги подходящих. Злая воля, противостоящая им, напряглась, воздух, казалось, застыл, и жуткая тишина окружила их.

Аркины вновь взвились, бесшумно и одновременно, хотя никто из друзей не услышал ни команды, ни иного сигнала; две верёвочные петли захлестнули плечи Торина; одна упала на Фолко и одна – вновь на Малыша.

– Режь! – отчаянно выкрикнул Торин.

В тот же миг рухнули сплетённые из ветвей маскировочные щиты по обеим сторонам дороги; на колею выскочило десятка два странно одетых вооружённых людей; сильный рывок почти свалил Фолко с ног, чтобы разрезать потащившую его верёвку, пришлось на миг выпустить из руки лук. Тут же на хоббита прыгнули сверху, стараясь спутать ему руки той же верёвкой. Фолко успел выдернуть из ножен свой короткий меч, его правую руку скрыли снег и еловые лапы поваленного дерева, и враг увидел опасность слишком поздно. Короткий взблеск стали, хруст входящего в плоть клинка, стон – и Фолко ужом вывернулся из-под сразу обмякшего тела, срывая с себя последние остатки аркана.

Он успел подхватить лук за миг до того, как на него вновь набросили петлю. Верёвка натянулась, среди ветвей поднялся здоровенный мужик, потянувший хоббита к себе. Лишь краткое мгновение хоббит видел его круглое красное лицо под низкими кожаными складками странного подобия боевого подшлемника; искривлённый в беззвучном крике рот, выкаченные глаза... Стрела, выпущенная в упор, пронзила незащищённое горло врага, и Фолко вновь избежал губительного аркана. Поспешно отскочив в сторону и торопливо накладывая новую стрелу, он попытался осмотреться.

Гномы уже всю рублились, стоя спина к спине, и один из нападавших уже валялся на покрасневшем снегу. А ещё трое волочили к лесу их пони со всей поклажей. Туда-то, не обращая внимания на устремившихся к нему врагов, и рванулся Фолко.

С пробитой головой рухнул один из противников, двое других бросили добычу и повернулись к хоббиту; один выхватил короткий меч, другой поспешно сорвал с пояса аркан. Сзади тоже набегали враги, и хоббит взялся за меч.

Против него оказалось сразу двое – второй подоспел сзади – и, если бы не уроки Малыша, Фолко пришлось бы плохо. Но нападавшие, как ни странно, оказались не слишком умелыми мечниками; их удары были сильны, но не быстры и очевидны – хоббит легко угадывал их направление. Раз, другой, третий – его клинок отбивал обрушивающиеся с двух сторон удары; в первый миг он краем сознания удивился, почему ему никто не угрожает со спины, а потом, улучив момент, понял, что его сумели прикрыть гномы, и теперь они стояли вместе в большом кругу, в самой середине которого оказались выскользнувшие на время из внимания хоббита их лошадки.

О шлем хоббита вновь сломалась стрела, и звон в ушах неожиданно прояснил его мысли. Он вдруг прыгнул прямо на цепь двигающихся врагов и громко заверещал, высоко поднимая руку в латной рукавице с окровавленным (он успел зацепить одного из нападавших, рассёк ему предплечье) мечом:

– Остановитесь, безумные! Именем Вождя приказываю! Санделло вам ещё пропишет...

Словно по волшебству, нападавшие остановились. Страшная тишь повисла над местом схватки, и хоббит с трепетом ждал, почти перестав дышать, – подействует или нет?!

– Так они ж наши! – изумлённо прогудел в тишине чей-то гулкий бас. – Что ж вы сразу не сказались? Разрази вас гром, бездельники! – Один из противостоявших им, могучий воин в медвежьей шкуре, повернулся к своим. – Почему сразу не спросили? А вы – почему сразу не сказали?

– Слугам Вождя Эарнила, спешащим со срочным заданием, нет времени объясняться с каждым, кто решит проверить крепость их мечей! – заносчиво крикнул Торин. – Разиня, сейчас порубили бы вас! Нет, Санделло мы непременно всё расскажем!..

При этих словах все без исключения нападавшие, как по команде, повалились на колени, раздался многоголосый гомон, в котором сперва было трудно что-то понять, но потом Фолко уразумел – нападавшие просили прощения; затем их вожак, поднявшись, просил путников не подрезговать их басканской трапезой в знак того, что они не держат обиды на слуг великого Вождя.

– Как бы не было новой ловушки, – пробормотал Малыш.

Однако во временном лагере их опасения рассеялись. Басканы так стремились угодить новоприбывшим, что вожак даже не обиделся на просьбу Торина, чтобы тот отпил первым из поднесённого им большого кубка. В дальнейшем они черпали горячее дурмящее питьё из общего котла, откуда брали и все остальные; да и в здорового кабана – одного на всех – тоже трудно было напихать отравы именно для трёх путников.

Фолко, верный своему обычаю побольше узнавать о новых землях и народах, подробно расспрашивал оказавшихся за одним костром с ним недавних врагов.

Участь этого народа оказалась и впрямь жалкой. Всеми забытые, вытесненные в неплодородные лесные земли, басканы только и могли, что вымещать злость на беззащитных и невинных путниках с большой дороги, которая, однако, опустела после набега хазгов год назад. Хоббита поразило, как его собеседники говорили о Вожде:

– Он солнцеликий, при нём я чувствую, что мы ещё поднимемся и отомстим всем этим эльфийским подручным (Фолко вспомнил, что именно так говорил и Герет), мы вышибем их из их домов и сами пойдём на новые западные земли, где хватит места всем, кто будет преданно служить Вождю, да продлятся его дни вечно! Он первым пришёл к нам после стольких лет забвения... Он пришёл, и уважительно говорил с нами, и показал нам свою силу, поражая всех страхом, идущим из глубин его существа. Он приходит, и словно могучая сила подхватывает тебя, и ты чувствуешь, что в тебе хватит силы и злости перегрызть горло десятку врагов, прежде

чем погибнешь сам... И ты знаешь, что он наступит, тот великий день, когда мы отвоюем себе новые земли – и те, которые укажет Вождь. Ему ведомы пути и способы!

Ночью друзья спали плохо. Они не сняли доспехов, опасаясь внезапного нападения. Ведь если имя Санделло наводит на них такой ужас, вдруг хозяева сочтут, что надёжнее прикончить опасных бродяг, чем допускать их пред очи горбуна? Однако страхи не оправдались, ночь прошла спокойно.

Наутро они невольно стали свидетелями странного обряда басканов – повернувшись к югу, они некоторое время молча стояли, закрыв лица руками, а потом вожак вдруг заговорил на странном диковинном образе исковерканном всеобщем языке:

– О, пославший огненные стрелы... дай нам силы... пусть те, кто познал силу Чёрной Ямы и Чёрного Замка... – Дальше шло уже нечто совсем неразборчивое.

Провожаемые преувеличенно добрыми напутствиями, друзья покидали басканский лагерь, и хоббит не переставал ломать себе голову над тем, что значит – сила Чёрной Ямы и Чёрного Замка? Ну, Чёрным Замком может, конечно, быть Барад-Дур... а может, и Дол-Гулдур... а что за Чёрная Яма? Может, имеет какое-то касательство к Небесному Огню? Хоббит попытался расспросить об этом провожавших, но все, едва он задавал вопрос, испуганно зажимали себе рты, а вожак, побледнев то ли от страха, то ли от злости, вполголоса сказал, что об этом вслух говорить нельзя.

– У Чёрной Ямы мы брали ненависть... – шёпотом прибавил он и тотчас, будто испугавшись собственной смелости, скрылся за спинами других воинов.

Такими и запомнил Фолко басканов – высыпавшие на дорогу из леса плохо вооружённые, бедно одетые в полувыделанные звериные шкуры люди, потерявшие всё и воспринявшие непонятную чёрную веру, от которой ему становилось не по себе. Но в то же время он понимал, что это весьма важно, – ведь баскан сказал, что Вождь тоже познал силу Чёрной Ямы и Чёрного Замка... Что ж, если Чёрная Яма – это след Небесного Огня, то всё вполне понятно.

Дорогу вновь со всех сторон обступили дремучие леса. С каждым днём они делались всё гуще и гуще, всё больше напоминая хоббиту о Старом лесе. Ельники да сосновые боры, чистые лесные речки с переброшенными через них мостами из толстых неошкуренных брёвен... И повсюду – следы, следы, следы. Воинство Олмера никуда не сворачивало, да и не могло уже свернуть.

Шла вторая половина апреля; немеренные лиги пути по лесной глухомани оставались за спиной. Начинали показывать дно мешки с провиантом, и Торин, хмурясь, вновь принялся урезать порции. Где же обещанная граница Торговой области? Сколько ещё продлится эта дорога в никуда, в неизвестность, через незнанные, неведомые земли? Сколько ещё дней пути до Гелийских гор, где гномы рассчитывали на помощь своих соплеменников? Заветный клинок, который хоббит частенько брал в руки, лежал в ладони холодным и мёртвым; сны были смутные, и Фолко не мог ничего запомнить из них. Несколько раз он взывал мысленно к Гэндальфу, надеясь ещё раз встретить великого мага, но всё было тщетно. Малыш бурчал, что если бы они послушались его, Строри, то давно бы уже сидели где-нибудь в тепле у камина, потягивали бы себе эль... И только бурно наступающая весна радовала любившего солнце и тепло хоббита. В лесу ещё было полно снега, но деревья уже ожили после зимнего оцепенения. Вода пропитывала сугробы, и они постепенно оседали, становилось труднее идти и отыскивать сухие места для ночлега... И тут вдруг подал о себе весть Радагаст.

В один из вечеров, когда друзья, уныло прикончив скудную трапезу, грелись и сушились у огня, над костром внезапно мелькнула чья-то стремительная бесшумная тень, и, прежде чем Фолко понял, что это такое, из мрака ему на плечо опустился огромный старый филин.

– Это ты? – подскочил от неожиданности хоббит. – С чем пожаловал?

Птица прикрыла круглые жёлтые глаза и повернула ушастую голову.

Кожаная ладанка... печать красного сургуча... тесьма... письмо!

Письмо и ещё какая-то остро пахнувшая травка...

– Читай! Читай же! – насели на хоббита с двух сторон гномы.

«Друзья мои! – Маг писал по-эльфийски, и прочесть непонятные, тонкие, точно воздушные, письма мог один хоббит. – Не думайте, что я забыл о вас. Птицы постоянно сообщали мне о ваших передвижениях. Они напали и на след Олмера. Он обогнал войско и, минуя город Невбор, скачет на восток. – Ниже была тонко нарисованная на прозрачной шелковистой ткани карта Прирунья. – Сколько он пробудет там, не знает никто. Постарайтесь держаться ближе к его главному убежищу между Опустелой грядой и лесами Ча. Рано или поздно он там появится. И ещё звери доставили мне сведения о всех местах, куда мог упасть Небесный Огонь и где Олмер также может объявиться (помечено красными точками)».

Фолко поднял глаза – карта была густо испещрена алыми крапинками. Их было не меньше четырёх десятков.

«Кое-что удалось узнать о Доме Высокого. Это жилище одного из тех, кто мощью своей помогал Творцам завершать дело построения Средиземья. Время в окрестностях Дома остановлено, где-то поблизости живут таинственные Восточные эльфы, не признающие власти Светлой королевы и идущие каким-то своим путём. Я узнал, что этим интересовался и Олмер. Быть может, удастся застигнуть его там? Посылаю вам и разрыв-траву, она развязывает язык, если выпить её отвар. Берегите и не тратьте по пустякам. Напишите, что вы узнали сами. Ответ отошлите с филином. Радагаст, когда-то Карий».

– Здорово! – восхитился Малыш; при всей своей осторожности и здравомыслии он порой, как ребёнок, радовался таинственным известиям о чудесах из Предначальных Дней. – Помните Тропу Соцветий, про которую Башня толковала?

– погоди, – остановил его Торин, внимательно вглядывавшийся в карту. – Пусть Фолко пока ответ напишет, а ты гляди-ка сюда – куда ударяет этот Небесный Огонь?

– Куда, куда... – несколько растерянно пробормотал Малыш. – Куда захочет, видимо!

– Да, куда захочет... – задумчиво произнёс Торин. – И, видимо, золото здесь ни при чём. Я давно над этим думаю. Ведь если та Чёрная Яма, что мы нашли по пути в Аннуминас (тебя тогда не было, Малыш, я тебе рассказывал), если та Чёрная Яма – это след Небесного Огня, то уже странно – значит, врут, что золото подземное его к себе притягивает. В тех холмах золотом и не пахло! И карта эта... Теперь я уверен. Нет, ничего его не притягивает. Это что-то иное... К тому же – смотри, Фолко! – видишь – четыре точки ещё обведены! Так... Читай примечание!

«Обведены, – стал читать хоббит на обороте, – места, куда тоже, по слухам, ударил Небесный Огонь, но только там он оставил такой след – выжженная незарастающая яма в земле, пробитой до скального камня».

Они молча пожирали глазами карту. Да, так и есть – один обведённый кружок стоял между Пригорьем и Аннуминасом, на самом западном краю карты, ещё один – на северном склоне Серых гор, ближе к Карн-Думу, третий устроился ни много ни мало, как возле Дол-Гулдура, четвёртый был на северной оконечности Опустелой гряды.

– А-а, шут разберёт этих волшебников! – с отчаянием махнул рукой Торин. – Ну и что ж нам с того?! Мало ли какой Небесный Огонь бывает... К тому же, кто знает, почему в этих местах получились такие ямы?!

– Интересно, бывал ли Олмер в остальных трёх, – пробормотал Фолко, задумчиво разглядывая карту. – Ты помнишь, Торин, кто-то ведь был у той ямы, что мы нашли в прошлом году... Уж не Олмер ли?

– Может, он, а может, и кто другой... – проворчал Торин.

Они спорили ещё долго, но так ничего и не смогли объяснить сами себе. Фолко порылся в мешке, достал давным-давно не пускавшийся им в дело письменный прибор и принялся за ответ Радагасту. Торин подбрасывал дрова в костёр, Малыш что-то тихо говорил филину.

Хоббит старательно описал всё происшедшее с ними, потратив на это весь вечер и добрую часть ночи. Когда всё было готово, они тщательно запечатали письмо в ладанку, привязали на прежнее место, и спустя мгновение филин Радагаста бесшумно растворился в ночи.

Наутро они вновь были в сёдлах. Карта давала надежду, что теперь они не будут блуждать вслепую, хотя Дома Высокого не было и на ней. Малыш так загорелся, что уже забыл о своих недавних предложениях идти в Айбор, попивать тамошнее бархатное пиво. Судя по карте, до границы лесных племён, держащих руку Торговой области, оставалось лишь несколько дней пути.

Глава 4

Свободные люди

Первая в 1723 году гроза всю громыхала и сверкала молниями над весенним лесом. Потоки воды, обрушиваясь с затканного косматыми серо-чёрными тучами небосклона, немилосердно заливали слабый, едва-едва шипящий костерок, который друзья тщетно пытались укрыть растянутыми плащами. Было второе мая, и они сделали привал у ворот, сколоченных из цельных могучих – в два обхвата – брёвен. Ворота возвышались прямо посреди лесной чащи ни к селу ни к городу. Никакого забора по обе их стороны не было, створки были распахнуты настежь; похоже было, что распахнуты они уже давненько – успели кое-где врасти в землю. По верху ворот шла искусно вырезанная на стволе надпись – на всеобщем языке, привычными Даеронскими рунами, и вторая – на языке непонятном и странными знаками. Надпись на всеобщем гласила:

«Путник! Ты вступаешь в землю свободных. Иди с открытой рукой, и Сила лесов да будет благосклонна к тебе!»

– Интересно, – повернулся к Мальшу Фолко. – Силой лесов, если помните, в Рохане именовали энтов...

Снег уже почти исчез с дороги, след Олмера угадывался лишь по редким стоянкам его воинства. Всё время друзьям попадались уже довольно старые следы привалов, а сегодня утром они вдруг наткнулись на совсем свежие кострища. Это был, судя по их числу, какой-то отряд, отделившийся от главных сил и непонятно зачем застрявший в этих местах. Разразившийся дождь с грозой нимало не охладил горячий спор о том, зачем это сделано и что, собственно, следует теперь предпринять.

Пока спорили, гроза кончилась. С отвращением натянув мокрые плащи и хлюпая носами, друзья взгромоздились в сёдла и тронулись. Позади осталась одна лига, другая... На третьей лесные заросли вдруг раздвинулись, дорога выбежала в широкий круг пёстрых полей; на холме в центре Фолко увидел бревенчатые стены и над невысоким частоколом – серые крыши домов. И одновременно услышал лязг мечей, вой и крики. Ударив пятками в бока своих пони, он и гномы выехали на поросший кустарником бугорок, откуда смогли рассмотреть происходящее.

Большой отряд пеших воинов, ошестинившийся копьями, теснил и теснил к лесу небольшую конную рать. В том, кто и откуда эти конные, сомнений не возникло ни на миг: чёрно-плащное ангмарское воинство. Похоже было, что арбалетчики невесть уж зачем сунулись было на селянский частокол, показавшийся им, очевидно, таким невысоким. Что произошло после, понять было трудно, но обитатели этого селения ухитрились загнать врагов в узкий коридор, постепенно сужающийся меж двух стен глухого леса, и теперь довершали дело.

– Как идет! – восхищённо проговорил Торин, глядя на плотный строй лесных жителей.

Лишь первые ряды были как следует вооружены, едва ли не половина воинов не имела ничего, кроме щитов. С обеих сторон густо летели стрелы, но на каждую короткую арбалетную приходилось пять длинных лучных, причём невидимые стрелки били и из-под лесного полога, со всех сторон, и помочь арбалетчикам теперь уже ничто не могло. Теряя людей и коней, напрасно пытаясь спешиться и мечами остановить волну лесных латников или выбить засыпавших их стрелами из леса, они гибли быстро, и их упорство ещё более ускоряло их гибель. Их короткие толстые стрелы вырывали бойцов из навалившейся на них толпы; спешившиеся и взявшиеся за мечи бойцы рубили отчаянно, но здравый смысл подсказывал, что нужно немедленно повернуть всем и рассыпаться по лесу, понадеявшись на коня да на чёрную свою удачу.

И ангмарцы словно бы подслушали. Как-то сразу сломалась тонкая преграда спешившихся мечников – они просто погибли все до единого – и те, кто ещё оставался в седле, с

гортанными возгласами прянули, очертя голову, в густой зелёный сумрак навстречу гибельным стрелам лучников. Поле перед строем пеших воинов опустело, но они, не растерявшись и наставив копыя, десятками тесных групп по семь-восемь человек устремились в погоню. На месте недавнего боя осталось тридцать или сорок воинов. Из-за частокола уже бежали женщины подбирать раненых.

– Поехали на открытое место, – толкнул Фолко в бок гномов. – Иначе на нас наткнутся и снова драка выйдет. Тут уже, похоже, именем Вождя не отговоришься!

Они сняли шлемы и латные рукавицы и, не таясь, поехали по полю прямо к кучке лесных воинов. Их заметили почти сразу – кто-то предупреждающе крикнул, добрый десяток луков с наложенными стрелами и натянутыми тетивами сразу повернулся в их сторону; но они ехали шагом, спокойно, и Торин вдобавок высоко поднял над непокрытой головой руки.

Их встретил вышедший навстречу могучего сложения воин в простой кольчуге, только что снявший высокий островерхий шлем. К мокрому лбу липли потные светлые волосы, на кожаной петле, охватывавшей правое запястье, висела тяжёлая палица. Светлые глаза смотрели пронзительно и остро, в них ещё не улеглось боевое бешенство, однако он учтиво поклонился приезжим и на всеобщем языке осведомился, кто они, как их зовут и куда они держат путь.

Торин вздохнул, оглядел насторожённо, но без страха или неприязни смотрящих на них людей и обратился к говорившему с ответным приветствием; все трое друзей низко поклонились. Представившись, Торин сказал:

– Почтенный, не знаю твоего имени, мы охотно ответим тебе на последнюю часть твоего вопроса, но не сейчас, чуть позже. И расскажем нечто, небезынтересное для вас.

– Что ж, – помедлив мгновение, ответил воин. – Гей, ребята! Проводите гостей проезжих к старейшине. – Он оглядел друзей и вдруг улыбнулся. – А меня зовут Ратбор, я воевода нашего рода.

Несколько подростков, страшно гордых своим заданием и новыми боевыми луками, проводили друзей через всё поселение, оказавшееся довольно крупным, немногим меньше Пригорья. Их провели к большому бревенчатому дому с крытой серым тёмсом крышей. Низкий и длинный, он двумя крыльями охватывал небольшую площадь в самой середине посёлка. Возле украшенного затейливой резьбой крыльца маялся страж-парнишка с луком и длинным, не по росту, мечом. Ратбор остановился и что-то негромко сказал ему на своём языке. Бросив любопытный взгляд на новоприбывших, юноша скрылся за дверьми и спустя минуту вынырнул снова, с поклоном говоря что-то Ратбору. Они вошли внутрь.

Миновали то, что Фолко назвал бы «прихожей», где было темно и прохладно; по стенам висела какая-то утварь, мимо друзей неспешно прошествовала пушистая трёхцветная кошка. Большая комната с огромной белой печью в углу, высокое резное кресло, и в кресле – высокий, сухой, седой, как зима, старик с колючим взглядом глубоко посаженных тёмных глаз. В руке он держал длинный белый посох с раздвоенным навершием. Друзья низко поклонились. Ратбор сел на лавку по правую руку старика; некоторое время все молчали, наконец старик, пристально вглядывавшийся в лица друзей, шевельнулся и знаком пригласил их сесть. Неслышно приоткрылась дверь, юноша-страж внёс кувшин и ловко расставил затейливо вылепленные глиняные кружки. Старик заговорил на всеобщем языке:

– Я Шаннор, старейшина рода из колена Этара, людей дорвагского языка, – медленно заговорил он. – Говорите, чужеземцы! В нынешние опасные времена нам поневоле приходится быть осторожными, а по оживлённому когда-то тракту ныне никто, кроме ночных воров, не ездит.

Фолко глядел в пронзительные по-молодому глаза старейшины и понимал, что наступил тот редкий случай в их странствиях, когда нет нужды врать и выдавать себя незнамо за кого. Похоже, нечто подобное чувствовал и Торин. Он откашлялся и степенно, как и положено уважающему себя гному, заговорил:

– Почтенный Шаннор, старейшина рода из колена Этара, и ты, почтенный Ратбор, воевода рода, мы назвали при всех ненастоящие наши имена. Позвольте же нам сохранить их в тайне, ибо мы идём по следу нашего общего, как я понял, врага.

Старейшина и воевода даже привстали, впившись взглядами в их лица.

– Мы видели последние минуты вашего боя с чёрными арбалетчиками Ангмара, – говорил Торин, – мы идём по их следу и следу их предводителя уже год. Мы сражались в великой битве далеко на Западе, в Арноре, где дружины людей Запада вкупе с ополчениями верных слову гномов разгромили этого самозваного короля, именуемого то Вождём, то Эарнилом, то Хозяином, а то ещё – Олмером. Мы узнали, что он собирает остатки всех, кто служил Тьме, что он хочет расправиться с эльфами и покончить с наследием Великого короля, вновь ввергнуть Средиземье в пучину кровавых войн. Нам удалось настичь остатки воинства этого Олмера, мы преследуем их, чтобы улучшить момент и... покончить с этой угрозой, уничтожив саму её причину. Мы видим, что вы также вступили в бой с ними. Так помогите же нам или, по крайней мере, не препятствуйте.

– Я верю вам, – медленно произнёс Шаннор, – ваши глаза не трепещут. Я скажу вам, что произошло у нас. Мы издревле живём вблизи большой дороги, далеко ходим, многое слышим и со многими говорим. Вы, наверное, не знаете, что к северу от лесов обитают злобные басканы...

– Прошу прощения, – довольно вежливо перебил старейшину Малыш, – знаем, и даже лучше, чем хотелось бы. Мы насилу отбились от их засады! Пришлось кое-кого из них мечом да стрелой успокоить!

– Вот как? – поднял брови Шаннор, а Ратбор даже подался вперёд, и кулаки его могучих рук сжались.

– Опять они за старое, – сдвинув брови, произнёс воевода, а затем что-то быстро и горячо заговорил, обращаясь к старейшине, на своём языке, но старик остановил его.

– Обсудим это после, – намеренно сказал он на всеобщем языке. – Я не думаю, что наших гостей волнуют наши счёты с басканами. Дело в том, что, сталкиваясь с ними, мы узнали, что они снова подчинились кому-то, кто дал им надежду, пообещав плодородные и свободные земли в награду за верную службу. А потом по лесам и рекам, от моря до гряды прокатилась весть, что сбивается ватага поискать добычи на закате, и кое-кто из басканов пошёл. Не миновали эти посулы и нас. Несколько наших молодцов, прельстившись, стыдно сказать, награбленным, отправились вслед за этим Вождём, и тогда же мы услышали ещё одно его имя: Трегг. Я видел его – три или четыре года назад, когда он только сколачивал своё воинство. А потом мы узнали, что он хитростью и коварством захватил области, что за Грядой, и готовит поход на Запад. Он засылал к племенам дорвагского языка послов, одного я видел – горбатый, страшно сильный! Они звали всех с собой. Но мы – люди вольные, нам чужого не нужно. А те парни, что соблазнились и дом бросили, проступок свой кровью смыли – ни один не вернулся... Воинство Трегга – или Олмера – прошло здесь четыре дня назад. Их было много, и с ними шли такие, каких мы отродясь не видывали. Люди – и нелюди, аж страх берёт. Они потребовали пропуска и кормов и всё время звали с собой, толковали что-то об эльфах, о том, что с ними нужно покончить... Сила Вождя возросла, да как-то не по-людски тоже. Всем вроде хорош – высок, строен, вид величественный, а у нас народ при виде его стал холодным потом обливаться да потихоньку-полегоньку – по кустам да по погребам расползся. Звал он, звал, да только мы теперь учёные... Тогда-то он и распорядился оставить здесь отряд своих арбалетчиков. И тогда мы решили – хватит. Хочешь воевать – вой, но сторожей на нашей земле мы ставить никому не позволим! Учинить ссору с его отрядом было делом нетрудным. Сперва они загнали нас за частокол, попытались штурмовать, но тут-то Ратбор и вывел всех наших. Остальное вы видели.

– Вы хотите в одиночку справиться с Олмером? – спросил Торин, с восхищением глядя на старейшину, мужества и отваги которого не подточили годы. – Он силён, куда сильнее, чем вы можете думать, глядя на те немногочисленные отряды, что он сумел вывести после

разгрома. Он прельстил даже хазгов – слышали про таких? – и вновь хочет собрать под своей рукой сильную рать.

– В одиночку с Олмером не справиться, – спокойно подтвердил Шаннор. – Не так-то просто собрать все дружины дорвагского языка – для этого нужно крепко обидеть нас всех. Никто и никогда не пытался ставить у нас свои отряды, даже Айбор. Лишь когда наши стычки с басканами начинали грозить большой войной, сюда высылали пограничную стражу из других мест... Конечно, если Трегг вздумает мстить нам, ему это станет очень дорого; но если он сделает вид, что ничего не случилось, то наши копьё останутся висеть на стенах. В поход на него мы не пойдём, своих забот хватает.

– Но ведь он может начать ужасную войну?! – воскликнул Торин.

– Пусть воюет, – холодно обронил Шаннор. – Нам вмешиваться в это не пристало. Конечно, если он нападёт на Айбор, тогда другое дело. Но он никогда этого не сделает!

– Почему же? – жадно спросил Фолко.

– Потому что в Айборе его скорее всего поддержат, – грустно покачал головой старейшина. – Там любят смелых и сильных, которые умеют указать путь дружинам, водить и расставлять полки. Купеческий город всегда нуждается в воинах, даже если у них нечиста совесть. Это мы, дорваги, сидим на своей отчине и дедине, это нам хватает пустых земель к северу и востоку, это мы порой встречаемся – втайне, конечно, с эльфами... Мы не стремимся властвовать над другими, мы хотим удержать своё, а если и расширить его, то отвоёвывая у пустынь, а не у своих соседей. Таких мало в Айборе. Истерлинги-пахари, что живут по Карнену и по берегам моря, точат зубы на чёрные земли степей, их братья-кочевники... тем просто абы пограбить кого не своего да нахватать пленников, чтобы работали. Уж не говорю про басканов!

– Вы первые на нашем долгом пути, кто не поддался на Олмерову ложь, – с отчаянием стиснул руки Торин. – Многих, многих он улестил, многие слепо пошли за ним. Он покорила не только хазгов и басканов, известных вам, он сбил с пути ещё немало западных племён, увлекая их давними обидами на Арнор или эльфов, теперь уже не разобраться, действительными или выдуманными.

– Дорваги уже трижды заслоняли собой Айбор, когда все другие падали ниц перед степными пришельцами и молили о пощаде, – холодно вымолвил Шаннор. – И каждый раз наши лучшие воины оставались там, на юге. Ты предлагаешь нам вновь взять на себя роль спасителей? Только теперь уже не только своей отчины, но и всего Средиземья? Но, почтенный гном, что нам за нужда охранять Запад? Мы не знаем с Арнором – он слишком далёк от нас. Король же Гондора как-то сам ходил на нас походом, желая подчинить богатую Торговую область. К тому же никто пока не доказал народу дорвагов, что эта война, которую, быть может, и замышляет Олмер, всё-таки разразится.

– Неужто вы берётесь за оружие, лишь когда враг стоит у вашего порога! – в сердцах бросил Торин. – Сейчас, чтобы погасить пламя новой войны, достаточно будет ведра воды, потом же не хватит и Великого моря.

Старейшина и воевода переглянулись, видно было, что слова гнома им не очень-то понравились, и Фолко поспешил перевести разговор в иное русло.

– Почтенный Шаннор, ты сказал, что вы иногда встречаетесь с эльфами. Неужели они ещё остались в нашем мире?

– Конечно, – пожал плечами старик. – Но их мало, очень мало. Я встречался и с теми, кто ещё живёт под рукой короля Трандуила в северной части Чёрного леса, что между Эребором и Андуином, и с теми, кто забредал в наши края с Востока. – Морщины на лбу старейшины разгладились, губы улыбались, в глазах появился тёплый отсвет. – Они воистину Дивный народ, хранители древнего Знания. И они учили нас, ведя из тьмы к свету, учили видеть красоту в обыденном. И они говорили о том, что не надо бояться смерти, Проклятия Людей, ибо она – свидетельство какой-то иной участи, уготованной нам Устроившим сей мир. И много другого

говорили они, повествуя о давно минувших днях и давно отгремевших войнах, о светлом, но застывшем Заморье, и о могучей, но холодной королеве... Эльфы появлялись как лёгкие серебристые призраки и снова растворялись в лесных глубинах, и тогда сердца людей наших родов светлели, нам становилось легче, и появлялись новые силы. От эльфов мы узнали и историю Войны за Кольцо. Они много говорили о прошлом и никогда – о будущем, всегда напоминая, что предсказания – плохие помощники и в минуту нужды, если будет совсем туго, они, эльфы, поспешат на помощь... Иногда мы просили показать нам их дом, но они лишь улыбались и качали головами, говоря, что всему своё время.

– А говорили ли они что-нибудь о магах? – спросил оторопевший от этого рассказа хоббит.

– О магах? – поднял брови старый вождь. – Говорили, но вскользь. Маги – слуги Великой королевы, посланные противостоять первородной Тьме, принявшей в те дни своё очередное обличье, которое должно было быть разрушено. Но маги, сосредоточив в себе немалые и непонятные смертному силы и знания, распорядились ими по-своему. Один, я знаю, вообще предался злу, другой стал повелителем зверей, птиц и растений, третий же две тысячи лет потратил на открытый поединок с Чёрным Замком, в конце концов переложив главную тяжесть на плечи маленького существа из невообразимо далёкой отсюда западной страны, а потом ушёл за Море. Погоди, не спрашивай с меня слишком строго! – в шутливом страхе прервал себя Шаннор, видя, как хоббит подпрыгивает на месте от нетерпения, желая возразить ему. – Я лишь вспоминал услышанное за многие годы от Восточных эльфов. Посланцы Трандуила говорили иное.

– Но, быть может, они упоминали Чёрных гномов, Тропу Соцветий, Дом Высокого или Первых Слуг Стихий? – с мольбой спросил хоббит.

– Никто не в силах удержаться от разысканий, лишь краем уха услышав об этих чудесах, – ответил старик. – Кое-что они упоминали, но лишь вскользь, и обо всём, перечисленном тобой, говорили, как о вещах, от которых смертным надо держаться подальше. А говорят ли тебе что-нибудь такие слова, как Ночная хозяйка, ущелье Прыгающих Камней, клад Ореме?

– Только об Ореме я кое-что слышал, – признался хоббит.

– А знаешь ли ты, что ещё дальше на восток есть удивительные земли, где и слухом не слыхивали ни о каких Кольцах? Что есть где-то страна Великого Орлангура? Знаешь ли ты о Пожирателях Скал? О Чёрной Бездне, нет, не поселении гномов на Западе, а о настоящей Чёрной Бездне, где обитают удивительные, невиданные живые твари, не подвластные ни свету, ни тьме? Знаешь ли ты, что там, по Восходным Странам, по-прежнему странствуют искатели клада Ореме, о котором опять же никто не знает, где это и что в нём, известно лишь, что он есть? Что есть области, где властвует Ночная хозяйка и смертные живут в вечном ужасе перед незримой, неотвратимой Смертью, что приходит ночами в образе ужаснейшего существа, против которого никто не устоял? Что в мире множество сил, и белых, и серых, и чёрных, среди которых эльфы Запада, постоянно глядящие в морские дали, – лишь малый отряд? Так-то, мой мальчик, прости за эти слова – ты ещё так юн! Всё это мы узнали от Восточных эльфов... Но мы не стали глубоко вникать в это. Человек должен пахать, сеять и убирать хлеб – и не лезть без нужды туда, где его раздавят, как муху. Ты хочешь узнать об этом больше? Тогда ищи, жди, и, быть может, постранствовав год-другой по нашим лесам, ты и встретишь эльфов...

– Но как же Олмер? Вы же можете его остановить, ведь он враг вам и враг эльфам, от которых вам было столько добра! Почему вы не хотите выступить против него?

– Потому что мы не любим войны, – ответил за Шаннора Ратбор. – Мы воюем по необходимости, а не по желанию, как, скажем, истерлинги.

– Но тогда война сама придёт к вам! – воскликнул Торин.

– Тогда мы и дадим ей отпор, – невозмутимо ответил воевода.

– А если будет поздно?

– Ты хочешь сказать – против нас окажется слишком большая сила? Но откуда ей взяться? Степной коннице дороги в глубь наших лесов и болот нет, а с пехотой мы как-нибудь справимся, уж ты мне поверь, нам приходилось постоять за себя.

Воспользовавшись перерывом в беседе, гостеприимные хозяева пригласили друзей за богато накрытый стол. Малыш приободрился, увидев пенящиеся кружки с тёмным пивом, Торин же равнодушно вглядывался куда-то глубоко-глубоко в себя, что-то напряжённо обдумывая...

Словно растратив запал, друзья весь обед говорили с дорвагами об иных вещах. Рассказывали о пережитом, об Арноре, о гномьих поселениях на Западе, но ещё больше расспрашивали сами, и хозяева охотно отвечали им. Они узнали, что дорвагов много, что земли их тянутся на сотни и сотни лиг к востоку; они владеют всем лесом от Восточного хребта, именуемого ещё Баррским, что в переводе на всеобщий означает «изобильный сверканием». Гномы тотчас наострили уши, и Шаннор, улыбаясь, сказал, что ручьи в тех местах, подмывая склоны, часто обнажают россыпи самоцветных камней. Но гномов в Баррских горах нет, там живут совсем иные существа, покоровившиеся Ночной хозяйке и в свою очередь сами покоряющие для неё новые земли, откупаясь от этого неумолимого создания жизнями пленников. Хоббит невольно кинул не слишком смелый взгляд на тёмные углы дома, где скапливался мрак, и поспешил заговорить об Опустелой гряде и о лесах Ча.

Ратбор ответил, что когда-то, совсем-совсем давно, Опустелая гряда была местом, где люди добывали руду и редкие камни, вывозили мрамор для отделки королевских дворцов Юга; гномы за хорошую цену продали людям эти места, а сами перебрались в нетронутые Гелийские горы. В те годы возникли первые поселения на местах нынешних Айбора и Невбора. Люди Гондора двинулись в леса Ча за так нужной им древесиной, однако Восток сумел постоять за себя. Дошедшие до наших дней предания, заботливо сохранённые дорвагами, донесли известия о невиданных, вышедших из земли чудовищах, полужверях-полурастениях (Фолко сразу подумал об энтах). Выбравшись из своих тайных болотных логовищ, они погубили несколько десятков лесорубов, однако никого не преследовали за границами леса. Наученные горьким опытом, гондорцы оставили леса за грядой в покое, тогда же и появилось это название – Ча, что в переводе с басканского значит «подземный ужас». И по сей день об этих лесах идёт дурная слава. Говорят, будто изгнанные эльфами из Чернолесья огромные хищные пауки нашли себе приют в этих местах, будто среди деревьев там есть такие, что сами собой выкапываются из земли и бродят по тропинкам, проложенным неведомо кем, и забредают в населённые людьми области, хватая неосторожных и ломая им ветвями кости. («Хьорны, не иначе», – подумал Фолко.) А вполголоса передавались вести о делах ещё более странных. О зачарованных полянах, где в ночи полнолуний собираются на свои бдения гурры, а служащие им огромные жабы приносят туда похищенных в деревьях младенцев. Собравшиеся варят там особые тайные снадобья, поя ими украденных детей, и те навеки превращаются в рабов; или же убивают свою живую добычу и из их крови варят себе страшные яства... («Кто же это такие, гурры?» – удивился хоббит.) И если такой гурр совет себе подземное гнездо где-нибудь вблизи деревни, люди бросают её – он отравляет колодцы, засыпает, иссушает родники, портит хлеба, насылает страшные болезни. И горе тому, кто неосторожно столкнётся с несколькими гуррами! Сами они невелики собой, и, если гурр один, смелый и опытный охотник убьёт его, но если их пять-шесть... Нагонят, схватят и затащат под землю, где заставят ходить за корнями молодых тополей – их излюбленной пищей, а когда человек состарится – его сжирают. И ещё говорят, будто бы эти гурры копят и копят силы, чтобы в один прекрасный день выйти из своего добровольного заточения и превратить в свои владения всё Прирунье, лишив тех, кто дерзнёт противостоят им, воли и мужества, наслав обессиливающий страх. («Интересно, откуда всё это известно? – подумал хоббит. – Слишком уж смахивает на бабьи сказки!») Одним словом,

никто не решался вступать в эти леса; они стояли, словно несокрушимые бастионы, ограждая с юга и востока небольшое свободное пространство между ними и Опустелой грядой...

– Кстати, а насколько она проходима? – деловито осведомился Торин.

Шаннор и воевода вновь обменялись быстрыми взглядами.

– Тропы там есть, – медленно проговорил старейшина, – но вам их так просто не найти... Гряда велика, а тропы – тайные.

– А почему она именуется Опустелой? – с важным видом справился Малыш, как будто от её названия зависело неведь что.

– Потому что оттуда ушли гондорцы и во всей округе стало необычайно тихо и пустынно после многих лет их напряжённого труда, – пожав плечами, ответил Шаннор.

Торин уже раскрыл рот, чтобы спросить ещё что-то, касающееся дороги до гряды, но тут встрял Фолко.

– А Небесный Огонь? – вдруг спросил он. – Слышали ли вы что-нибудь о Небесном Огне?

– Конечно, – кивнул головой старейшина. – В молодости я сам видел его падение, а кроме того – наверное, вам это будет интересно – мы узнали, что ваш Олмер почему-то очень интересуется им.

– Всё очень просто, – продолжал Ратбор. – Во время боя мы освободили нескольких рабов, что арбалетчики гнали с собой скованными. Мужчины посильнее тут же похватили какое ни есть оружие и пошли сводить счёты; и полегли все, потому что бились, как бешеные, не щадя ни врагов, ни, увы, себя. Уцелел лишь один, жестоко израненный. Когда его несли к лагерям, я сам слышал, как он прохрипел: «Небесный Огонь! Ждите главного около Небесного Огня!..» – и лишился чувств.

– Гей, Гердар! – распорядился Шаннор. – Сходи посмотри, как там тот освобождённый, которого ранили.

Прислуживавший за столом мальчик поклонился и поспешно выбежал на улицу. Разговор невольно пресёкся. Прошло несколько минут, и запыхавшийся посланец появился на пороге.

– Пришёл в себя и говорить хочет, просит кого-нибудь из старших позвать, – произнёс он на всеобщем языке, медленно и с запинкой.

– Что ж, идём, – сказал старейшина и поднялся, тяжело опираясь на резной посох.

На улице царило радостное оживление. Как пояснил Ратбор, готовился пир в честь победы. Мужчины восторженно и восхищённо рассказывали что-то охавшим женщинам и сбегавшейся со всех концов шустрой ребятне. И хотя кое-где слышались рыдания и причитания по не вернувшемуся из боя мужу, сыну или отцу, радостных криков и смеха было куда больше.

Раненые лежали в чистом просторном доме, заняв обе его половины. Вокруг них сновали несколько пожилых женщин и стариков, очевидно, лекарей. По стенам были развешаны пучки сухих трав, и вокруг стоял густой пряный аромат какого-то отвара. Лица раненых, несмотря на гримасы боли, казались Фолко удивительно светлыми – воины исполнили свой долг, и исполнили его хорошо.

При виде Шаннора и воеводы люди зашевелились, раздались хриплые приветственные возгласы; те, кому было полегче, приподнялись, приветствуя своих предводителей.

Пришедшие остановились возле одного из лежавших. Его лоб и грудь были затянуты белыми холстинами, глаза закрыты; дышал он хрипло, с трудом. Ратбор осторожно коснулся плеча раненого. Глаза человека тотчас открылись, словно он только и ждал этого; пальцы судорожно вцепились в широкую ладонь воеводы.

– Говори, мы слушаем тебя, – произнёс Ратбор, склоняясь к нему. – Вот Шаннор, старейшина нашего рода. Говори, мы слушаем.

– Убейте убийцу! – Губы говорящего с трудом вытолкнули слова. – Убейте, пока он не убил всех вас.

Раненый говорил на всеобщем языке с явным признаком того, что он родился и вырос в Арноре. Он говорил, временами останавливаясь, облизывая пересыхающие губы, и тогда Ратбор подносил ему чашу с дымящимся отваром. Раненый делал несколько глотков и продолжал.

...На крохотный починок, приютившийся на северных склонах Серых гор, беда свалилась ранним зимним утром, когда от крепкого мороза трещали деревья в лесу. На росчисть из заснеженной чащобы стали один за другим выбираться всадники, каких ещё не встречали в этих краях от самого их заселения.

Несколько верховых подъехали к наглухо закрытым по ночному времени воротам починок и стали выкрикивать хозяев. Из-за тына ответили, спрашивая, что нужно доблестным воинам от мирных поселян; в ответ раздалось – зерна, сена, хлеба и всего, что есть в закромах! Хозяевам предложили самим открыть ворота, пока это не сделали силой.

Однако в починке жили три смелых и гордых рода; и они поняли, что верить пришельцам нельзя, что войско это голодает и что оно возьмет всё, оставив людей умирать медленной и мучительной голодной смертью; и они ответили насильникам стрелами. Но, отбитые из луков и дубьём в двух местах, нападающие ворвались в пяти других. Началась резня...

Несколько оставшихся в живых охотников заставили таскать из развороченных амбаров мешки с зерном, выгружать тщательно сvezённое по лету сено; лошади воинов как безумные рванулись к корму...

Так пал починок, у которого не было даже имени; и его недавние хозяева, которых случайно пощадили меч и копьё, стали рабами Великого Вождя. Почти все родичи говорившего умерли от голода и стужи во время ужасного перехода через заснеженные пространства; и ещё несколько раз он видел, как горели разграбляемые поселения; когда его самого гнали на стрелы и пики отчаянно защищавших своё добро хозяев, он молил об одном – о быстрой и лёгкой смерти от праведной стрелы. Вокруг него падали такие же несчастные, принуждённые покусать свою жалкую жизнь кровью и смертью других, но он был словно заговорённый... Но зато он видел и слышал и под конец дал обет во что бы то ни стало рассказать об этом тем, кто встанет на дороге убийц; им он сможет принести своё покаяние и сообщить добытые сведения.

Он видел Вождя – близко-близко. И он не мог не трепетать в его присутствии – странная и страшная была в нём сила. Иногда, если в осаждаемом починке защищались особенно упорно, он сам, не обнажая меча, подъезжал к воротам, и тогда у защищавшихся словно руки опускались. А его собственные воины, казалось, забывали про страх, безоглядно бросаясь вперёд. И стало ясно, что именно этот Вождь – причина всему. Не станет его – и у смуты не будет корня, ибо заменить его не может никто. У него есть несколько ближайших подручных, командовавших отдельными частями его отряда; главные среди них – Санделло, страшной силы горбун, и Берель, бывший сотник из королевства Лучников. Воины толковали о надёжном укрытии за лесами Ча и Опустелой грядой и что не всё ещё потеряно, надо только собраться с силами. И ещё он понял, что Вождь разыскивает места падения Небесного Огня, для чего рассылает лазутчиков во все стороны, словно убеждён, что места эти находятся где-то поблизости. А однажды, посланный рубить дрова в ближайшем лесу, он вдруг увидел Вождя; тот ехал вслед за одним из разведчиков в сопровождении воинов. Из лагеря пригнали десятки рабов, велел копать снег на небольшой округлой поляне, в то время как воины Олмера окружили её двумя широкими кольцами; сам-то он вскарабкался на высокую ель, откуда увидел обнажившуюся под руками рабов чёрную, выжженную скалу, чёрную глубокую яму на горном склоне... А потом нежданно взвились мечи ближних охранников Вождя, и раскапывавшие яму рабы полегли все, безжалостно зарубленные на месте; а потом Олмер отослал охрану и, оставшись в одиночестве, что-то долго делал в яме, но было плохо видно, что именно; а когда Олмер вылез из ямы, то рассказчик едва не свалился со спасительного дерева – столь странным показался ему облик Вождя.

– Что-то слишком многие толкуют нам про этот Небесный Огонь... – мрачно пробормотал Торин. – Вразуми меня Дьюрин, ну зачем ему эта яма?!

Больше раненый ничего уже не мог добавить. Он и так говорил долго, и силы его истощились, голова бессильно запрокинулась. Неслышной тенью возле него возникла старушка с какими-то новыми травмами. Шаннор сделал знак, что пора идти.

– Ну что скажешь теперь? – спросил у него Торин, едва они очутились на улице.

– Мы будем говорить и думать, – вдруг холодно произнёс Шаннор, и глаза его уже смотрели куда-то поверх голов друзей. – Нужно собирать большой совет родов нашего колена... Отдохните, друзья, дом для вас будет вскорости готов, Ратбор покажет и распорядится.

Старейшина, почти не горбясь и не опираясь на свой посох, зашагал прочь. Ратбор кликнул нескольких мальчишек, что-то быстро и строго приказал им, и те, бросая любопытные взгляды на пришельцев, быстро разбежались в разные стороны. И спустя немного времени друзья уже сидели в небольшом чистом доме, а их пони получили вдоволь сена.

– Небесный Огонь, Небесный Огонь, – ломал себе голову Торин. – Что нужно было Олмеру в этой яме? Не идёт у меня из головы та яма, что вы видели в Арноре, – кто же там рылся, неужто Олмер?

– Постойте! – вдруг спохватился Фолко. – А фибула, что мы там нашли?!

– Фибула?! – схватился Торин. – Верно! Мы ж про неё давным-давно забыли! Надо у этого, раненого-то, расспросить!

Лицо пришедшего к тому времени в себя раненого тронула слабая усмешка.

– Да, я узнаю её, – проговорил он. – Этот рисунок я частенько встречал у них на фибулах и других вещах, это их знак... Но откуда она у вас?

– Взяли в бою, – кратко сказал Торин, не желая вдаваться в подробности.

– Я видел почти такую же у Береля, – добавил раненый.

– Значит, он там был, – уверенно сказал Торин, меряя шагами комнату.

– Но был один, – подхватил Малыш.

– И что-то взял там, – подытожил Фолко. – Знать бы только – что?

– А зачем убивать рабов? – не унимался Торин. – Ясно, чтобы никто не узнал... О чём? О его интересе к Небесному Огню знал даже Герет! Может, они что-то увидели в самой яме?

– Яма как яма... – проворчал Малыш. – Странная, конечно, яма, но вы-то там ничего особенного не заметили.

– Может, это особенное он и забрал с собой? – предположил Фолко. – И именно это видели те, кто раскапывал яму!

– Короче, не мешает опередить Олмера у следующей ямы, – заметил Торин. – Судя по карте, это не так далеко... Правда, мы не знаем дороги, но, наверное, дорваги могут помочь с проводником.

Малышу явно не хотелось лезть куда-то в дорвагские дебри; он надул губы и скривил рот.

– Ты можешь довести до конца хоть один свой план, Торин? Сколько мы тут будем плутовать? И откуда ты знаешь, что он не опередил нас? Это ж почти его вотчина... Наверняка там уже все окрестные леса прочёсаны!

– Не думаю, – ответил Торин. – Он же ускакал к хазгам и когда ещё вернется...

– А может, все только думают, что он у хазгов, – не унимался Малыш, – а сам совсем в другом месте?

– Нам всё равно нужно пробиваться на гряде, – сказал Торин. – Кто знает, где мы найдём тропу? Так и так придётся обшарить немало ущелий. Глядишь, нам и повезёт, и мы увидим этот след Небесного Огня до того, как там побывает Олмер. Тогда, быть может, нам и станет ясно, зачем он ему сдался!

Ни в тот день, ни в следующий они не видели ни Шаннора, ни воеводу. Из града летели куда-то спешные гонцы. На второй день к друзьям пожаловал Ратбор.

– Роды колена Этара оповещены обо всём, – хмуро сказал он. – Хочу спросить сам: что вы станете делать?

– Что и намеревались, – пожал плечами Торин. – Идти в логовище Олмера и покончить с ним.

– Кто знает, может, это и вернее, чем слать многочисленные рати, – вздохнул воевода. – Мы просим вас взять с собой нескольких наших разведчиков. Если роды всё же поднимутся – нам понадобятся точные сведения о враге. И кроме того, человек этот, Эрлон, тоже хочет идти.

– Он же пластом лежит? – удивился Малыш.

– Он позже выйдет. Одвуконь легко догонит. Ох и зол же! Дорвётся до кого из олмеровской свиты – зубами глотку перегрызёт. И опять же – лесной человек, бывалый. Впрочем, вам решать, вообще-то он просился с нашими.

Вечером того же дня Фолко зашёл к Эрлону. Раненых стало поменьше – всё больше и больше народу вставало на ноги. Хоббит сунул руку под плащ, и его пальцы нашарили тёплую рукоять заветного клинка.

Разговор был коротким, да и прислушивался хоббит больше не к словам собеседника, а к своим собственным ощущениям. Ему удалось скользнуть по едва различимой границе меж сном и явью, его мысленному взору открылись глубины чужой памяти (Фолко делал всё это, не в состоянии объяснить, как он это делает, но – получалось!). Человек не лгал. Его помыслы были чисты.

Они выступили на следующее утро. Трое рослых, крепких дорвагских воинов в полной лесной справе ждали их у околицы. Предутренние туманы теснились в полях вокруг града, по небу после ночного дождя медленно расползались кучевые облака. Эрлон, ещё слабый, но бодрый, вышел проводить их. Встречу назначили в приметном месте у Гелийских гор, откуда во все стороны шли удобные и скрытые тропы. С Эрлоном отправлялся четвёртый разведчик Ратбора. Переметные сумы хоббита и гномов распухли от щедро положенного новыми друзьями припаса. Разведчики дорвагов хорошо знали земли до самой Опустелой гряды, и гномы приободрились; да и у хоббита, несмотря на несколько зловещих, смутных снов последней ночью, настроение изрядно поднялось.

Они простились с Шаннором и Ратбором, в последний раз поправили перевязи с оружием и сели в седла; постояли, подняв руки в последнем прощании, и тронулись. Что-то подсказывало хоббиту, что больше он сюда не вернётся.

Дорога через дорвагские леса оказалась не из трудных. Грады попадались часто, принимали в них радушно. Всюду Фолко видел, несмотря на радушие и гостеприимство, лихорадочные хлопоты, ошибиться в назначении которых он уже не мог – дорваги готовились к войне. Рылись ямы, куда ссыпалось зерно; обновлялись частоколы, кое-где возводились новые башни, углублялись рвы. Повсюду в кузнях звенели молоты – брызжа огненными искрами, в пламени горнов рождались новые мечи, брони, наконечники для копий и стрел. Кое-где свозили лес ближе к дороге, намереваясь, очевидно, в случае надобности перекрыть её завалами.

Разведчики Ратбора не скрывали своих тревог. Старший, Келаст, командовавший одним из пеших отрядов в бою с арбалетчиками, прямо говорил, что если дело обстоит так, как ему поведали почтенные гномы (о том, что Фолко – не гном, а хоббит, пока ещё никто не догадался; он сильно подрос и ростом был уже почти с Малыша, лишь только уже в плечах), то не миновать большой беды и большого горя! И теперь им очень важно вызнать – в каких силах враг, что засел за грядой, и когда он собирается начать, и хорошо бы выяснить, куда повернёт Олмер свои сотни?

Славные люди оказались эти дорваги, упорные, основательные, немногословные. Торин заикнулся как-то, что хорошо бы пробраться за грядку, попутно обшарив её северное окончание, – и был разочарован, услышав, что через тамошние великие болота перейти почти невозможно, а уж вести сколько-нибудь правильные поиски, подступая со стороны леса, и вовсе

немыслимо. Пробиваться нужно было с юга, по самому краю гор. Но сомнений в том, что они проберутся туда и разузнают всё, что ему, Торину, может потребоваться, – ни у кого из дорвагов не было.

«Вперёд, по лезвию ночи, покуда звёзды горячи!» – дружно пели они все вместе походную песнь. Гелийские горы приближались.

Глава 5

На подступах

– Ну вот, пора сворачивать. – Келаст натянул поводья. – Вот эта тропа ведёт к Гелийским горам, нам туда и надо. На краю подождём Эрлона...

Было одиннадцатое мая, и всё вокруг уже вовсю цвело и зеленело. Весна вступила в дорвагские леса, и они сделались необычайно хороши; но в душе у хоббита по-прежнему царилась осень. После бесхитростного рассказа Шаннора о чудесах восточных стран он вдруг ощутил, насколько мал тот, казавшийся ему необъятным западный мир, ограниченный Великим морем и восточными границами Арнора и Гондора! Другой мир – странный, пугающий, живущий по каким-то своим законам, постепенно раскрывал перед ним свои тайны, и этому миру, похоже, не было дела до всяких там Колец, магов и властелинов, казавшихся хоббиту краугольными камнями мироздания. Ночная хозяйка, леса Ча, гурры, Пожиратели Скал, Восточные эльфы, Чёрные гномы – всё это было не из Красной Книги, всё это, похоже, было даже не из наследства Саурона. И какую роль во всём этом должен был сыграть их поход? Начатый, если говорить честно, едва ли не от одной зависти к героям прошлого. Эти герои думали о будущем лишь как о благополучном, но бесцветном времени Владычества людей, когда магия минувшего исчезнет и весь мир подчинится новому Властелину – Всемогущему Времени... И как хорошо, что это оказалось не так, что ошиблись даже самые великие, самые сильные того мира – как Владычица Галадриэль, например. Пали Три эльфийских Кольца, и эльфы Нолдора покинули Средиземье; но остались Телери, Зелёные эльфы и какие-то Восточные, о которых очень скупо повествует даже Красная Книга. Благословенная Земля на Заокраинном Западе, обиталище Валаров, стала окончательно недостижимой для смертных, но остались сами смертные, которые упрямо не хотели признать ничьего права распоряжаться их пусть короткой, но яркой и полной борьбы жизнью, и рано или поздно кто-то из них должен был восстать против Непреодолимой Черты и попытаться силой или хитростью пробиться на Прямой Путь, что ведёт к отодвинутым из кругов нашего мира Бессмертным Землям.

И тут хоббиту впервые стало ясно, что вольно или невольно те, кто проводил ту Черту, кто повергал в пучину Нуменор и наложил на род людской Проклятье, обрекшее его смерти, сделали ужасную ошибку, наделив младших детей Земли свободой воли, тем самым научив их презирать смерть в бою и даровав им вечное, неутолимое желание, жажду познания, ещё более острую и ненасытную, чем та, которой обладали Перворождённые. И в этом кроется корень того, что впоследствии было названо Злом. И люди по собственной воле, а не только из страха, вставали под знамёна Моргота или Саурона; вставали под знамена тех, кто обещал им (пусть лживую!) свободу от наложенных непонятно кем и для чего пут, кто обещал им владычество над Средиземьем.

В этом черпал силы Олмер, и как жаль, что они не пристрелили его ещё тогда, в Аннуминасе! Да, они взяли бы на себя непрощаемую вину первой пролитой крови; и, прочтя историю Первой Эпохи, хоббит знал, что Судьба жестоко отомстила бы ему за это. Однако он сам оборвал себя, ибо что толку сожалеть о несбывшемся?..

Гелийские горы, невысокие, старые, сильно разрушенные водой и ветрами, стояли в глубине дремучих дорвагских лесов. Здесь были самые богатые грады, самые обширные поля и самые густые сады. Как всегда, когда люди и гномы селились в близком соседстве, и те и другие начинали процветать и быстро богатеть. Здесь была колония гномов народа Дьюрина, и Торин надеялся найти тут помощь и поддержку.

Разведчики Ратбора остались ждать Эрлона на гостином дворе, как назывались в этих краях придорожные трактиры, а гномы и Фолко направились по широкой, тщательно вымощенной дороге к Воротам Гелии.

Толстые каменные створки были широко распахнуты, в глубину уходил широкий, плавно заворачивающий коридор, освещённый множеством факелов. Перед воротами расстилалось обширное торжище, сейчас, по-весеннему времени, почти пустынное. Но движение в воротах было оживлённым – люди и гномы сновали туда-сюда. Поручив своих пони заботам трактирщика, друзья вошли под гулкий свод, и хоббита вновь охватило странное волнение – он вновь словно очутился на пороге пугающей Мории, хотя своды здесь, надо сказать, и высотой, и отделкой куда как уступали морийским.

От главного тоннеля ответвлялись боковые коридоры, людей постепенно становилось всё меньше – они рассасывались по ближним покоям и залам; стало больше попадаться гномов. Видно было, что строители не слишком заботились о красоте тоннеля: стены обработаны кое-как, пол лишь заглажен, кое-где трещины, выбоины и ямы. Друзья миновали ещё один поворот, дневной свет померк, мрак разгоняло лишь пламя факелов. На них уже поглядывали с любопытством, кое-кто останавливался, интересовался, из каких они краёв и что слышно о ратях Дори Славного?

Оказалось, по Рудному Эху пришла весть, что Дори вывел из Эребора многочисленные отряды гномов рода Дьюрина и направился к Мории. Но что стало с ними дальше, никто не знал. Многие из Гелийских гор тоже отправились в этот поход, оставшиеся друзья и родственники с нетерпением ждали вестей.

Коридор вывел друзей на широкий, с завидной тщательностью отделанный подземный тракт; от встречных гномов Малыш вызнал, где найти мастерские его родни. Туда они и направились.

Небольшим и уютным оказалось Гелийское поселение; так удививший сперва Фолко грубостью своей отделки тоннель был пробит лишь несколько лет назад для большего удобства торгового сообщения, и там ещё предстояло много работы. Здесь жили тревогами и заботами дорвагов, сжившись с ними настолько тесно, что, как оказалось, на Большом Совете дорвагских колен и родов обязательно присутствовали выборные Гелии. И ещё друзья узнали, что в Гелии не было короля или правителя; по образцу дорвагов гномы избирали в Совет Гелии самых искусных и правдивых.

Всё это сообщила им родня Малыша – Фреир, Дис, его жена (Фолко впервые видел женщину-гнома и таращился на неё с изумлением...) и их дети Наргор, Берир и сестра их Фир. Давным-давно они покинули Западные горы и отправились на Восток, и не просчитались – здесь и горы были богаче, и дышалось легче. Дорваги оказались хорошими покупателями; а тревоги на рубежах не давали забыть и то, что всегда прославляло гномов – их оружейное искусство. Мощный седобородый Фреир, чьё лицо стало тёмно-багровым от жара подземных топок, с гордостью показывал когда-то непутёвому Строри и его почтенным друзьям свои кольчуги и кинжалы. Всё это было заказано и вскоре должно было отправиться к покупателям. И чтобы не ударить в грязь лицом, Торин едва заметно кивнул Малышу; на столе, сверкая серебристо-жемчужными переливами, с лёгким звоном, подобным журчанию пробившегося из-под снега ручейка талой воды, несущего в себе прозрачные хрусткие льдинки, мягкой тенью развернулась мифриловая кольчуга, выкованная в Горне Дьюрина.

Хозяева глядели на это чудо молча, приоткрыв рот и выпучив глаза; с этой минуты Малыш и Торин поднялись в их глазах на недостижимую высоту. Рассказ Торина о Кузне Первого Гнома поверг их в священный трепет; и Фреир, яростно скребя бороду, вдруг проговорил, глядя остановившимся взором куда-то в недоступную даль:

– Как жаль, что мы не пошли со Славным... – Губы его сжались, и брови сошлись.

Разговор сам собой перешёл после этого на дела серьёзные. Торватые и лёгкие на подъём гномы Гелийских гор не гнушались странствий, много видели, слышали и рассказывали по возвращении; не прошёл тут незамеченным и поход Олмера.

– Этой весной он засылал к нам своих людей, – понижая голос, сказал Фреир. – Да только у нас глупых нет – мы работу нашу грабителям не продаём. Сперва он, признаться, соблазнил многих обещаниями щедрой платы, предлагая перекупить всё готовое к продаже из доспехов и прочей воинской справы. Но когда он стал вытаскивать золотые браслеты, ожерелья, серьги и узорные пояса, нам стало не по себе. Такое купцы с собой не возят! Все торгуют на триалоны Гондора, а если их нет, то слитками, рубленками или ковками, кому как удобнее. А это... сразу видно, что взято на приступе да силой с людей сорвано! Наши выборные ему отказали. Хотя, я знаю, он нашёл где-то несколько беглых гномов, которые стали работать для него. Но самого интересного я вам ещё не рассказал!

И Фреир поведал им удивительную историю о том, как лет сто назад в Гелии появился странный пришелец откуда-то с востока, по виду и языку – гном, не из колена Дьюрина; само по себе это ещё не было удивительно, ибо существовало ещё шесть младших родов, пошедших от остальных шести Праотцов; но этот гном был и не из их числа. На голову выше любого из обитателей Гелии, он обладал огромной силой и владел поистине чудесными секретами мастерства. Из его рук выходили такие совершенные в своей законченности самоцветные камни, что раз взглянувший на них уже не мог оторвать взгляда; и камни эти за огромные деньги покупались вождями Прирунских племён и племенных союзов. Пришелец назвал себя Наугримом (Фолко удивился – это значило всего-навсего «гномы» по-эльфийски, на языке Синдара; пришелец скрыл свое настоящее имя, а речь Перворождённых гелийцы, конечно же, давным-давно позабыли, если когда-либо и знали). За сто лет он сотворил лишь пять или шесть таких камней; но они принесли ему и богатство, и славу. Однако он отдал всё полученное за них Совету Гелии, сказав, что ему ничего не нужно; и ещё он часто давал дельные советы, никогда не ошибаясь, а потом постепенно стал и предсказывать. Сначала он говорил лишь о сугубо подземных вещах – где следует ожидать прорыва вод, куда должна повернуть хитро проведённая жила и так далее, но постепенно стал предупреждать и о возможных тревогах на поверхности. Он предсказал великое вторжение с востока, когда соединённые силы истерлингов Великой степи, дружины дорвагов и Торговой области вкупе с подошедшими отрядами гномов Гелии с величайшим трудом и большим для себя уроном отбили натиск неведомых кочевников с юго-востока; после этого Наугрима хотели выбрать в Совет, где ему давно следовало быть по его искусству, знаниям и рассудительности, но он вновь отказался. А за несколько лет до появления Олмера он предрек появление «короля за грядой» и советовал гномам не пропустить его туда; но предсказание оказалось настолько мрачно и запутанно, что его никто не понял; на расспросы же Наугрим не ответил, он был в страшном отчаянии, и впервые за долгие десятилетия народ увидел его плачущим. Только после появления Олмера гномы поняли, в чём был смысл тёмных слов пришельца; но было уже поздно. Леса Ча словно пробудились от векового сна; воспряли духом мерзкие гурры, и чащобы стали окончательно непроходимы. Наугрим лишь горько сжал губы при этом известии.

– А что он говорил об Олмере? – стал допытываться Фолко.

– Это было что-то вроде стихов, – отвечал Фреир, – и звучало так:

Когда Чёрный Страх в Казад-Дум заползёт,
Тогда за Грядой Собиравший взовьёт
Свой стяг чёрно-белый, и Чёрная Жуть
Отправится в новый погибельный путь.
И, молнии прошлого в длани подъяв,
Сбирающий выступит, прям и кровав.
Под чёрным плащом – бестелесная грудь,
Небесный Огонь проложил ему путь.
И сплав чёрной воли и смелых сердец

Он вложит в трёхзубый волшебный венец,
И волнами мрака надвинутся те,
Что ждали веками сей день в пустоте.
Тогда помертвеет пустой небосклон,
И звёзды исчезнут, и вступит на трон
Тот, кто изначально был лишь человек.
Наденет корону – и кончится век.

Недобрая тишина затопила гостиную Фреира. Сам он потупился и умолк, слышно было лишь потрескивание дров в камине.

– Что же всё это значит? – выдавил из себя Торин.

– Не знаю, – нахмурившись, ответил Фреир. – Наугрим не объяснил. Он лишь говорил, что надо остановить Засевшего за грядой, не пожалев жизнью. Он так напугал всех, что Совет уже почти решил готовить полки, однако тут пришло сообщение, что за грядой уже трепещет страшный чужой флаг – белый круг в чёрном поле и в кругу – трёхзубая чёрная корона... И тогда Наугрим сказал: «Поздно».

Фолко сидел и чувствовал, как мир вокруг него теряет привычные очертания.

– Как увидеть Наугрима? – только и смог вымолвить он.

– Я провожу вас, – ответил Фреир. – Он ещё никому не отказывал.

Фолко почти бежал по нешироким коридорам Гелии, гномы едва поспевали за ним. Он ничего не видел, кроме спины шагнувшего впереди и поминутно вынужденного надавать ходу Фреира; и ещё он чувствовал, как начинает исходить тепло из висящего на груди заветного клинка.

Наугрим вышел к ним сам, они столкнулись с ним, завернув за угол. Похоже было, что он знал об их появлении.

Наугрим действительно был очень высок для гнома, на голову выше любого из них; ширина плеч говорила об огромной силе, чёрная густая борода спускалась почти до пояса; концы волос были обожжены. Но его глаза – ярко-синие – были такого редкостного даже среди людей цвета, что трудно было отвести от них взгляд – они казались удивительной чистоты самоцветами в тёмной оправе.

Взгляд Наугрима в первый же миг цепко ухватил хоббита; где-то в глубине чёрных зрачков, словно огонь потаённых кузниц, билось алое пламя мысли, и взгляд этот поистине завожил Фолко. Хоббит вновь невольно взялся за рукоять на груди – и понял, что сила кинжала властно толкает его вперёд, к этому удивительному существу. Он испытал нечто подобное тому, когда кинжал вёл его к синему цветку.

– Здравствуй, я давно ждал тебя и твоих спутников, – обращаясь к хоббиту, заговорил Наугрим густым басом. – Ты бросил-таки свою долю на чашу весов. Идём же – будем говорить, и я постараюсь помочь вам отыскать единственную путеводную тропинку в том море мрака, что окружит вас, едва вы выберетесь из гостеприимной Гелии.

Он протянул хоббиту руку, раскрыв тёмно-коричневую ладонь, бугрящуюся крепкими, точно камень, мозолями, тыльную её сторону пересекали несколько белых шрамов, особенно заметных на потемневшей от времени и трудов коже.

Наугрим провёл троих друзей внутри своего обиталища – скупо освещённого несколькими лампами покоя; все стены были увешаны оружием такой красоты, что у гномов отнялись языки.

– А камни не здесь, – вдруг улыбнулся в ответ на невысказанный вопрос Наугрим. – Это ниже, в тигельной... Но хватит! – вдруг возвысил он голос. – То, что я скажу, – лишь для ваших ушей, и даже лучшим друзьям вы не должны рассказывать это.

– Почему? – удивился хоббит.

– Ты же слышал слова, что всякое знание должно быть заслужено. Вы заслужили. Прочие – нет.

Наугрим стоял, высокий и строгий, лицо его было бесстрастно – не судья, но лишь выполняющий предназначение Того Неведомого, в чьих руках качаются Весы и кому одному дано судить, как сделать так, чтобы равновесие никогда не нарушалось. И Торин с Малышом как-то оробело приумолкли, глядя на застывшего, точно изваяние, Наугрима. Тот указал жестом на каменную лавку, застеленную коврами, и хоббит послушно сел; Наугрим остался стоять, его лицо рассекали резкие чёрные тени от падающих лучей неяркой масляной лампы; он перемешал всеобщий язык с древнеэльфийским, и странно было слышать нежный язык эльфийского Заморья, в тёмной пещере Гелийских гор звучал Квенея, язык Валинора. Фолко понимал его, он сам учил этот язык по старым записям Бильбо, приведённым им текстам и параллельным переводам; учил просто так, не веря, что Высокая Речь когда-нибудь зазвучит вновь; однако ошибся.

– И у вас, наверное, море вопросов, – говорил Наугрим. – Вы хотите знать, кто я, что значит моё пророчество, что я знаю об Олмере, о Востоке, Юге и Западе, и о всём-всём прочем, включая Музыку Айнуров и Первого Великого Врага. Разочарую вас – мне дано открыть немного, куда больше впереди. Итак, вы идёте по следу Короля-без-Королевства, скрывшегося за грядой и взвившего там своё чёрно-белое знамя. Вы надеетесь покончить с ним и избавиться Средиземье от новой опасности. Я прав?

И он продолжал, увидев согласный кивок хоббита.

– Не ищи Олмера в его лагере, его там нет. Он ускакал к хазгам и попутно – искать места падения Небесного Огня. Когда он проходил мимо наших гор, мне удалось прочесть кое-что в его мыслях. Он думает о Тропе Соцветий и Доме Высокого, полагая, что найдёт там нечто, что ещё удивит его; и он будет искать дорогу туда. Ждите его возле Дома Высокого, Фолко, сын Хэмфаста из Хоббитании, и ты, Торин, сын Дарта! Ибо Олмер уже не тот, которого ты мог бы убить в далёком отсюда Аннуминасе.

– Почему не тот? – облизнув губы, с трудом спросил хоббит. – И что такое Дом Высокого?

– Что такое Дом Высокого, ты увидишь сам. Я не могу говорить тебе о нём, ибо от чистоты твоих помыслов зависит, пробьёшься ли ты к нему. А почему Олмер не тот, могу сказать лишь, что сила его изменяет его природу.

– Откуда взялась его сила? – хрипло спросил Фолко. – Знаешь ли ты Радагаста Карего?..

– Этого незадачливого посланца Светлой королевы? Знаю.

– Он говорил, что ему не проникнуть в истоки чёрной силы Олмера.

– Куда уж ему, – мрачно усмехнулся Наугрим. – Впрочем, этого не может никто. От меня это также скрыто, и, чтобы не покачать Весы, ты должен найти причину сам. Хотя, конечно, истоки-то этой силы понятно где – в наследии Саурана. Дальше всё будет зависеть от того, что вы сможете разузнать.

– Так чем же тогда можешь помочь ты?! – вскинулся хоббит.

– Подсказать и направить, – ответил собеседник. – Не мешкайте. Времени мало.

– И это всё? – мрачно спросил Торин.

– Чего же тебе ещё? Как найти Дом Высокого – я скажу. Вам предстоит пройти владения Ночной хозяйки, предстоит одолеть бурные реки и перевалить подпирающие небеса горы. И мой совет – не пытайтесь опередить Олмера возле Небесного Огня – никто не знает, к какому из мест его падения направит он свои стопы, какое из них откроет прежде других, а вот Дом Высокого занимает его чрезвычайно. Что же касается его силы... Ищите ответ в Чёрном Замке! Нет, не в мордорском, а в том, что стережёт переправу через одну из рек, которые преградят вам путь. Там... нет, большего я сказать не могу. Как и не могу открыть вам, кто я, откуда взялся и кем послан сюда. Кто знает, быть может, наша следующая встреча станет днём разрешения загадок – если твоя эльфийская стрела, вышедшая из рук мастеров Нолдора в дни

Предначальной Эпохи, топор Торина или меч Строри найдут именующего себя Олмером и положат предел его земным делам. Теперь возьми вот это. – Наугрим протянул хоббиту старинный свиток. – Это карта. На ней ты найдёшь дорогу к Дому Высокого через Чёрный Замок. Если пойдёшь краем Гряды, бойся Серого Вихря! Он приносит несчастье. Клинок на твоей груди остережёт тебя... – Губы Наугрима тронула слабая улыбка. – Признаюсь, я не чаял увидеть его здесь! Я слышал, что его подарил тебе сам Олмер. Если бы знать, зачем он это сделал, тогда многое бы прояснилось...

– Что это за Серый Вихрь? – упавшим голосом спросил Фолко.

– То, что осталось от злобы и силы того, кто некогда сидел очень высоко и многими почитался за сильнейшего, – ответил Наугрим. – Его тело погибло, но дух остался, будучи не в силах отправиться в Покои Мандоса за свои преступления. Ты узнаешь его сам. Держи крепче лук! Не жалей эльфийских стрел! Они созданы так, что хозяин легко находит их, если их не унесли в себе раненые враги. Ты заметишь его приближение, но помни, он не должен коснуться вас и краем.

– А могу я спросить тебя об уже происшедшем? Заслужили ли мы, чтобы знать, что за подземный страх, с которым мы столкнулись в Мории? Ты ведь, наверное, знаешь о всех наших странствиях? Только, во имя Дьюрина, не отвечай загадками! – прервал Наугрима Торин.

– Знаю, – кивнул Наугрим. – В Мории вы сошлись с Пожирателями Скал – ужасный плод ужасного союза Барлогов, Демонов Ужаса и Подгорной Тьмы, порождения Унголианта. Много веков спали они, не потревоженные никем, но предсказанный час настал и для них, они пробудились и двинулись туда, куда направила их воля нового господина и куда влекла их застарелая ненависть к эльфам – на Запад.

– Но что же будет?! Как противостоят им?!

– Не знаю, – тяжело вздохнул Наугрим. – Вам могли бы помочь Чёрные гномы. Говорят, они имели дело с подобными созданиями.

– Где их искать?!

– В Чёрном Замке, о котором я упомянул. Но будьте осторожны! Чёрные гномы – это не тангары, помните это, Торин и Строри. У Чёрных гномов свой путь в этом мире... Им нипочём гнев Моря или Ветра, их можно убедить, но нельзя вынудить, испугать или заставить.

– Но нужно же послать весть Кэрдану и эльфам Запада!

– Давно послано, – усмехнулся Наугрим. – И скажу тебе, что сперва даже сам Корабел дрогнул, но потом, когда ему стало ясно, что Пожиратели, не останови их, в конце концов доберутся и до Заморья – это заставило его отринуть мысли о бегстве.

– Но как же Светлая королева?! Разве она не может...

– Кто знает?! Это сокрыто от меня. Но тебе скажу – похоже, тут снова в силе Весы. Мы, обитатели Средиземья, должны сами покончить с исходящей от наших недр угрозой. В противном случае Валары будут вынуждены показать свою мощь, и мир вновь изменится, и кто знает, найдётся ли там место всем нам?

– Как же нам быть?

– Я уже сказал. И помните, что, остановив Олмера, вы остановите и всё остальное. Ибо сила его сейчас ещё невелика, но для всех останков Тьмы, сотканной руками Моргота и Саурона, он – тот камешек, который срывает с гор всесокрушающую лавину. Отличие, однако, есть в том, что для того, чтобы лавина катилась, этот камешек пока ещё нужен... Так что торопитесь! Не медлите и помните: мы ещё встретимся с вами. Судьба Запада – моя судьба. К худу ли, к добру – но мы ещё увидимся. И тогда я с охотой расскажу всё, что только смогу.

– А кто такая Ночная хозяйка и как победить её? – спросил Малыш.

– Вам её не одолеть, поэтому просто бегите от неё во весь дух – это будет самое мудрое. Здесь надобна магия.

– А что, если мы повстречаемся с Олмером и потерпим неудачу? – замирая, спросил Фолко.

– Ты помнишь, как заканчивается пророчество? Я не знаю, откуда приходят ко мне слова моих предсказаний, могу лишь ответить, что Средиземье неузнаваемо, чудовищно изменится.

– Скажи, Наугрим... кто ты?

– Рано. Отвечу потом, если мне будет позволено.

– Тогда... если Олмер начнёт войну, кто возьмёт верх?

– Не знаю.

– Искать ли помощи? У эльфов Востока – кстати, кто они? У Гондора, может, вразуми меня, Дьюрин, у Харада?!

– У Харада не стоит, хотя отринувшие Тьму есть и там – но потеряешь много времени. Гондор может задержать воинство Олмера, если он таки его соберёт, ибо не в его воинстве главная угроза, а в тех остатках Тьмы, которые пробудились от долгого сна. А вот эльфы Востока... Их называют Авари, Невозжелавшие, кто отказался покинуть свою прародину в Средиземье и идти вслед за посланцами Валаров на Запад, в Благословенную Землю. Они никогда не знали с Валарами и живут собственной мудростью. И они постигли много!

– Но скажи, Наугрим, откуда в мире столько нечисти, о которой ничего не говорится даже в старых преданиях тангаров? – спросил Малыш.

– Потому что ты и представить себе не можешь, сколько разных по силам и способностям духов предалось в разное время Тьме, и каждый из них, осознав неминуемость расплаты за содеянное, старался хоть как-то оставить по себе память. Вот и творили они кто во что горазд, а то и сами создавали себе какие-нибудь ползающие, летающие или бродящие по земле тела, и жили, и давали потомство. После побед Света все они бежали на восток, туда, куда пока не достигает дыхание Валаров. И там, на необозримых пространствах Арды, королевства Земли, они влачат своё существование по сей день. Кстати, вот ещё что. Ваши мифриловые доспехи хороши, но помните, что есть ещё в Средиземье один-единственный меч, выкованный давным-давно, в дни Предначальной Эпохи, руками Эола, Тёмного Эльфа. Он выковал этот меч из упавшего с неба огненного железа, и ни один земной металл, даже мифрил, не в силах противостоять ему. Эол выковал тогда два таких меча, но один сломался сам, когда им поразил себя Тьюрин Турамбар, а вот второй, принадлежавший сыну Эола, вынес из развалин Гондолина Туор, основатель линии королей Нуменора. От него чудесное оружие попало к Элросу, брату Элронда, ныне же этот клинок в Гондоре. Остерегайтесь его! Никакое другое оружие не сможет пробить твою броню... А сердце подсказывает мне, что этот клинок скоро может вновь увидеть свет.

– И неужели на всём пути нам будет попадаться одна только нечисть? – дрогнувшим голосом спросил Фолко.

Наугрим внимательно посмотрел на него.

– Эльфы считали, что страх обессиливает, – заметил он, – и избегали давать чёрные пророчества. Поэтому утешу тебя. Хорошо бы тебе, миновав Опустелую гряду, леса Ча и земли хазгов, отклониться к северу, к великому лесу Гондалара, по-эльфийски – Таур-ну-Амарт, лес Рока. Там вы ещё можете встретить кого-нибудь из Авари. Если вам повезёт, они помогут вам.

– А что, могут и не помочь?

– Они осторожны и недоверчивы, – последовал ответ. – Само название их твердыни, лес Рока, говорит о том, что в дни Предначальной Эпохи, вскоре после того, как Элдары покинули свою прародину и двинулись на Запад, Невозжелавшим пришлось выдержать жестокий бой с брошенными против них страшилищами Первого Врага. Подробностей я не знаю, но эта битва положила предел продвижению Авари на запад.

– А сумеет ли Олмер добраться до Дома Высокого? – спросил хоббит.

– Может случиться, что и сумеет. Он стал силён, и, похоже, сам ещё не слишком понимает, откуда в нём эта сила и какой она природы. Многие из тех, что могли бы преградить ему путь, отступят перед этой силой.

– Хорошо. Кто такие гурры и как с ними бороться?

– Гурры – это накопль, отбросы племени Семи Отцов, – серьёзно ответил Наугрим. – Кое в чём они подобны оркам – их тоже вывел в дни зенита своей мощи Первый Великий Враг, скрестив своих мелких подручных-вампиров с попавшими ему в руки и особым образом умерщвлёнными гномами. Гурры сильны, упорны, и если орки в глубине своих чёрных сердец ненавидели своего Повелителя и служили ему больше из страха и ненависти к эльфам, то гурры не устают возносить ему хвалы за дарованное им земное существование и поэтому бывают даже злее и упорнее, чем самые свирепые орки. Бороться с ними тяжело – они ловки и хитры. Они великие мастера засад и неожиданных ударов в спину. Как и гномы, гурры искусны в рытье тоннелей и подземном строительстве, но сохранили и кое-какие познания в чёрном лиходействе и способны заставить своего противника замереть, так что тот не сможет поднять меча для защиты. Здесь нужно тайное знание гномов, когда-то они встречались в бою с подобными созданиями. Гурры тебе повстречаются наверняка – они населяют обширные пространства и в лесах Ча, и за ними, вдоль дороги к хазгам. Что тут посоветуешь? Ты знаешь ответ не хуже меня – держи крепче меч!

Кроме гурров, в областях за лесами Ча обитают хегги и ховрары. Хегги издавна жили по склонам гор, и, наверное, это был славный народ, если бы не Саурон Великий. В дни своей славы он соблазнил их призрачным могуществом Мордорских земель, и хегги, никогда не желавшие чужого, вдруг взалкали плодородных земель в долинах. Саурон помог им в войнах с соседями, которых они привели к покорности Чёрному Замку, и более того – одно из Девяти Колец он отдал предводителю хеггов. Саурон послал к хеггам учителей из числа предавшихся злу Чёрных Нуменорцев, и они передали наивным горцам многое из своего тайного знания. И вот когда Саурон пал, хегги стали разительно меняться. Они не просили о пощаде, но заперлись в своих горных крепостях и вот уже триста лет стерегут рубежи своих владений, убивая каждого, кто оказывается возле них. Они овладели искусством творить странные чудеса, и серые башни их, воздвигнутые на горных тропах, охраняют не только мечи, копья и стрелы, но и неведомые мне незримые силы, предупреждающие хеггов о приближении врагов. На карте их пределы помечены. Мой тебе совет – не приближайся к ним.

Ховрары с незапамятных времён служат Ночной хозяйке, их земель ты никак не минувешь. Это крайний форпост земель, подчинённых Синему Когтю, как иногда именуют хозяйку. Не минует его и Олмер, и очень важно узнать, как он сладит с Неминучей Гибелью из Тьмы. Она не бессмертна – каким-то образом эти чудовища продолжают свой род. Та, что правит сейчас, утвердилась там лет триста назад, в год великой победы над Сауроном. Ховрары не знают магических секретов, но вот за восточными рубежами, уже за Великим хребтом, есть области Великого Орлангура, и это, я тебе скажу, пострашнее всего остального, вместе взятого. Это третья сила, пришедшая в Мир, новое творение Унголианта, точнее, творение тех его областей, куда в кромешную Предначальную Тьму проникают отблески Пламени Неуничтожимого. Вышедшее оттуда творение неподвластно ни Тьме, ни Свету, даже Валары страшатся его могущества, ибо никто ещё не измерил и не познал пределы его, разве что сам Илуватар. Под властью Великого Орлангура обширные и густо населённые земли, и оттуда приходят странные и неясные известия. К какой мечте ведёт он оказавшихся под его владычеством людей? У Весов лишь две чаши. Деяния Орлангура странным образом преломляются и искажаются, прежде чем пасть на ту или другую чашу, но по каким законам происходит это преломление, я не могу тебе сказать, ибо сам этого не знаю. А ещё дальше на восток, на самом краю ведомых мне пределов, лежит Серединное княжество – первое из людских королевств, возникшее в Средиземье. Когда Элдары ещё только вступали в незатопленный, прекрасный Белерианд,

когда над всем Севером нависала сумрачная тень Врага – тогда в глубинах восточных земель, на берегах рек, доселе неведомых обитающим на Западе, возникла эта сила свободно объединившихся свободных людей, и в своё время с помощью младшей ветви Чёрных гномов и отряда эльфов-Авари они отбили натиск самого Саурана, но не смогли помешать распространению его власти на юг и юго-восток. Они не любят чужаков, вдобавок на владения их начинают нажимать гонимые страхом перед Ночной хозяйкой племени. Когда-то Ореме Великий, странствующий по Средиземью, натолкнулся на Серединное княжество и был немало удивлён их собственным, не позаимствованным у эльфов языком и письменностью. И он научил их многому, а ещё больше они переняли у Чёрных гномов, которые щедро делились с ними знаниями после того, как люди княжества помогли отбить им натиск из глубины... – Наугрим замолчал. – Кто наступал на Чёрных гномов, кто мог угрожать им – мне неведомо. Я не знаю таких сил в нашем мире, что отнюдь не значит, конечно, что таковых вовсе нет. Но и Серединное княжество не предел. Ещё дальше лежат благословенные земли вокруг внутреннего моря Хелкар, вокруг одного из его заливов, носящего название Куивиэнэн, что по-эльфийски значит Воды Пробуждения.

Тебе, должно быть, известно название этого места – там впервые взглянули на Мир глаза Перворождённых. И по сей день на берегу серебристого водного зеркала, где вода чище любой другой в Средиземье, и раз попробовавший её на вкус никогда уже не сможет забыть его и непременно вернётся туда снова, по сей день там высится гордый дворец Илве, короля Авари, бессчётные века прожившего на том месте...

Наступило молчание. Молчал бесстрастный Наугрим; молчали подавленные услышанным гномы; молчал Фолко, захваченный развёрнутой перед ним величественной панорамой нехоженых земель и обиталищ тайных сил. И внезапно с его языка сорвался вопрос, который мучил его уже давным-давно, который он много раз собирался задать какому-нибудь Сильному Мира Сего, да каждый раз забывал за кучей мелких повседневных дел, которые приходилось обсуждать:

– Кто такой Иарвен-бен-Адар, Безотчий Отец Заповедных Земель, или, как его знаю я – Том Бомбадил?

– Он Извне, – последовал краткий ответ. – Когда-то он служил Первым Слугам Стихий, да так и остался в Средиземье.

– Что значит «извне»? И кто такие Слуги Стихий? Майары?

Наугрим тихонько улыбнулся.

– Вы слишком слепо верите эльфийским преданиям о Днях Творения, – сказал он. – Помни, что нет таких Сил, которые во вред своей власти стали бы раскрывать свои секреты подчинившимся им. Валары открыли эльфам не больше того, что хотели и, главное, как хотели. Не только Майары служили Силам Арды! Ибо немало помощников их вышло и из Серых Областей Унголианта, где Мрак был пронзён разлетающимися обломками пылающего Хаоса, после чего Унголиант и стал многослойным. Первые Слуги Стихий были из числа этих духов, а те, что в свою очередь стали служить им, и вовсе собрались со всей Эа, приняв различные, как видимые, так и невидимые формы. Тот, которого ты называешь Бомбадиллом, один из них. Я знаю ещё несколько таких же, как он, до сих пор бродящих по Средиземью. Не ведаю только, встретятся ли они вам?

– А кто такие Редбор и Фандар? Чем занимались эти двое из Ордена?

Странный огонь вспыхнул в глубине глаз Наугрима; он отвернулся и ничего не сказал.

– А Великая Лестница? А Стража Валаров?.. – вновь начал хоббит.

– Если тебе повезёт, ты увидишь всё это сам, – ответил Наугрим. – А теперь иди, мне нужно кое-что сказать твоим друзьям.

Фолко словно в бреду шагал по коридорам Гелии. Он не помнил, как вновь очутился в покое Фрейра, что у него спрашивали озадаченные хозяева и что он отвечал им. Присев в углу, он развернул на коленях карту Наугрима и долго смотрел на извилистые росчерки неизвестных рек, на искусно изображённые горные хребты... Карту испещряли пометки: он нашёл на ней все те опасности, о которых говорил ему Наугрим. Тонкой прерывистой линией вился среди поразному раскрашенных областей путь на восток, пролёгший на сотни и сотни лиг и упёршийся в небольшой белый круг, возле которого стояла надпись: «Тропа Соцветий».

Спустя довольно долгое время появились гномы. Молчаливые и сосредоточенные, какими Фолко их никогда ещё не видел; куда-то исчезла даже всегдашняя весёлость Малыша.

На следующий день они продолжили путь – теперь уже от Гелийских гор, вместе с разведчиками дорвагов и нагнавшим их Эрлоном. Его раны только-только закрылись, но он сидел на коне прямо, и взгляд его не предвещал ничего хорошего любому из воинов Олмера. Чёрные подземные своды вновь сменила нежная зелень цветущих лесов; весна уступала место лету, месяц Песен и Плясок плавно переходил в месяц Гнёзд.

Но друзья мало что замечали вокруг себя, всецело положившись на опыт и искусство дорвагских проводников. Каждый из них погрузился в раздумья над словами Наугрима. Фолко, потрясённый и растерянный от вновь, в который уже раз, расширившихся пределов мира, пытался понять, что же может стоять за мрачными словами неясного пророчества. Почему «Сбирающий»? Что такое «сплав чёрной воли и смелых сердец»? Кто эти ожидающие своего «дня в пустоте»?.. Он не находил ответа.

Дорога вдоль Гелийских гор отняла у них целую неделю, и Фолко не мог сказать, что она была из числа трудных. Богатая земля, свободная от страхов и разбоев; здесь, в сердце дорвагских владений, зачастую на ночь не запирали и дверей.

А потом горы кончились, сошли на нет в долгих лесистых склонах, и пришло время сворачивать с торного тракта – он уводил на северо-восток, путь же отряда лежал на юг.

По становящимся всё менее заметными просёлкам они шли от деревни к деревне ещё одиннадцать дней. На двенадцатый – узкая лента заросшей травой дороги вывела их в укромный залив лугов между двумя лесными крыльями; дорвагские владения кончались, за протянувшейся на десять лиг полосой заболоченных земель начинались пока ещё едва заметные среди лоскутьев леса каменистые холмы, выставившие над зелёными кронами свои лысые макушки; начинались предгорья Опустелой гряды. Здесь дорваги держали сильную пограничную стражу; и хотя их дозоры пропустили маленький отряд без задержек, Фолко заметил тревожные взгляды, брошенные им в спину. Келаст был известен как следопыт и мастер в поимке вражеских лазутчиков; и раз уж северные старшины отправили его на юг, значит, дела плохи и тревоги недалеки.

Пробиравшихся через болота друзей несколько суток неотступно преследовали комары; хоббиту оставалось лишь утешать себя воспоминаниями о том, что точно так же, если не хуже, было и четвёрке хоббитов после Пригорья; это помогало, но не очень.

Двадцать шестого июня по календарю хоббита они миновали болота и углубились в предгорные леса. Идти стало гораздо труднее; Опустелая гряда всё время протягивала на запад жадные руки своих крутосклонных отрогов; карабкаться то вверх, то вниз оказалось нелегко и путникам, и их коням.

Первое, что бросилось в глаза хоббиту, – как мало в этих местах зверя и птицы; почти не слышно звонкого перестука желны; даже синицы куда-то подевались. Несколько раз хоббиту встретились мёртвые муравейники, а однажды они увидели и сам исход: широкая шевелящаяся и остро пахнувшая кислым лента рыжих муравьёв неостановимо двигалась куда-то на закат, таща за собой яйца и личинки. Лишь серых ворон ещё можно было застать на открытых местах, да по ночам друзьям частенько слышался тоскливый волчий запов. Не видно было помёта лосей, и заячьи следы, как сказал Келаст, почти исчезли. Ясное небо, изредка завола-

квиваемое негустыми облаками, щедрое солнце и ласковые тёплые дожди разительно отличались по внушаемому настроению от угрюмо замерших лесов. Дорваги и Эрлон искали следы дозоров Олмерова воинства – и не находили их. То ли черноплащники не заходили так далеко, то ли были очень осторожны... Фолко, прислушиваясь к себе и пытаясь угадать, откуда может появиться опасность, не мог почувствовать ничего определённого – только смутное и тяжёлое ожидание чего-то недоброго прочно угнездилося в груди.

По пути они крепко сошлись с Эрлоном; Фолко часто расспрашивал его о подробностях пути войска Короля-без-Королевства через северные земли; Эрлон отвечал с трудом, преодолевая тотчас вскипавший в нём гнев; он бледнел, лоб покрывался испариной, а в глазах вспыхивало такое пламя, что, увидь Фолко человека в таком состоянии года три назад, где-нибудь в своём родном Бэкланде, он убежал бы без оглядки.

Эрлон рассказывал об организации различных отрядов врага; о том, как до последнего тащили с собой своих ослабших, обмороженных товарищей ангмарские арбалетчики; как хазги, чувствуя близкую смерть от холода и голода, сами падали на обнажённые мечи, избавляя соратников от лишних ртов; как обессилевших заставляли садиться в сёдла – те ни за что не хотели занимать чужих, как им казалось, мест, находя более нуждающихся в помощи.

Говорил он и о том, что, стоило возле начинавшего отставать, всё чаще и чаще садящегося на снег воина появиться самому Олмеру, сказать несколько негромких слов, похлопать по плечу – и человек вставал, и вновь шёл, и дотягивал до привала; и потому сотни Олмера сохранили куда больше порядка и сил, чем можно было ожидать.

«И кончится век...» – всплыли в памяти хоббита строчки из пророчества Наугрима. Что это значит? Неужели – по коже пробежали ледяные мурашки, – неужели приближается назначенный Единым Час и мир идёт к дню Последней Битвы? Гэндальф, Гэндальф, что же ты, где же ты, где твой совет, где твоя жалость к малым и слабым?! Как нужен сейчас твой совет...

Они медленно, с трудом пробивались к северу, идя вдоль западных склонов Опустелой гряды. Ночами Фолко всё чаще и чаще долго лежал без сна, глядя в небо, покрытое бесчисленными огоньками голубоватых звёзд, и не чувствовал потребности закрыть глаза и зарыться в одеяло. Костёр постепенно угасал, хоббит оказывался один на один с ночью. Его взгляды отыскивали на небосклоне яркий пояс Небесного Меченосца; помещённый Светлой королевой как знак неминуемой Последней Битвы и Конца Дней, он казался хоббиту полным скрытой угрозы. словно кровавый глаз неведомого чудовища, горел багряный Боргиль; и кинжал, согретый теплом тела хоббита, вдруг начинал, точно живой, проситься на волю из ножен. В такую ночь Фолко впервые услышал неслышимый для других холодный голос, исходящий из покрытого синими цветами клинка: «Крови, крови, много крови хочу выпить я, прежде чем выпаду из твоей обессилевшей руки. Крови знатных и сильных, дабы выковавший меня возрадовался, увидев это из своих высоких чертогов...»

Замирая от ужаса, Фолко обнажил холодно сверкнувшее в звёздном отблеске оружие; и ему показалось, что чьи-то полные силы и власти глаза смотрят на него из глубины крестовника; он попытался заговорить в мыслях со своим кинжалом, но тот не отвечал ему, и хоббит невольно вновь вспомнил Красную Книгу, бильбовские «Переводы с Эльфийского», историю Тьюрина Турамбара и его меч, примерно так же заговоривший в последний день жизни великого героя; и последние слова Тьюрина, обращённые к оружию, – не возьмёт ли оно его собственную кровь как выкуп за пролитую кровь других, убитых Тьюрином в ослеплении? И меч ответил «да», и взял выкуп, и сломался. И Фолко, точно по наитию, держа в ладони обращённый остриём к себе кинжал, высоко поднял руки навстречу льющемуся с небес серебристому сиянию и, чувствуя, что ломится в незримые, но запертые пока что двери, обратился к клинку – не возьмёт ли он его, хоббичью, кровь? Кровь, но не жизнь? Будет ли он служить ему так же верно, как служил выковавшему его?

Тишину лесной ночи, безмолвие июньского леса вдруг нарушило донёсшееся откуда-то из дальних далей чистое и тонкое теньканье, словно десятки крохотных серебряных молоточков били по звенящим наковальням; и среди этого звона до внутреннего слуха Фолко вновь донеслись сказанные ему слова: «Да! Я с радостью выпью твоей крови, ибо высокая судьба твоя и удивительный жребий выпал тебе. Никто из носивших меня не предлагал мне крови своей в знак дружбы, и, хотя я не могу служить тебе так, как своему создателю, ты будешь стоять лишь на одну ступень ниже его. Клянусь тебе, что не выскользну из твоей ладони и найду щель в любой броне. Я помогу тебе пройти невидимые преграды, ибо немалые силы вложил в меня мой создатель. Дай же мне напиться!»

Фолко медленно завернул себе левый рукав, правая рука его, сжимая кинжал, нависла над смутно забелевшей в темноте плотью; и тут его охватил страх перед болью, хотя ему приходилось терпеть за время странствий куда как немало; и лишь огромным усилием воли он заставил себя провести холодным и острым лезвием себе повыше кисти. Он так вдруг испугался хруста разрезаемой кожи, что даже не почувствовал боли. Тёплые тёмно-алые струйки побежали по запястью, и скрытое в клинке заговорило снова, и хоббит услышал:

«Да! Давно не пил я крови и ныне доволен. Но погоди же прерывать этот благословенный поток. Ибо с каждой каплей крови твоей возрастает моя сила, и чем дольше ты терпишь, тем более страшен и неотразим буду я в твоих руках!»

И Фолко терпел, не замечая мокрого от его собственной крови плаща. Мало-помалу начинала кружиться голова, страх ледяными когтями вцепился в сердце – вдруг он не выдержит...

Но он выдержал. Клинок вдруг словно сам собой нырнул в ножны, правая рука, держа невесть откуда взявшуюся холстину, зажала рану, а клинок обратился к хоббиту в третий раз:

«Довольно! Ибо иначе ты слишком ослабеешь. Воистину дружбу хочешь ты предложить мне, ибо не вкралось в помыслы твои даже следа мысли, что я хочу умертвить тебя, взяв всю твою Влагу Жизни. И буду я служить тебе, как не служил никому, и да не будет знать промаха рука твоя, сжимающая мою рукоять!»

Наутро Фолко здорово перепугал всех. Проснувшийся первым Келаст в ужасе вскочил на ноги, заметив лежащего без чувств хоббита, покрытого окровавленным плащом; гномы схватились за оружие, однако не обнаружили даже следов воображаемых врагов; а когда Фолко пришёл в себя и заявил испуганным друзьям, что просто был неосторожен и порезался, негодованию их не было предела. Хоббит был назван всяческими «нежными» словами – и одним «шерстолапым олухом» он, разумеется, не отделался.

На шестой день своего пути на север они наткнулись на свежие отпечатки конских копыт со знаком Изельгрид.

Шёл июль, а они с неослабным упорством пробивались всё дальше и дальше, к месту падения Небесного Огня. Фолко, ещё слабый от потери крови и потрясения, погрузился в какое-то безразличие. Странные видения преследовали его; картины чудесной цветущей страны чередовались с пылающими городами, тянущимися по дорогам вереницами пленных и поспешно отплывающими золотистыми кораблями. Видел он и себя, задыхающегося, прижатого к стене и отчаянно отбивающегося каким-то странным кривым мечом; и кроваво-красное небо, и огромную тучу, иссиня-чёрную, имеющую облик исполинского орла, облик слишком близкий к реальности, чтобы быть случайной игрой прихотливого ветра; а как-то ночью ему вдруг приснился странный сон...

В прозрачной воде мелкого залива купали низко склонённые сочно-зелёные листья не ведомые ему деревья. Листья тоже были странные – широкие, в ладонь, и длинные, в локоть. Высоко-высоко застыло жаркое солнце. Несколько уже знакомых кораблей Морского народа с гордо выгнутыми носами, украшенными резными мордами волков, медведей и драконов, сто-

яло неподалеёку от берега; и Торин, в броне, но без шлема, с ужасным шрамом (откуда он только взялся?) стирал кровь с топора, и его седые борода и волосы были тоже испачканы чужой кровью. В компании нескольких эльдрингов прошёл мимо Малыш, что-то возбуждённо рассказывая; а в самой пенной полосе прибоя замерло пронзённое многими стрелами и копьями тело морского змея, и вокруг безобразной головы ещё заметно было медленно угасающее фиолетовое свечение, странное, пугающее. А за недалёкими прибрежными холмами уже яростно трубили многочисленные боевые рога; там строились дружины, и хоббиту надлежало быть там, и как хорошо, что совсем не ноет левая рука, и почему Хлорар медлит с ударом своих панцирников, и неужто Фелластр вновь выведет своих перьеруких из расставленной ловушки вместе с Адамантом Хенны?..

На следующую ночь, когда пропитанный зловонием болот западный ветер приутих и на застывшие в смутном ожидании холмы Опустелой гряды опустился мягкий, окутанный колеблющимся серебристым покрывалом туманов вечер, и впервые за много дней путники услышали в густых ветвях пение птиц, хоббиту явился Гэндальф.

Фолко лежал на спине, глядя широко раскрытыми глазами в бездонное чёрное небо. Удивительные всё же выдавались ночи здесь, на краю Опустелых гор! Казалось, ты смотришь в мелкую воду быстрого ручейка, и звёзды – всего лишь красивые камешки на дне, а может – игра быстрых взблесков на чешуе каких-то придонных созданий. Взгляд хоббита отыскивал в небе Большую Медведицу, созвездие, излюбленное Светлой королевой, называемое эльфами Серп Валаров; и в тот же миг оживший клинок мягко толкнул его в грудь, предупреждая о чём-то, а затем хоббит понял, что у костра кто-то сидит.

Мгновенный страх умер не родившись; эта невысокая, плотно закутанная в плащ фигура не могла быть врагом, хотя наполняющая её сила была такова, что Фолко ощущал её почти как жар на лице; глядя на обращённое к нему, скупое озарённое огнём молодое лицо с необычайно глубокими, совсем немолодыми глазами, в которых его обострившиеся чувства читали громадный опыт многих и многих жизней, Фолко не сразу узнал его. И лишь когда незнакомец заговорил, сомнения хоббита исчезли; это был знакомый голос Гэндальфа.

– Ты растёшь замечательно быстро, сын Хэмфаста, – заговорил сидящий у костра. – Вот ты уже и добрался до Наугрима, вот ты уже на самом краю владений новой силы, пришедшей в наш мир. И чем дальше, тем больше я жалею, что не могу, как встарь, оказаться рядом с тобой.

– Но раньше ты был совсем другой, – пробормотал Фолко, в душе кляня себя за тупость.

Ему вдруг пришло в голову, что в общем-то у Гэндальфа почти нечего спрашивать – только разве что о природе Валаров, о Великой Лестнице и тому подобных вещах, ибо его путь ясен – вперёд, за Олмером, к самому краю горизонта!

– Потому что перед тобой не тот Гэндальф, которого ты знал по книгам и нашей первой встрече в твоём сне, – серьёзно ответил тот, внимательно глядя на хоббита. – Ибо я снова – Олорин, один из Майаров, вступивший в Эа прежде, чем Арда приняла свои формы. От многого, что влачилось за мной из прошлого, я излечился, многое забыл и многому научился снова, но вот голос – он остался со мной.

Наступило молчание. Гэндальф, очевидно, ждал вопросов хоббита, а тому вдруг совершенно расхотелось их задавать. С необычайной остротой ему вдруг привиделась огромная, острая, смертоносная стрела, что по-настоящему живёт лишь краткое мгновение перед тем, как поразить цель; и этой стрелой были они – Фолко Брендибэк и мирно храпящие бок о бок гномы. Они сами выбрали свою долю, и что толку теперь вести многоразумные и многоважные разговоры?! Что толку говорить с этим посланцем Валаров, если в ответ он всё равно будет слышать только одно – Весы... Весы... Весы!

– Зачем ты пришёл? – медленно начиная закипать, заговорил хоббит. – Что ты, великий, мудрый и всесильный, в сравнении со мной, маленькой песчинкой в море Смертных, что ты

можешь сказать мне? И если ты так могуч, и если знаешь смысл нашего похода – почему бы тебе не сделать кое-что для Средиземья? Почему бы вашим хвалёным Валарам не показать свою силу и своё могущество, обратив его на благие дела?! Почему бы вам самим не прикончить Олмера, золотоискателя из Дэйла, зачинателя новых кровавых смут в Средиземье? Для чего вы тогда вообще?! Вы, великие и сильные, убрались куда-то за горизонт, предоставив право копать в этой жуткой каше нам, мало что понимающим, почти ничего не умеющим, кроме как отдать свои ничего не значащие жизни?!

Он выкрикнул это единым духом, сжимая кулаки и покрываясь холодной испариной; злые слёзы нехстати навернулись на глаза.

Олорин сидел, не меняя позы, да и зачем ему было её менять – духи не устают; с замиранием сердца Фолко ждал ответа.

– Ты прав в том, что я не могу пойти против Закона Весов, – заговорил Олорин, и хоббит удивился бесцветности голоса гостя – словно и не было его вспышки, словно вообще ничего не случилось. – Но в остальном ты заблуждаешься, и опасно заблуждаешься! Примерно такие же рассуждения мне уже доводилось слышать.

– Знаю! В Нуменоре, незадолго до его падения!

Казалось, Олорин был удивлён, недвижимое доселе лицо, а точнее – маска, вздрогнуло, глаза впелись в хоббита.

– Как это стало тебе известно?

– Нетрудно было догадаться, – буркнул хоббит. – Уж тебе-то должно быть известно, что голова у нас, невысокликов, порой соображает, и даже неплохо! *Что же ещё могли там говорить?*

– Но я всё же закончу, – овладев собой, невозмутимо продолжил Олорин. – Ты говоришь – где же эти Валары, почему не покончат со Злом. Да знаешь ли ты, что такое Зло?

– Зло – оно очень разное, и нелепо пытаться истребить его на вечные времена. – Злость снова прорезалась в голосе хоббита; казалось, не он, а кто-то другой, сильный и знающий, говорит сейчас его голосом; только что произнесённое им было изречением Элронда, записанное Бильбо в Ривенделле и переведённое им на всеобщий язык. – Не надо говорить мне, что Зло многолико и неистребимо, что Добро для одних оборачивается Злом для других, и так далее. Каждый встаёт на ту сторону, которая заставит молчать его совесть – если, конечно, у него есть выбор и есть совесть.

– Тогда я скажу тебе по-другому, – сказал Олорин. – Разве вы, смертные, бессильные тряпичные куклы, какими забавляются ваши дети? Разве вы лишены разума, воли и тяги к свободе? Разве могут Валары распоряжаться вашими жизнями, разве могут направлять ваши пути против ваших же желаний и устремлений?! Один лишь раз Валары воззвали к Единому – когда был повержен Нуменор, стремившийся в безрассудной гордыне своей опрокинуть наш миропорядок. Поверь мне, все обитатели Благословенной Земли по сей день не перестают оплакивать те ужасные времена и гибель Великого народа. И все Валары сожалеют и скорбят об этом. Кто же вы будете, если мы станем за вас справляться со всяким, кто посягнёт на мир и покой Запада? Пойми, невысоклик, Валары, о которых ты так страстно хотел узнать хоть что-нибудь, – это лишь Силы Арды, Стихии, и не в их власти пасти народы железным посохом.

– Но в их власти – вздымать и рушить горы, изменять русла рек, покрывать лесами безжизненные пустыни, – возразил Фолко. – Что перед этой силой человек, гном или хоббит, что перед этой силой страны и королевства, крепости и армии, отвага и доблесть?

– Валары не властны над путями и судьбами Детей Единственного. – Казалось, в голосе Олорина зазвучала усталость. – Именно потому, что Зло многолико и никто, даже Валары, не смеет судить о том, что есть Зло, а что – Добро.

– Так почему же ты три тысячи лет был Врагом Саурана?!

– Это другое. Саурон Великий – он прост, понятен. Всевластие ради всевластия – вот что было его целью. Ничего не нёс он людям, кроме рабства и горя. Но на чью сторону прикажешь становиться мне в споре тех же басканов с дорвагами?

– Тот, кто первый напал! Тот и виновен, что тут думать?

– А если он лишь упредил нападение другого? Можно сказать, что виноват тот, кто первым замыслил. . . Короче, мы очень хорошо можем сказать, что есть Зло, когда говорим о насилии, убийстве, грабеже, обмане, лжесвидетельстве и так далее, но когда речь заходит о народах и государствах – тут бессильны даже Валары. Силы Арды лишь поддерживают равновесие в мире. И я пришёл к тебе помочь в твоём пути.

– Ты знаешь, как убить Олмера?

– Почему эти слова Радагаста так засели у тебя в голове? Да, я сам советовал тебе держаться его, но никогда не думал, что он даст тебе такой прямой совет, более смахивающий на приказ. Я виделся с ним, мы говорили о многом. Он не знает, откуда сила Олмера, но я, кажется, догадываюсь. Не зря же я провёл в Средиземье всю Третью Эпоху! К Олмеру медленно перетекает Сила Тьмы, но почему именно к нему и каким образом – кто знает? Это предстоит решить тебе.

– Ну а если я ошибусь? И вообще, почему я? Никаких колец я не подбирал, ни за каким драконьим золотом не гонялся – почему я? И правда ли, что, если нам посчастливится убить Олмера, Тьма отступит?

– Отступит, – серьёзно кивнул Олорин. – Олмер – её знамя, её средоточие, он – острый её копьё. Но вот почему он стал таким и почему его сила возрастает всё время, я не знаю.

– Тогда скажи, как относиться к словам Наугрима, и вообще, кто он такой? Я спросил его, но он почему-то не ответил.

– Разве ты не догадался? Он из рода Чёрных гномов, той загадочной силы, перед которой я вынужден был отступить в своё время, не найдя с ними общего языка. А словам его нужно верить. Ты и впрямь вытащил себе удивительный жребий, и Олмер невольно сам помог тебе – подарил чудо из чудес, клинок Отрины, или Белег Анка по-эльфийски, Когти Мощи. Вот уж ума не приложу, зачем он это сделал! Из Благословенной Земли тоже видно далеко не всё, так что не рассчитывай на моё всезнание.

– И я снова спрашиваю тебя, – устало понижая голос, сказал Фолко, – чем ты можешь помочь мне? Не можешь – так прощай, а можешь – помоги. Так говорят у нас. Не пойму я тебя, Гэндальф. Ничего, по сути, ты не сказал. Как шёл я убивать Олмера, так и иду. Как не знал, что делать с Ночной хозяйкой и прочими прелестями, что поджидают меня на Востоке, так и не знаю. К чему же вся наша беседа? Помощи я жду от тебя, помощи дельным советом! Что нам делать с Пожирателями Скал, которые ползут на Запад? Как противостоять внушаемому ими страху? Что делать, если мы погибнем и не выполним долга? Собрать ли силы, просить ли помощи? Где, как, у кого? Перед тобой открывались ворота сильнейших крепостей Средиземья, и те, что были под твоей защитой, могли запросто говорить с королями и властителями. У них было Кольцо – зримое и ужасное доказательство, и они шли не вслепую, пока ты был с ними, и ты успел указать им верную дорогу. А что можем мы?! Помоги нам, пойдём вместе с нами! А самое лучшее – если Валары не могут уничтожить одного-единственного Олмера, не духа, человека, ставшего, по твоим словам, остриём копья Тьмы, почему этого не сделать тебе? Ведь ты же в один миг можешь оказаться возле него. . .

– Я провёл в Средиземье всю Третью Эпоху, – тихо сказал Олорин. – И за всё это время не убил ни одного человека, даже если он служил Врагу.

– Понятно! Грязную работу должны делать другие?!

Фолко поднял глаза – и замер: у костра было пусто.

«Привиделось мне всё это, что ли? – в недоумении ломал он себе голову, беспокойно ворочаясь на жесткой подстилке. – Что это было? Если Гэндальф... Нет, не похоже. Наверное, и впрямь Олорин, хотя, вразуми меня, Дьюрин, как сказали бы гномы, если я знаю, кто это такой на самом деле. Нет, Гэндальф – *тот Гэндальф* – он бы не исчез. Он стал бы спорить, браниться и в конце концов просто взял бы за руку и повёл – до тех пор, пока я бы не понял, куда надо идти самому. Наверное, Гэндальф – это всё же не весь Олорин... а может, и нет, кто его знает. Гэндальф был, судя по Красной Книге, почти человеком... Только больше мог и знал больше – раз в сто. А потом ушёл... И, наверное, это был всё-таки Олорин, то есть – и хотел бы помочь, да не очень понимает как, а может, и я, глупый, не понял его... Помочь-то он хочет – это от Гэндальфа, да и Олорин сам всегда жалел обитателей Средиземья... Но вот Весы и всякие тёмные слова – что можно, чего нельзя – это от Олорина, как пить дать...»

– Ты почти прав, невысоклик, – вдруг раздался чей-то едва слышный вздох в окружающих зарослях – словно лёгкий ветерок пробежал по кронам. Беспокойство как-то сразу унялось, и хоббит спокойно уснул.

Наутро они обсуждали планы. Разведчики-дорваги говорили, что припасы у них не бесконечны и что, если они хотят хоть что-то выяснить, надо поворачивать на восток и переваливать через Опустелую гряду – Келаст знал здесь тайные тропы. Эрлону было всё равно, лишь бы поближе к врагам, чтобы поскорее посчитаться за всё, однако гномы и хоббит сидели в нерешительности.

В самом деле, мешки с провизией через неделю-другую начнут показывать дно; дорога же к Дому Высокого и Тропе Соцветий займёт несколько месяцев. Они рассчитывали на охоту, но дичи в этих краях совсем не было. Наконец решено было рискнуть и приблизиться к становищам олмеровского войска, чтобы раздобыть пропитание, после чего уже пытаться счастья в поисках Небесного Огня. У хоббита душа не лежала к этому, смутное и нехорошее предчувствие не давало покоя; но своих тревог он не сумел никому объяснить, даже Торину, и пришлось подчиниться. Они повернули на восход.

Глава 6

Серый вихрь

– Опять подковы, – мрачно изрёк Келаст, склонившись над пересекающим едва заметную тропку ручьём.

Третий день шли они в глубь гор, вокруг становилось всё сумрачнее и угрюмее. Леса исчезли; склоны покрывал густой кустарник, и Келасту стоило немалых трудов отыскать свою заветную тропу. Однако очень скоро выяснилось, что она облюбована не им одним: замеченные отпечатки были уже четвёртыми. Остерегаясь засад, друзья тем не менее не могли никуда свернуть – кусты стояли стеной, оставалось надеяться на слух хоббита и опыт Келаста.

Они тронули поводья. Глубокое и узкое ущелье, по которому пробирался отряд, плавно заворачивало на юго-восток, постепенно расширяясь; хоббит приободрился при виде чистого неба над головой, но радоваться пришлось недолго – ветер, дувший им в лицо, неожиданно донёс звуки конского ржания. Кто-то ещё был в этом ущелье – и двигался навстречу.

Быстро, но без спешки, путники свернули с тропы, укрываясь в зарослях. Прирученные, легли на землю боевые кони дорвагов; хоббит натянул лук, остальные обнажили мечи, Торин вытащил из-за пояса топор. Потянулись минуты ожидания... Ещё два или три раза до их слуха доносились приглушённые голоса, даже смех, скрипели камни под чьими-то сапогами, но мимо них так никто и не прошёл. Постепенно всё вновь стихло.

Шло время, они недвижно лежали в кустах, и никто ничего не мог понять. Были здесь люди или не были? Чьи это были голоса? Хоббит и Келаст проползли сколько могли вперёд вдоль тропы – ничего. Ни людей, ни коней, ни следов, ни голосов.

– Что толку сидеть сиднем?! – зло плюнул Торин, когда они вернулись. – Идём вперёд!

Осторожно, поминутно оглядываясь и прислушиваясь, они продолжили путь. Тучи разошлись, солнце палило, в долине не чувствовалось ни малейшего дуновения, и путники обливались потом, не решаясь расстаться с доспехами. Среди зелени всё чаще попадались голые серые куски скальных стен; склоны становились всё круче, окружающие горы всё выше. Наконец зелёные волны кустов разошлись; исполинские серо-синие склоны взметнули ввысь острые, точно мечи, вершины, и Келаст неожиданно остановился.

– Ничего не понимаю, – он утёр пот, – этого раньше не было! Слышите?! Не было раньше таких круч! Или я окончательно выжил из ума?

– Как не было? – медленно проговорил Торин. – Ты что, хочешь сказать, что не знаешь, куда нас завёл?!

– Знал – до этой минуты. – Келаст угрюмо озирался.

Снова что-то горячее тревожно шевельнулось в груди хоббита. Он вытащил Коготь, как он стал называть про себя чудесный кинжал, – по краям клинка горел мрачный багровый огонь, синие цветы казались окружёнными тёмным пламенем.

– Враг близок, – едва выдавил он и облизнул пересохшие губы.

– Повернём или пойдём дальше? – обвёл остальных тяжёлым взглядом Торин.

Дорваги молчали, потупясь, один Эрлон с лязгом вогнал в ножны до половины обнажённый клинок и заявил, что он лично назад не повернёт, когда до становища его кровного врага осталось всего ничего.

– Но нас могут перестрелять в этой ловушке, как куропаток, – скрипнул зубами один из дорвагов.

Фолко заметил, что все они смотрят на Келаста, очевидно, ожидая его решения.

– Нечего лезть на рожон, когда не знаешь даже, где он, – проговорил наконец Келаст.

Его товарищи поспешно закивали. Теперь настала очередь скрипнуть зубами Торину.

– Ты знаешь другую тропу за Гряду?

– Знаю, но до неё – дней пять ходу.

– Тогда поворачивайте назад, если хотите, – выдохнул Торин.

Фолко заметил, что бывалого тангара бьёт мелкая дрожь. Хоббит и сам чувствовал, что лучше бы, конечно, повернуть, но что-то заставило их в тот день отбросить все страхи и, несмотря ни на что, упрямо лезть на тот самый рожон...

Весь день они шли, хоронясь в зарослях, хватаясь за оружие при каждом подозрительном шорохе. Но в долине всё было тихо – только шмели деловито жужжали среди цветов, нимало не заботясь о всяких там войнах. Постепенно долина стала расширяться, по склонам замелькали сосны, и к вечеру отряд ехал уже по густому красноствольному бору. Но от хоббита не ускользнуло, что и тут почти не было птиц; и вновь им встретились покинутые малым хлопотливым народом муравьев их высокие жилища. Среди деревьев всё чаще стали попадаться мёртвые, торчащие, точно обглоданные кости, стволы; на тропе то и дело встречались завалы; серо-зелёный мох уже глубоко въелся в кору павших деревьев; кроны над головой смыкались всё плотнее и плотнее, в ряды сосен всё чаще вонзались копыя седых елей. Навалилась странная, точно ватная тишина, которую страшно было потревожить звуком; они ехали в молчании. Небо вновь заволокли серые тучи, откуда-то слева потянуло знакомым запахом болота; не замедлили, явили себя и полчища комаров.

Тропа продолжала услужливо разворачивать перед ними свои изгибы, но у хоббита уже не оставалось сомнений, что она ведёт в ловушку. Коготь словно ожил, просясь в ладонь; теперь края клинка казались раскалёнными. Будто вязкая тряпина затягивала друзей куда-то; но с каждым шагом в сердце хоббита росла и крепла та весёлая предбоевая злость, что даёт силы бестрепетно идти, веря в себя и друзей, на кажущуюся непреодолимой стену чужой стали; он хотел боя и ждал его, и это совсем уже было не похоже на хоббита.

Ближе к сумеркам лес поредел. Тонкие сухие лесины торчали тут и там из толстого слоя мхов; где-то неподалёку раздавалось журчание воды, по впадинам собирался туман. Зелени становилось всё меньше, и наконец путники очутились на обширной серой пустоши, утыканной сиротливо торчащими мёртвыми стволами. Тропинка оборвалась, упершись в какую-то причудливую мшистую корягу, и они остановились в нерешительности. Фолко невольно прикрыл глаза, как делают уставшие после долгой и трудной работы, какой показался ему путь через долину. Они пришли.

Он смежил веки, покачиваясь в седле, пони беспокойно переступал с ноги на ногу, но пустошь не исчезла. Закрытыми глазами Фолко видел её столь же ясно, как и открытыми, – только теперь в её дальнем конце, там, где скалы угрюмо сдвигались, сжимая в своих объятиях мёртвый лес, среди густого бурелома, он увидел небольшую серую фигурку. Как от удара, он вздрогнул и поднял веки – ничего. Вновь зажмурился – человеческий силуэт, тощий, словно палка, теперь не был неподвижен: он медленно вздымал руки, и в воздухе словно загудела противная, визгливая, точно надорванная, струна; хоббит ощутил толчок в грудь, как будто его кто-то ударил; испуганно заржали кони, беспокойно крутясь на месте; на миг оглянувшись, хоббит увидел, как страх исказил, изломал лица друзей, как один из дорвагов упал на колени, как пытается осадить храпящую и пятящуюся лошадь Келаст, как Малыш с дергающей щекой пытается вырвать из ножен вдруг застрявший в них меч; было очень странно глядеть на всё это, он словно сидел на представлении, разыгранном умелыми лицедеями: ему самому не было страшно, лишь рукоять Когтя вдруг стала очень горячей, так что жар чувствовался даже сквозь латную рукавицу; и тогда, не имея ни малейшего представления, что ожидает его впереди, кроме смутных слов Наугрима о Сером Вихре, хоббит крикнул друзьям:

– Не двигайтесь! Я сам!

Он соскочил с пони и пошёл вперёд, спотыкаясь, не глядя под ноги, чтобы не потерять своим внутренним взором фигуру, маячившую вдали, одновременно освобождая колчан.

– Куда?! – раздался за спиной суматошный вопль Торина.

Хоббит не обернулся – но внезапно ощутил, совсем близко, чьё-то плечо. Он чуть скосил глаза – рядом, по-медвежьи раскачиваясь и широко расставив ноги, шагал Эрлон – рот оскален, глаза навывкате, в руке – выдавший виды меч, что подарили ему на дороге Шаннор и Ратбор. Больше никто не смог последовать за ними, и Фолко понимал почему – мутной волной, гасящей волю, накатывался страх, но в этот миг хоббит словно раздвоился – один корчился в муках ужаса, другой взирал на это холодно и отстранённо, прикидывая расстояние и упреждение, чтобы свалить врага, кто бы он ни был, первой же стрелой; и тело повиновалось второму, пока первый заходил в беззвучном истошном крике.

Серая фигура на другом конце пустоши вдруг стала расти, вытягиваясь вверх, угрожающе вздымая ставшие очень длинными руки.

Каждый шаг давался хоббиту с трудом, словно он тянул за собой на верёвке тяжёлый груз; но расстояние сокращалось...

Что произошло дальше? Об этом каждый потом говорил по-разному. Тишину пустоши внезапно нарушили крики команд, хлюпанье десятков ног по мху, звон оружия, треск веток – сзади надвигались какие-то вооружённые люди.

Хоббит невольно оглянулся – и тотчас получил такой удар в затылок, что перед глазами вспыхнули многоцветные искры, не удержался на ногах, ткнулся лицом в мох и увидел медленно отваливающийся серо-зелёный пласт, обнажающуюся землю – и белесую змеиную голову, холодный блеск глаз и дрожание раздвоенного жала. Откуда-то он вспомнил, что такие змеи страшно ядовиты, – и потерял голову, точно наяву почувствовал прикосновение холодной шершавой чешуи, стремительную и острую боль от вонзающихся смертоносных зубов, увидел себя, мечущегося в последних мучениях, в ужасе перед чёрным ничто, – и «второй» хоббит, крепко державший до этого в руках лук и стрелу, вдруг рассыпался, развалился, исчез, словно дым под ветром; остался лишь «первый» – и никогда после Фолко не мог вспомнить, кто же из друзей вытащил его с этого жуткого места.

Пришёл он в себя уже ночью. Горел костер, дорваги стояли у края светлого круга, держа наготове оружие, и Фолко понял, что страх оказался настолько велик, что даже эти опытные воины поддались ему до такой степени, что сделали то, на что не решились бы никогда, находясь в такой близости от врага, – развели костёр и не выставили дальней стражи; очевидно, ни у кого не хватало сил отойти от огня, казавшегося самой надёжной защитой от любой нечисти.

На брёвнах, угрюмо уставившись в землю, сидели Торин и Малыш; Келаст, судя по наморщенному лбу и едва заметно шевелящимся губам, что-то вспоминал, Эрлон неумоимо шагал туда-сюда перед костром. Никто не снимал доспехов.

– Что это было? – с трудом спросил хоббит. – Откуда змеи?

– Какие змеи? – вдруг с удивлением откликнулся Малыш. – Ты змей видел?

– Вот-вот, – не поднимая головы, буркнул Торин. – Ему – змеи, дорвагам – незнамо кто, вроде не то гурры, не то ещё кто, нам с Малышом... ну, об этом не вслух. – Он вздрогнул. – Эрлону вот дракон показался...

– Что ты говоришь, Торин?

– Что тут говорить! – На лице гнома была жёсткая усмешка. – Ничего этого не было! Морок это был, обман, колдовской туман! Тот, кто сидит в этой пустоши, решил покончить с нами разом и наслал на каждого из нас то, чего тот боится больше смерти. И он достиг своего – мы бежали! – Он вновь усмехнулся. – Да только ошибся этот! – вдруг рявкнул гном, хватив кулаком по бревну. – Ошибся в том, что мы остановились, да догадались, что он сам нас боится, иначе бы действовал умнее, показал бы всем одно и то же!

– Раз боится – значит, можно прорваться! – глубокомысленно заключил Малыш. – Когда пойдём?

– Куда? – зарычал Келаст. – Чтобы снова бежать сломя голову, ничего не видя и не понимая? Кто-нибудь может сказать, кто или что это?

Ответом было молчание. Келаст неспешно обвёл всех взглядом и продолжал:

– Нужно поворачивать и уходить, пока не поздно, к югу. Иначе мы просто останемся без крошки хлеба!

«Снова назад, – подумал хоббит. – Нет, поздно. Мы подошли почти к самому логову Олмера и поворачивать уже нет смысла. Хотя Наугрим и говорил, что Олмера нужно ждать у Дома Высокого, вдруг нам повезёт? Вдруг он окажется здесь? Но для этого надо пройти пустошь...»

– Эй, кто там?! – суматошно заорал вдруг один из дорвагов. – К оружию!

Над ухом хоббита что-то взвизгнуло; вынесшаяся из мрака длинная стрела отскочила от скрытого складками плаща доспеха Малыша. Они вскочили на ноги, хоббит машинально опустил глухое забрало – и вовремя! Вторая стрела ударила прямо в лицо, он пошатнулся, но быстро пришёл в себя, к собственному удивлению ощущая какое-то странное облегчение: стрелы – не призраки, с ними можно управиться.

Келаст наугад ответил невидимому врагу своей стрелой; нашла ли она дорожку или пропала даром – кто мог сказать? Ни звука, ни стона... Только шелестит, склоняясь под ночным ветром, жёстколистный тамариск.

Всю ночь простояли они, не выпуская из рук оружия; всю ночь слушали недобрые, глухие голоса каких-то странных существ, перекликавшихся неподалёку; иногда что-то тяжёлое, шурша, проползало у самой границы светового круга. С короткими гортанными вскриками несколько раз над костром пронеслись какие-то крылатые тени; хоббит сбил одну из них, но тёмное тело, беспомощно трепыхаясь, упало где-то в зарослях, куда никто не рискнул отправиться.

Томительно тянулись нескончаемые ночные часы, едва заметно проглядывала сквозь низкие тучи жёлтая луна. Под утро, когда мрак, прежде чем рассеяться, становится особенно непроглядным, вокруг них вновь воцарилась недобрая тишина, безмолвие нарушали лишь странные звуки, как будто кто-то тяжёлый и грузный крадёт по кустам, стараясь производить как можно меньше шума. Костёр трепетал, понемногу угасая, дорваги пятились всё ближе и ближе к умирающему огню.

Неистовое ржание их смертельно перепуганных коней ударило по сознанию точно тяжёлый молот; лошади в безумии пытались оборвать привязь. Гулко бухнуло и оборвалось что-то в груди – они смотрели на восток, в сторону пустоши, откуда, как ясно чувствовал Фолко, вновь надвигалось нечто, угрожающее и непонятное.

Глухой рев, треск ломающихся веток; мигнул и изошёл предсмертным сизым дымом костёр, в золе лишь алели уголья, но свет не исчез – осталось бледно-зеленоватое сияние, на фоне которого на мгновение до рези в глазах чётко стали видны скрюченные ветви кустов; а потом ветви вдруг словно растворились, и перед путниками возникла ужасающая, странная форма уродливой жизни, какую никто из них не мог представить себе в самых страшных снах; откуда, из каких глубин было вызвано это существо, никто не знал и не мог даже догадываться. Они увидели два ряда острейших зубов, покрытую слизью морду: беспрестанно шевелящиеся конечности заканчивались когтями, шуршало, беспокойно извиваясь, слабо светящееся членистое тело. Низкое, плоское и длинное существо с двумя глубоко посаженными горящими зелёным огнём глазами остановилось; в горле его заклокотало, и друзья услышали не то кваканье, не то хрипение; несколько хватательных конечностей поднялись в воздух, угрожающе протягиваясь к ним.

Ужас и омерзение парализовали на миг всех. Сухая спина и источающее слизь брюхо, беспокойно шевелящиеся ноги и зеленоватое свечение вокруг увенчанной рогами уродливой головы...

Со звонким хлопком тетива эльфийского лука хлестнула по кожаной рукавице на левой руке хоббита. Стрела вонзилась прямо в левый глаз страшилища, но не застряла, а, окружённая алым сиянием, пронзила насквозь голову и туловище, и в следующий миг они увидели её воткнувшейся в землю; красноватый свет, исходивший от стрелы, освещал травинки, закрытые до этой секунды телом чудовища.

– Морок! – диким голосом заорал Малыш, выхватывая из костра пылающую ветку и запуская её в морду страшилищу.

Головня пролетела насквозь и, чадя, упала где-то возле хвоста призрака. Вслед за Малышом стали швырять сучья и остальные, торопливо зажигая их от ещё дышащих в золе углей.

Контуры чудовища стали быстро таять, точно туман под солнечными лучами; мертвенный зелёный свет отступал перед весёлым и живым светом рыжего пламени, Келаст – на всякий случай, что ли? – рубанул по голове чудовища мечом – клинок со свистом рассёк воздух и глубоко вонзился в землю.

После этого очертания страшилища окончательно потеряли чёткость, растаяли и исчезли; лишь десяток разбросанных горящих ветвей остались на земле.

Друзья вновь раздули костёр.

– Ну?! Поняли теперь?! – Голос Торина звучал приглушённо из-под опущенного забрала. – Если мы не испугаемся, то с нами ничего не будет. Нужно идти вперёд и не опускать взгляда.

– А это? – Келаст поднял с земли валявшиеся там стрелы и стал пристально их разглядывать. – Это разве морок? Значит, тут есть люди с луками, и раз у них не вышло с призраком, наверняка вновь появится кто-то живой!

Однако до утра так никто и не появился, хотя глаз они, конечно, уже не сомкнули. Сперва насылаемые на них какой-то злобной силой видения отстранённо бродили где-то у края кустов; друзья оказались в замкнутом круге зеленоватого свечения; уродливые многорукие, многоглавые тени вставали по краям, что-то свистело и ухало в чащобе, и хоббит с трудом противостоял подкатывающим, словно тошнота, приступам липкого страха. Не сомкнув глаз до утра, простоял он на одном колене, с луком и наложенной стрелой. И он готов был поклясться, что бродящие вокруг страшилища сейчас обрушатся на их лагерь, растопчут и сомнут их, но, похоже, все эти чудовища были лишь наведёнными на них обманными видениями – ни одно из них не приблизилось к костру. Не раз доносился из чащи и приглушённый лязг оружия, голоса, отдававшие короткие и отрывистые команды, – но был ли это также морок, Фолко не мог понять. Зловещее сияние на его заветном клинке не угасло; и тяжелее всего была мысль о том, что враг совсем близко – а взять его нельзя. Ближе к утру тени постепенно исчезли, утихли звуки и голоса, воцарилась молчаливая неподвижность. Всё замерло, словно в предчувствии боя; и друзья, без споров и несогласий, молча поправив оружие и проверив лишний раз застёжки доспехов, с первыми лучами солнца, пробившимися в долину, развернулись в цепь и двинулись к пустоши.

Вот и знакомые частоколы сухих лесин, вот и бочаги чёрной воды среди моховых одеял, вот последние живые деревца остались за спиной... вот перед ними пустошь. Серый мшаник, несколько вывернутых полусгнивших коряг... Чего тут бояться? Нужно только не останавливаться, нужно давить в себе всё, что мешает целиться стрелой и работать мечом, и тогда, тогда...

Фолко не успел подумать, что будет тогда. Вся пустошь внезапно зашевелилась, пришла в движение, целые пласты мхов и дёрна отваливались, открывая глубокие зловонные ямы; и из этих ям на них хлынули змеи. В мгновение ока шипящий, извивающийся поток полился навстречу друзьям; и не было ни единой свободной кочки, ни единого просвета в этом непрерывном движении; мириадами крохотных холодных взоров прямо в глаза хоббиту впервые настоящей взглянула Смерть.

Он не гадал – морок это или действительность; забившийся где-то у самого сердца холодный, как лёд, ключ неотвратимых мыслей не оставлял сомнений; но надо было найти средоточие противостоящей им силы, и хоббит, вырвав из ножен специально перевешенный из-под кольчуги на грудь Коготь, увидел врага – внутренним зрением.

– О Айну, кано ми ку ре ми камба. Белег реаглар!

Услыхали ли его те, к кому он обратил в тот миг свои мысли? Кто знает, но, когда Фолко зажмурился, он вновь увидел тощую серую фигуру; её воздетые костлявые руки гнали на них змей, точно пастух – скотину; поток мерзких тварей быстро приближался. До слуха хоббита вновь донеслось испуганное ржание коней; не оглядываясь, он, однако, понял, что дорваги и гномы, ощерясь и низко присев, уже приготовились рубить эту подползающую неминуемую гибель. И тогда он выпустил стрелу наудачу, в гущу извивающихся тварей; оставляя за собой в воздухе стремительный багровый росчерк, словно оперённая огнём, стрела вонзилась среди гибких спин, украшенных коричневым узором; в мучительной конвульсии поражённая змея, запрокидывая уродливую голову и выбросив раздвоенное жало, оплела древко, но тут же бесильно опала. Однако вокруг эльфийской стрелы образовался свободный круг, шириной в несколько локтей; и тут хоббит совсем пал духом. Он вдруг подумал, что в действительности ничего этого может не быть, что враг, наводящий на них помрачение, способен показать им что угодно, в том числе и умирающую змею, а потом они, окружённые со всех сторон, просто погибнут, потому что уверуют в то, что укушены; но как знать, есть ли всё это на самом деле, если все твои чувства могут обмануть тебя?! Быть может, мы полагаем, что змеи – это морок, а на самом деле они есть? Или решим, что они есть на самом деле, и в ужасе побежим перед бесплотными и бессильными призраками? Надо дотянуться до этой фигуры!!!

Стоп! В голове вдруг стало ясно, неведомо откуда пришли рассудительность и спокойствие. Ты сам, мой невидимый враг, указал мне дорогу к тебе! А ну!.. И хоббит, не жалеючи, выхватил из колчана пук заветных стрел. Короткий взблеск – стрела вонзилась в нескольких саженях перед ним, и он бегом бросился к ней. Поспешно выпустил в землю ещё несколько, так чтобы они образовали неширокий круг, Фолко встал в середину – и вовремя! Он едва успел перевести дыхание после умопомрачительной гонки наперегонки со змеиным потоком – но успел, и теперь ползучие твари лишь бессильно шипели, со всех сторон обтекая его убежище и время от времени корчась, словно от ожога, если оказывались слишком близко от воткнутых в мох стрел.

«Я не промахнусь, я не зря был первым среди друзей!» – мелькнуло в голове хоббита.

И он, не раздумывая, поспешно плюхнулся прямо на землю и, упершись ступнями в концы лука, растянул его двумя руками насколько позволила его самая длинная стрела; серая тень тревожно заколыхалась, его противник почуял неладное и, повернувшись, заторопился было прочь...

– О Манве Сулимо! – истоиво выдохнул Фолко и, почти не целясь, действуя по тому чудесному наитию, что появляется иногда в моменты смертельной нужды, пустил свою самую заветную стрелу, на две ладони длиннее прочих.

Стрела взмыла ввысь, и вновь хоббит увидал за ней тонкий шлейф алого пламени, а наконечник её блистал, словно крошечная звезда; время замерло, стрела медленно-медленно удалялась, неведь откуда налетевший ветер подхватил её, она на миг замерла в наивысшей точке своего полёта и низринулась вниз, опираясь на мягкие незримые крылья; серая тень шатнулась было в сторону, но поздно, слишком поздно, – огненная нить пронзила туманные серые складки просторного плаща, тонкий визг в клочья разорвал тишину, и тень согнулась, точно от нестерпимой боли. Только тут глаза хоббита наконец увидели, что происходит вокруг.

Змеи, точно обезумев, вцеплялись своими длинными ядовитыми зубами друг в друга, между ними началась смертельная и бессмысленная битва, ибо все дрались против всех;

и шипящий клубок покрыл всё вокруг хоббита; но, оглянувшись, он с облегчением увидел, что волна змей так и не докатилась до его друзей, замерших с мечами наголо.

По-прежнему тонко вереща и завывая, фигура с торчащей из правого плеча стрелой, нелепо дёргаясь, вновь подняла руки, и змеи повернули назад, откатываясь от своих ям, где они, очевидно, гнездились. Твари текли дальше, в лес за пустошью, и движения их стали вялыми, прерывистыми – из них словно уходила жизнь.

Позади Фолко услышал крики – друзья бежали к нему, по пути рубя наотмашь задержавшихся или медленно уползающих гадов; некто в сером плаще, пошатываясь, уходил, растворяясь между деревьями, и хоббит мог лишь бессильно наблюдать – второй такой стрелы у него не было. Он стал поспешно собирать послужившие ему защитой стрелы, воткнутые в мох вокруг него.

– Вперёд! Слава Дьюрину, мы его сокрушим! – яростно зарычал Торин, поравнявшись с уже готовым к рывку хоббитом.

И они бросились вперёд, тяжело дыша от усилий, – бежать во всю прыть по кочкам и ямам в полном вооружении оказалось весьма утомительно; но фигура в сером близилась, они настигали, настигали!

Очевидно, поняв, что ему не уйти, их неведомый противник остановился. Теперь хоббит видел даже его лицо – костистое, измождённое лицо древнего старика; что-то странно знакомое показалось ему в этом когда-то надменном и гордом облике; расстояние сокращалось – но тут уже несколько мгновений мучившая хоббита какая-то неразличимая мысль наконец обрела вид – из-под пробившей плечо старика стрелы не вытекло ни капли крови!

«Что мы можем сделать с духом?!» – последнее, что успел подумать хоббит, когда старик вдруг отчаянно и судорожно, неверным движением взмахнул левой рукой, и из-за плотных зарослей низкорослых сосенок наперерез разогнавшимся гномам и дорвагам бросились вооружённые люди с кривыми клинками наголо.

Секунды оставались до сшибки, но какими они оказались долгими; хоббит успел разглядеть до мельчайших чёрточек лицо противостоящего ему воина; он запомнил безумный огонь в глазах безымянного противника, его затуманенный взор, его разъявленный в истошном вопле рот между спускающимися от излобья шлема двумя железными полосами, закрывающими щёки.

Они столкнулись, и эта схватка разительно отличалась от всех, через которые уже довелось пройти хоббиту. Он чувствовал, как его руки словно наливаются невесть откуда взявшейся тяжестью, куда-то пропадает всегдашняя лёгкость; врагов вдруг стало много-много, ему показалось – несметные полчища; со всех сторон, одинаковые, в каком-то развевающемся тряпье, под которым виднеется давно не чищенная сталь доспехов; а этот, в сером, – вон он, за их спинами, левая рука высоко поднята, правая вроде висит, и он совсем близко, но как всадишь в него стрелу, если сам едва успеваешь отбивать сыплющиеся со всех сторон удары увесистых кривых ятаганов?!

Противники навалились на них всем скопом, идя тесно, плечом к плечу, сбив щиты и прикрывая друг друга. Перед глазами Фолко раз-другой мелькнуло тёмное лезвие вражьего меча, он отбивался, получил чувствительный удар по боку – мифрил выдержал, но от боли на миг потемнело в глазах, – и тут кто-то из нападающих просто сшиб его с ног ударом щита.

Несколько томительных мгновений он пребывал между небытием и реальностью, ничего не видя, не слыша и не понимая. А когда с трудом открыл глаза и приподнялся на локте – боли он не чувствовал, – то увидел сплошную стену вражеских щитов, надвигающуюся на них, и короткие взблески мечей; Торин и Малыш, неуязвимые в своём мифрильном вооружении, отчаянно рубились, прикрывая собой остальных; справа от них отмахивался своим верным двуручным мечом Келаст; слева, весь ощерясь и что-то истошно вопя, насакивал, рубил, уворачивался и вновь насакивал Эрлон, но все его удары приходились в тесно составленные

щиты; один из дорвагских разведчиков уже зажимал окрасившееся буро-багровым плечо; а ещё двое уже, похоже, дрогнули; а строй начинает загибаться, охватывая их со всех сторон.

Гибель, неотвратимая и неизбежная? Нет, сердце оставалось ясным, словно хоббит видел просто страшный сон, когда знаешь, что спишь и можешь в любой миг проснуться; насколько он был потрясён пережитым ужасом вчерашнего дня, настолько спокоен и холоден он оставался сегодня; а может, он просто не успел испугаться?

Фолко вновь попытался увидеть того, кто противостоял им. Станный дух – если это был дух – никуда не исчез, он по-прежнему виднелся за спинами воинов. Только бы достать его!

Торин обернулся и бросил назад короткий взгляд. Он длился лишь долю секунды, но они с Фолко успели понять друг друга. Фолко освободил придавленный при падении колчан; однако первой стрелой – обычной, он попытался выбить кого-нибудь из нападавших и помочь Малышу, на которого наступало сразу четверо, но та скользнула по закруглению шлема и ушла куда-то в мох. Внезапно Торин что-то громко воскликнул на неведомом хоббиту языке, и они с Малышом прыгнули.

Это был прыжок, перед которым поблекнул бы, наверное, даже Прыжок Берена, восславленный во многих песнях, и Торин обрушил свой топор на верхний край щита, не обращая внимания на сверкнувшие и заскрежетавшие о броню его наплечников ятаганы; он всей тяжестью потянул вниз щитоносца и открыл брешь в несокрушимом строе. А Малыш, скользнувший с непостижимой, змеиной ловкостью куда-то почти под щит, со свистом рубанул вкось, и теперь в стене возник пролом – и в этом проломе, пока щиты не сошлись, хоббит вновь увидел серое лицо того, кто был средоточием противостоящей им силы. Именно туда, в этот пролом, метя под правый глаз на складчатом туманном лице, хоббит выпустил эльфийскую стрелу.

Голубой взблеск – и многоголосый пронзительный вой; и разом рассыпавшийся строй врагов. А потом вдруг дунул злой и жёсткий ветер, несущий гнилое зловоние, более всего напомнившее хоббиту запах, шедший от околевшей в подполье крысы, которую долго не могли найти; сосны покачнулись, и там, где стоял старик в сером, они увидели крутящийся тёмный столб, невесть откуда возникшую воронку, так похожую на широко распахнутую пасть, и освобождённую от плоти глотку какой-то неведомой змеи; и этот вихрь стал расти и шириться, и стихающий визг боли превратился вдруг в чудовищный боевой клич, какого ещё не слышал никто из оказавшихся в тот миг среди его противников. Гномы и люди замерли, в ошеломлении наблюдая за происходящим; никто не мог ничего понять, и лишь у Фолко мелькнуло: Серый Вихрь! Слова Наугрима... Не дать коснуться и краем!

Вихрь накренился, причудливо изогнулся и двинулся им навстречу. Чьё-то лицо смутно угадывалось за матовыми сокружиями, высокий лоб, глубоко посаженные тёмные глаза, тонкогубый, сейчас изломанный то ли от боли, то ли от ненависти рот; и тут раздался голос, после которого у хоббита исчезли последние сомнения.

– Зачем вы потревожили меня? – произнёс этот голос, мягко и укоризненно.

Фолко даже попятился – настолько это показалось ему невероятным. Он разом вспомнил и говорящую Башню Ортханка, и тот вкрадчивый, медоточивый голос, что некогда звучал в её стенах; перед ними был сам Саруман!

Всё это мелькнуло в мыслях Фолко, словно чудесное прозрение; однако руки его внезапно налились невесть откуда взявшейся тяжестью, он едва мог пошевелить ими; откуда-то из глубины вихря начало распространяться зловещее багровое свечение, как будто жидкий огонь затагивало в водоворот тёмной рекой. Голос Сарумана ещё имел силу...

И не оставалось времени думать, рассуждать, взвешивать. «Не дать коснуться и краем!» Эльфийская стрела легла на тетиву – жилы на кистях хоббита вздулись, словно он поднимал тяжеленный камень; и, холодно блеснув наконечником, стрела врезалась прямо в середину вихря, туда, где зарождался странный и недобрый багровый огонь.

Что-то оглушительно зашипело, засвистело, белёсый пар взметнулся вокруг серой воронки, и то, что говорило с ними голосом когда-то могучего и почти всемогущего мага, нагибая раструб вихря, словно голодную пасть, двинулось на них, в извивах своих очень похожее на раненую змею. Стрела исчезла, и хоббит не мог понять, достигла ли она цели; но вихрь шёл на них, ускоряясь с каждым мигом, и последним средством, могущим, быть может, приостановить его, оставался только кинжал Отрины, что висел пока на груди Фолко.

Рука нашла тёплую, чуть шершавую рукоять. Клинок со странными синими цветами неожиданно ярко сверкнул, и хоббит, далеко вытянув руку с выставленным вперёд оружием, сделал короткий, неуверенный шаг навстречу вихрю. Это не зависело от его мужества или стойкости; только он один владел чудесным кинжалом, и, следовательно, только он и мог сделать этот шаг навстречу.

И напиравший на них вихрь неожиданно остановился, словно в сомнении, увидев дивно лучащийся клинок в руках своего врага. Что напомнило ему это сияние? Быть может, тёмные залы Наргахора, и взлетающий молот в неутомимых руках Отрины, и Наллику, дочь его, медленно произносящую слова рокового наговора и бестрепетно погружающую руки в кипящий металл, отдавая ему частичку своей великой силы? Или, может, пронзающий до последних тёмных пределов сознания пламень нечеловеческих очей Великого Орлангура в мягкой зелёной полутьме его заповедного логова, запечатлённый в узоры на клинке?

Однако дух колебался недолго. Силы его были не беспредельны, нужно было нападать – чтобы победить или погибнуть. Хотя как может погибнуть получивший дар бытия из рук самого Илуватара?

Серая воронка угрожающе нагибалась, стараясь, однако, обогнуть замершего с клинком наголо хоббита и дотянуться до остальных его спутников. Закрывая собою друзей, хоббит держал кинжал уже обеими руками и тоже двинулся вслед за ним; с него градом лил пот, обжигая глаза, и нечем было утереть лоб, нельзя было даже сморгнуть. Вихрь вновь закачался, словно в неуверенности, и тут вперёд бросился Эрлон. Прежде чем хоббит успел крикнуть или остановить его, прежде чем остальные успели повиснуть у него на плечах, он прыгнул вперёд, и его иззубренный во многих схватках честный дорвагский меч по самую рукоять ушёл в основание гибельной воронки.

Но что могла сделать с духом простая, выплавленная людьми сталь? Вихрь не дрогнул, но вдруг низринулся широко распахнувшейся воронкой на дерзкого. Эрлон каким-то чудом успел отпрыгнуть в сторону, и тут Фолко отчаянным усилием попытался дотянуться остриём до страшного вихря – и ему это удалось!

Близко-близко от его лица взметнулась серая муть, но пылающий голубым клинок вонзился в тугие крутящиеся круги, и столб резко изогнулся, точно заламываясь; вновь мелькнуло за пыльным занавесом искажённое нечеловеческой болью лицо; затем всё пропало, вихрь стал бессильно опадать, и Эрлон с торжествующим рёвом вновь всадил в него свой меч – и тут какой-то серый лоскут случайно задел его. Эрлон коротко вскрикнул и упал без движения.

Спустя несколько мгновений лишь замершее тело человека напоминало о происшедшем. Исчез вихрь, куда-то скрылись только что ожесточённо сражавшиеся с друзьями люди, вынеся даже тело одного из своих, зарубленного Эрлоном; всё было тихо, мертвенно-тихо и недвижно. Напрасно они озирались в поисках врага – его не было. Клинок Отрины разрубил какие-то нити, соединявшие эту форму духа с его надмирным сознанием, а может, тот просто скрылся, отложив до времени месть, – этого Фолко не знал. Он поспешно склонился над бездыханным Эрлоном; глаза того были дико выкачены, рот искривлён – но сердце билось. Фолко в замешательстве стал оглядываться в поисках оставшейся во выюках заветной сумки с целебными травами, но тут Эрлон застонал, заворочался, и взгляд его стал осмысленным. Кто-то облегчённо вздохнул, кто-то протянул флягу; чьи-то руки поддержали Эрлона, помогли ему сесть.

Взор его блуждал, с губ срывался то ли хрип, то ли низкий, подсердечный стон; руки бесцельно шарили по земле...

Однако мало-помалу он пришёл в себя и даже смог взобраться в седло. Товарищи Фолко улыбались, радуясь, что кончилось на сей раз благополучно, а он не мог отрешиться от слов Наугрима «не дать коснуться даже краем!»...

Они потратили ещё немалую долю долгого летнего дня, чтобы отыскать разбежавшихся в суматохе лошадей, собрать обронённое и отдохнуть – если напряжённое бдение можно было назвать отдыхом – и, когда солнце перевалило за полдень, наконец двинулись дальше. Дорваги и гномы пристали с расспросами к хоббиту, и Фолко даже охрип, по многу раз повторяя всё, что помнил о Сарумане. Особенно жадно его слушал Эрлон; Фолко время от времени всё же бросал на него тревожные взоры, стараясь понять, что же имел тогда в виду Наугрим? Время идёт, а человеку хоть бы что, сидит себе верхом как ни в чём не бывало.

«Но как можно добить духа?» – недоумённо спрашивал сам себя хоббит и не мог найти ничего толкового в своих мыслях; однако словно чей-то упрямый, настырный голос вновь и вновь звучал у него в ушах, и нелепая тревога вновь оживала в нём; и он был неспокоен, единственный среди остальных своих товарищей.

До вечера всё было спокойно. И ночью всё было тихо, а вот под утро вокруг их небольшого лагеря постепенно сгустилась нехорошая, вязкая, точно трясына, тишина; лежавший без сна Фолко готов был поклясться, что в недалгих зарослях слышится чей-то противный, злорадный смешок. Он приподнялся и схватился за Клык; что-то белёсое мелькнуло по другую сторону костра; рядом глубоким сном спали гномы и люди. Но вот чего не могло быть, потому что не могло быть никогда, – спал на посту сам Келаст, лучший следопыт северных дорвагских родов! Хоббит не успел удивиться этому – на него самого навалилась кажущаяся непереносимой сонная истома. Тяжёлыми-тяжёлыми вдруг стали веки, смежаясь сами собой... Но Белег Анка был в руке, и его рукоять вдруг стала холодной, точно хоббит сжимал в ладони кусок льда, и Фолко не уронил бессильно голову, у него хватило сил увидеть, как что-то приземистое, словно бегущее на четвереньках, скользнуло от них в кусты; секунду это существо и Фолко смотрели в глаза друг другу, и с хоббита вмиг слетела сонливость – это были глаза Сарумана!

Забыв обо всём, Фолко вскочил на ноги. И, не тратя времени на то, чтобы как следует вооружиться, схватив, кроме верного Клинка, лишь лук и стрелы, он очертя голову бросился вдогонку за этой новой ипостасью Сарумана. В тот миг он ещё плохо представлял себе, зачем устремляется в эту почти безнадежную погоню, без успехов, не предупредив друзей, – но что-то гнало его вперёд, что-то не давало остаться на месте; сейчас он казался себе сильным и неуязвимым.

Он видел спину Сарумана. Теперь перед ним уже был не величественный старик, не ужасный вихрь – странное белёсое существо, чем-то напоминающее очень длинного, невероятно костлявого пса с человеческой головой, которая даже издали представлялась голым черепом, обтянутым лишь тонким слоем кожи. Это существо удирало во всю прыть на четырёх многосуставчатых лапах, и удирало весьма быстро – хоббит даже налегке едва поспевал за ним. Коготь был зажат в его руке, и края клинка горели грозным боевым огнем; и Фолко ничего не боялся.

Мало-помалу расстояние между ними стало сокращаться, и хоббит стал постепенно отжимать тварь (язык не поворачивался назвать её именем некогда великого и добродетельного спутника Ауле) к скалам, и существо, видя, что отступление дальше по долине отрезано, само кинулось вверх. По камням в этом месте круто уходила ввысь малоприметная тропка.

Они упорно карабкались по уступам, но хоббит уже понял, куда ведёт эта дорожка – к седловине между двумя взметнувшимися точно мечи утёсами; очевидно, оттуда можно было перебраться на другую сторону казавшихся неприступными отрогов. Нужно было опередить!

Откуда только взялась ловкость в хоббите, отродясь не занимавшемся скалолазанием? Кто шепнул ему в нужную минуту, что тропа, скорее всего, будет огибать этот резко выдав-

шийся из скалы уступ, и если подтянуться, поднапрячься, то можно сильно срезать поверху; а срезав, оказаться секундой раньше на крутом изломе тропы и встретить искажившееся, страшное, нечеловеческое лицо, не лицо даже – уродливую личину спокойным блеском клинка Отрины.

То, что стало новой ипостасью Сарумана, в отчаянном прыжке попыталось проскользнуть мимо – напрасно; и Фолко погнал её вбок, на почти отвесный склон, сам чудом удерживаясь на острых гранях скалы; перед ними разверзся провал, на дне хищно выставили острые зубцы гранитные глыбы; и вот конец, конец и того едва заметного уступа, на котором они держатся; твари отступать некуда, и она замерла, костлявую голову мгновенно покрыли бисеринки пота; Фолко невольно удивился – разве духи могут дрожать от ужаса?

– Чего ты хочешь? – почти простонал вдруг знакомый голос. – Я отвечу тебе, спрашивай, только не губи! Ты, смертный, не знаешь, что может последовать за этим!

– Ну так говори! – Фолко с трудом перевёл дыхание и вытолкнул из себя слова пересохшими губами и языком. – Говори, кто ты такой и что здесь делаешь? Говори, иначе, клянусь бородой Дьюрина, я перережу тебе горло вот этим! – Он потряс кинжалом. – А там будь что будет...

И тварь заговорила, поспешно глотая окончания слов, порой сбиваясь на неразборчивое бормотанье, со страхом косясь на сверкающий кинжал, который Фолко держал наготове.

Да, это был Саруман – точнее, то, что от него осталось. Исключённый Валарами из Ордена, лишённый почти всей своей силы, он, как, очевидно, известно славному хоббиту, нашёл было приют в его, хоббита, родной стране и, если бы не эти проклятые безумцы, та неистовая четвёрка, сумел бы установить в ней разумный справедливый порядок взамен царившей там анархии и привёл бы подданных к небывалому процветанию, если бы... Гримаса давно пережитой, но незабываемой боли страдальчески изломила кожистые дуги, заменявшие брови, – если бы не нож того негодяя, которого он сам вскормил себе на погибель! Его тело погибло, ветер Манве не дал ему перенестись обратно, туда, откуда он когда-то начал свой роковой путь в Средиземье, и он был вынужден бежать на Восток, подальше от ставшего непременным дыхания Запада. Долгие годы он таился здесь, найдя приют в этом ущелье. У него ничего уже не осталось, лишь крохи того, чем он когда-то владел. Но его переход на тёмную сторону не прошёл незамеченным, и Тот, Кто Вовне, не оставил его, Сила стала мало-помалу прибывать, но это была злая и гибельная сила. А он хотел отомстить, неистово желал, он смертельно, больше чем смертельно, ненавидел эльфов, людей и хоббитов. Нет таких слов, чтобы описать проклятия, какие он призывал на их головы! И он не отказался от предложенного дара. Сила заставила его оставить надёжное укрытие в этом ущелье, и он ощутил молчаливый, пришедший из-за пределов этого мира приказ идти в Арнор. И он отправился в путь... К нему вновь вернулась способность принимать людские обличья, и вот зимним вечером восемь лет назад пожилой странник по имени Храудун пересёк границу Северного королевства и принялся за давно знакомое дело – сталкивать лбами людей.

– Кто приказал? Почему именно в эти годы, а не раньше и не позже? – жёстко давил хоббит, чувствуя неведомую силу за своей спиной и бездонную страшную пропасть, разверстую за его врагом.

– Я не могу сказать тебе этого, – последовал ответ. – Всего лишь знание, пришедшее извне, которому нельзя... нельзя не подчиниться. Нет, слов нет, чтобы выразить это.

– С кем ты был заодно?!

Молчание. Клинок придвинулся ближе. На острие вспыхнула лучащаяся колючим светом багровая звёздочка.

– Есть человек, который ищет Небесный Огонь... Я не мог не повиноваться ему! Идти в Арнор – приказал он...

– Имя?! Скажи имя! – в исступлении закричал Фолко.

В безумном гневе, внезапно нахлынувшем мутной волной, он готов был искромсать эту тварь на мелкие куски.

– Его человеческое имя... Олмер.

– Откуда у него сила? Почему ты повиновался ему?! Отвечай!!!

– Ты знаешь его... В нём чёрная сила, дарованная кем-то, неведомым мне.

– Как он нашёл тебя?

– Как нашёл... Появился в этом ущелье, и змеи не тронули его, и я сам словно окаменел...

И стал выполнять всё, что он говорил мне.

– Чего он хочет?

– Повергнуть Арнор и покончить с эльфами. Для этого он собирает всю силу Востока и всё, имеющее отношение к магии минувшего, всё, что может быть обращено против Корабела.

– Зачем ему Небесный Огонь?!

– Не знаю, но думаю, он ищет в нём оружие.

– Что такое Дом Высокого? Может ли Олмер использовать его?

– О, куда он взлетел! – Подобие усмешки растянуло коричневые губы. – По Тропе Соцветий ему не пройти... Как не удалось когда-то мне, как не удастся пройти любому, кто служит кому-либо – Тьме ли, Свету... Пройдёт только свободный. Так что ему там делать нечего.

– А почему ты ушёл из Арнора?

– Радагаст... Радагаст перестал быть простаком и повелителем букашек. Совесть, видать, замучила, что всю Третью Эпоху он провозился с птичками-бабочками, предоставив сражаться остальным. Мы встретились... И мне пришлось отступить.

– Кто такие Чёрные гномы?

– Одно из семи колен Подземного народа... В отличие от остальных, погнавшихся за богатством и оставшихся вблизи от поверхности, они ушли глубоко-глубоко, в самые глубинные недра. Там они занимаются своей вечной и необходимой для мира работой – крепят кости Земли. Ауле частенько навещает их, стараясь передать им всё своё знание, ибо от них зависит – продолжит ли Земля своё существование или же сгинет в какой-нибудь грядущей битве Сил. Ауле вложил столько трудов и сердца в сотворение этого мира, что сама мысль о его гибели – пусть даже ради нового возрождения – непереносима для него, и он, втайне от остальных Стражей Мира, передаёт многочисленное тайное знание Чёрным гномам.

– Что такое Чёрный Замок и где он находится?

– Где находится, объяснить не могу, он очень далеко на востоке, на переправе через Хоар, одну из великих рек Центрального Средиземья. Это вход в исполинское подземное царство упомянутых тобой Чёрных гномов. Там их наземная стража.

– Как они относятся к чужеземцам?

– Рассчитываешь на их помощь, невысоклик? Не знаю, они равнодушны к бедам и тревогам обитателей поверхности. В своё время они, правда, сражались плечом к плечу с эльфами против силы Мордора... Однако подвигнуть их на это во второй раз не удалось даже самоуверенному Олрину.

– Ты бывал у них? Виделся с ними?

– Разумеется.

– Как можно проникнуть в Чёрный Замок?

– Вход туда открыт далеко не каждому. Есть тайное слово. Я, конечно, могу открыть его тебе, но...

– Какое ещё «но»?!

Черты страшной маски, имеющей лишь отдалённое сходство с человеческим лицом, вдруг странно изменились; словно постоянно нависавшая глухая тень на миг поднялась, покинув отягощённый злобными и мстительными замыслами некогда могучий и светлый разум; и голос Сарумана негромко, почти что мягко произнёс очень удивившие хоббита слова:

– Ты перерос своих предшественников, половинчик, много перерос. Я вижу перед тобой далёкий и извилистый путь, на нём с тобой могут повстречаться самые разные Силы. Быть может, при одной из встреч тебя могут спросить и обо мне... Замолви за меня словечко.

– Замолвить словечко? – опешил хоббит.

– Что ты хочешь знать ещё? – пропустив его восклицание мимо ушей, спросил Саруман.

– Что ты знаешь о Великом Орлангуре?

– О-о-о! – Саруман был потрясён, и даже в этом уродливом облике было хорошо заметно изумление, в которое был повергнут его гордый дух. – Великий Орлангур! Высоко же ты поднялся, половинчик! Ты не перестаешь удивлять меня. Я ничего не знаю о нём, разочарую тебя. Ничего, кроме имени и того, что он – сильнейший в пределах Арды и что мощь его превосходит ныне силы всех Стражей Мира, вместе взятых. В оправдание своё скажу, что больше ты не узнаешь о нём ничего и ни от кого. Только от Самого.

– От Самого? С ним можно говорить?

– Можно... Если выдержишь, конечно.

– Что выдержишь?

– Его взгляд и присутствие. Не спрашивай меня больше! Я там не был. Не знаю.

– А дорога?..

– Я не забирался так далеко на Восток... Но после владений Ночной хозяйки области, подвластные Великому Орлангуре, встречаются часто, и там ты легко узнаешь дорогу. И хотя никто не знает о нём ничего, где находится его пещера, на Востоке известно многим.

– А Воды Пробуждения? Живут ли ещё там эльфы?

– Да. Авары по-прежнему хозяева тех краёв. Но остерегайся! Они хитры и недоверчивы, и найденный ими Свет имеет иную природу, чем в Благословенной Земле. Они принимают странные решения и недолюбливают чужеземцев и вдобавок с подозрением относятся к смертным.

– Ты упомянул о тайном слове Чёрного Замка, но не назвал мне его!

– Назову, назову... Надо только решить какое. Слов немало, и каждое из них означает ступень твоего посвящения в Тайны. Что это за Тайны – мне не ведомо, как не ведомо никому, кроме одного лишь Великого Орлангура, да ещё, быть может, Ауле. И если ты назовёшь Слово высокой степени и не подтвердишь её познаниями, тебе придётся худо. Поэтому я назову тебе первое из известных мне заветных Слов, оно значит лишь чистоту намерений и желание приобщиться к их знаниям – то есть желание поступить к ним в ученики.

– И меня возьмут?..

– Кто ж знает! Но слушай же слова да запоминай хорошенько: *раззордол иф науграндор; айфет уззал норротор; керридаш расту норгардор; тоногсо эллерт нартардор и сэррах алудо норгарридор*. Есть ещё множество иных, но мне они не ведомы. Кроме того, запомни, что стоит тебе назвать какое-то из Открывающих Путь Слов, как тебя начнут спрашивать. Дело в том, что ты мог узнать Слово только от посвящённого – или же случайно подслушать, украсть, попростому. Помни, как нужно отвечать: «Где есть свет?» – «Где горит пламя». – «Где горит пламя?» – «Где ступал Ауле». – «Кто есть Ауле?» – «Возжегший пламя». Тогда тебя впустят. Смотри, будь правдив! Горе тебе, если уличат хоть в малейшем обмане.

– А ты бывал в их Замке?

– Нет. Ничего не могу сказать тебе о том, как вести себя, оказавшись за воротами.

Фолко замешкался. Саруман молчал, отрешённо глядя на поблескивающий кинжал в руке хоббита. И Фолко вдруг решился спросить то, о чём мечтал узнать уже очень-очень давно и о чём не сумел расспросить Гэндальфа – об истории Светлого Совета и Ордена магов.

Саруман ответил не сразу, и, когда он заговорил, голос его показался хоббиту полным глухой и давней тоски, давно иссушившей сердце.

И бывший маг заговорил. Он говорил, словно каждым произнесённым словом сваливал тяжкий груз с памяти; говорил, забыв о запретах и Весах, Силах Внешних и Надмировых; и тусклые глаза его слабо осветились – он снова был могуч, идя наперекор всему и всем.

– Был Великий Совет, и Валары восседали на Престолах Сил перед зелёным курганом Эзеллохар, размышляя о том, как противостоять возрождающемуся злу Саурана в Средиземье. Минуло первое тысячелетие Третьей Эпохи, правители Гондора из линии Морских королей бились с корсарами Умбара, зло затемнило Зелёные леса, и они сменили имя на Чернолесье. Вознеслись мрачные стены Дол-Гулдура, и Чёрный Властелин сам обосновался там, окружённый верной свитой назгулов. Правители Запада видели, что войны не избежать, но, дабы не поколебать равновесие Мира, нельзя было вмешиваться в дела народов Средиземья в открытую. И на Совете Манве Сулимо предложил, по мысли Великого Эру Илуватара, послать троих послов во Внешние земли. «Кто захочет отправиться? Ибо могучи должны быть они, противуставшие Саурону, но должны на время позабыть о своей мощи, облачив себя в тела, подобные человеческим, сравнявшись в переживаемом и испытываемом с людьми и эльфами, ибо иначе невозможно обрести доверие Свободных народов. Но это и подвергнет их опасностям, затуманивая мудрость и заставляя забывать знание, поражая их проистекающими от плоти страхами, заботами и усталостями». И лишь двое выступили вперёд – Курумо, выбранный Ауле, и Алатар, приближённый Ореме, оба из рода Майаров. И тогда Манве спросил – где Олорин? Он всегда старался приблизить его, Серого Странника, долго жившего среди служащих Ниенны, Властительницы Скорбей, и научившегося от неё жалости и состраданию. А Олорин только что вернулся тогда из долгого странствия, и сидел с краю, и переспросил Манве – что он желает от него? И Манве ответил, что просит Олорина стать третьим посланцем Властителей Заката в земли смертных, ибо он, Олорин, всегда с особенной любовью и заботой относился к их бедам и тревогам. А Олорин сказал, что он слишком слаб для подобного великого дела, что он опасается и страшится Саурана. «Тогда тем больше причин отправиться именно тебе», – непреклонно ответил Манве, и он приказал Олорину – а приказывал он лишь в крайних, наиредчайших случаях, и не повиноваться ему Олорин не мог. И когда Сулимо сказал: «Вот и найден третий», Варда Элберет окинула всех их взглядом и тихо произнесла: «Но не как третий...» – и ведал великий Эру, как обожгло это слух вставшего *первым* Курумо! А потом Фванна Кементари упросила Курумо взять с собой её ближнего помощника, Айвендила, и Алатар договорился отправиться с собой своего друга Палландо, также из числа сотоварищей Ореме. Курумо неохотно согласился, чтобы Айвендил стал его спутником, – лишь только потому, что Яванна была супругой Ауле Кователя, его господина. И каждый из пятерых был того же рода, что и сам Саурон, сам когда-то принадлежавший к числу служивших Ауле, и известен он был за свои знания и мастерство. Но лишь один из всей пятёрки сумел довести дело до конца. Алатар и Палландо Синие маги ушли на Восток Средиземья, и что стало с ними, не знает никто. Айвендил – он же Радагаст – получил прозвище Карего, позабыв о бедах и тревогах людей и эльфов и посвятив себя заботам о живущих и растущих существах, детях Яванны. А Курумо... Он в конце концов сделался Саруманом.

Такова оказалась вкратце история появления в Средиземье Пяти Магов; многое можно было бы рассказать и об их делах, но, если вдаваться в детали, то не хватило бы и года, чтобы рассказать об их трудах, – а в общем Фолко и так знал это. Он вспомнил вздох Радагаста – Редбор... Фандар... – и спросил о них.

– Так звали Синих магов Алатара и Палландо на Востоке, – кратко сказал Саруман.

Хоббит глубоко вздохнул. Медленно поднимаясь разумом из манящего прошлого, он возвращался к действительности. Олмер... Олмер, получивший власть приказывать самому Саруману! Конечно, не тому, каким он явился в Серые Гавани, но всё же...

– Скажи, а почему ты боишься *этого*? – хоббит кивком указал на клинок Отрины.

– Потому что я не хочу, чтобы ты рассёк последние нити, связывающие меня хотя бы с таким, пусть кошмарным, но всё-таки телом, – потемнев, ответил Саруман. – Потому что сила, вложенная в этот кинжал, такова, что я бы навеки развоплотился... – Он зябко поёжился. – И тогда не осталось бы уже никакой надежды.

– Но Олмера ты считаешь своим другом? – медленно произнёс хоббит.

– Считал... Он пробудил во мне волю к размышлениям.

– А знаешь ли ты, что именно он подарил мне это гибельное для тебя оружие? Как ты думаешь, почему он это сделал?

Саруман со смертной тоской во взгляде посмотрел на хоббита и промолчал.

– Меня предупреждали, что в этих краях можно натолкнуться на какой-то гибельный Серый Вихрь, – в упор глядя на Сарумана, отдельно произнёс хоббит. – И я видел этот вихрь – вчера, сотворённый тобой. Что это такое и почему гибельно?

– Это то немногое, что у меня осталось из прежних сил. Оружие, поражающее не сразу, а спустя некоторое время... – Видно было, что Саруман говорил чрезвычайно неохотно, лишь вынуждаемый хоббитом.

– Как оно действует? Как ему можно противостоять? – сдвинул брови Фолко.

В глазах Сарумана вдруг, словно быстрый взблеск закатного луча, мелькнул злобный огонь, в презрительно-торжествующей гримасе искривились губы... Но огонь тотчас угас, и злорадная усмешка умерла. Фолко вновь увидел нечеловеческую тоску и отчаяние в очистившемся взоре, устремлённом сейчас на него.

– Я задел кого-то из твоих друзей... – медленно проговорил Саруман, не спрашивая, а словно размышляя вслух. – Что ж, огорчу тебя – против этого нет ни защиты, ни противоядия.

– Что с ним будет?! – яростно вскричал Фолко, стискивая клинок.

– Пока ничего, а потом он начнёт постоянно сводить вас между собой, служить источником распрей, пока вы не передерётесь и не уничтожите друг друга. И он будет шпионить за вами, а когда его спросят – он расскажет всё. Сам он погибнет, наверняка погибнет, – например, вы можете убить его, но о себе он уже не думает.

– А ты не лжёшь, Саруман? – тяжело глядя ему прямо в глаза, спросил Фолко. – Ты великий лжец, Саруман, и один из отцов обмана. Ты много наговорил мне тут, а правда ли всё это? Последняя твоя весть – чернее не придумаешь, но, быть может, ты солгал? Если я пойму, что это так, то, клянусь Горном Дьюрина и Силой энтов, я доберусь до тебя!

– Никогда я не был более искренен, чем в этом разговоре с тобой, – тихо сказал Саруман, опуская глаза. – Можешь не верить мне, но я был до конца правдив с тобой... И, быть может, великая и милосердная Варда Элберет когда-нибудь зачтёт мне это... – закончил он еле слышно.

Наступила тишина, и Фолко понял, что Саруман действительно не лгал, что какая-то надежда ещё жива в нём, и поэтому на слова его можно положиться.

– Что нам делать с тем, кого ты коснулся?

– Что же тут поделаешь... Стрелу не вернуть. Расстаньтесь с ним как можно скорее, изгоните его. Я постараюсь удержать его возле себя, не дать погибнуть и, быть может, сумею излечить.

Время было на исходе. Хоббиту послышалось, будто где-то в невероятных дальях тонко-тонко зазвенела туго натянутая струна. Что-то колебало её, это был знак, быть может...

– Прощай. Желаю тебе получить прощение.

– Прощай. Желаю тебе не проклясть Хоббитанию.

Глава 7

Цитадель Олмера

День и ночь, ночь и день, горы и леса, птицы и звери, люди и стрелы. Саруманово ущелье осталось позади, тропа уверенно вела их к выходу из Опустелой гряды – к заветному укывищу Короля-без-Королевства.

Фолко, Торин и Малыш долго судили так и эдак, как же им поступить с Эрлоном; хоббит предлагал под каким-нибудь благовидным предлогом отослать его в Эребор, Торин – в Гондор, не пожалев дать ему с собой золота; однако Малыш неожиданно предложил:

– А что, если рассказать ему всё?

– Жестоко, – возразил хоббит. – Представь, каково ему будет?

– А не жестоко ли отсылать его в неизвестность, покалеченного, считай, на верную смерть? – в свою очередь спросил Малыш и этим убедил всех.

Эрлон встретил известие мрачным молчанием, однако остался спокоен и лишь спросил: сколько у него ещё есть времени? Получив ответ, что не менее десяти дней, он, не произнеся ни слова, собрал наскоро свои пожитки и оседлал коня.

– Я останусь здесь. – Голос его был сухим и безжизненным. – Попробую найти эту тварь и договориться с ней. Кто бы он ни был, он не безнадежный злодей, и, значит, у меня ещё есть шанс...

Эрлону оставили плотницкий инструмент, провизию, оружие; затем друзья поспешно простились с ним, отводя взгляды и торопясь поскорее скрыться за поворотом, – смотреть в глаза товарищу не хватало сил.

– Вы только помните, где я остался... – Голос Эрлона предательски дрогнул, Фолко сморгнул – глаза его вдруг наполнились горькой водой.

Но вот фигура Эрлона с высоко поднятой рукой скрылась за зарослями, и боль сразу утихла. Вставали новые задачи, и их надо было решать.

Ущелье змеёй вилось между покрытых до половины высоты кустами гор; острые серые вершины гордо возвышались над зелёным царством. Вокруг путников вновь раскинула свои мягкие крылья безжизненная тишина; однако то и дело попадались отпечатки чужих копыт, и по ночам часовые до рези в глазах вглядывались в недвижный сумрак.

После встречи с Саруманом минуло пять дней, клыки гор мало-помалу опускались всё ниже, и в один прекрасный момент кусты поглотили последнюю серую проплешину. Ущелье кончилось, теперь вокруг раскинулись холмистые, густо покрытые зеленью земли. Тропа сделалась шире – к ней присоединилось ещё несколько стёжек. Один раз, когда особенно сильно потянуло ветром с востока, Келаст насторожился и стал уверять всех, что чувствует запах дыма; однако гномы ему не поверили – слишком далеко ещё выходило по карте до обитаемых земель. Но следовало остерегаться наверняка шныряющих в этих краях дозорных Олмера, как следовало и решить наконец: что делать дальше?

Дорваги не собирались менять своих намерений: они свято соблюдали приказ старшин – провести разведку и скорым ходом назад, в родные леса. Фолко понял, что Торин втайне надеялся уговорить кого-нибудь из людей пойти с ними дальше; однако дорваги были непреклонны.

– Здесь наши дороги расходятся, – озабоченно сказал гномам Келаст.

Было утро шестого дня, предстояло перевалить очередную гряду высоких холмов, крутобоких, наглухо заросших; тропа сворачивала на юг, но дорвагские разведчики благоразумно рассудили, что её-то и будут стеречь в первую очередь, и решили попытать счастья в нехоженых чащобах. За холмами, судя по карте, начиналась обширная равнина; люди хотели заглянуть туда по возможности не с парадного входа.

– Либо мы тайно проберёмся к поселениям и разузнаем всё, – продолжал Келаст, – либо рискуйте сами. Нам нельзя больше идти тропами. И вообще, я не понимаю этого Олмера – он либо беспечен до глупости, либо уверен в своих воеводах – также до глупости. Почему не заняты проходы в Опустелой гряде? Почему никто не стережёт нас здесь, где так легко перебить из засады любых незваных гостей? Нет, решено – костры больше не разводим. Придётся ночью помёрзнуть...

– Нам нужно подумать, – хмуро ответил Торин, и трое друзей отошли в сторонку.

– Если мы собираемся, как вроде хотели сперва, вступить в войско Олмера, нам нельзя таиться, – начал Торин, когда Малыш и Фолко уселись на мшистых камнях. – Напротив, надо отдаться в лапы патрулю. Во всяком случае, идти открыто.

– Если только у патруля не будет приказа убивать на месте всех, кто не знает слов пропуска, – возразил Малыш.

– Мифрил выручит – отобьёмся, – сурово промолвил Торин. – Нам сейчас главное – узнать, что это за люди, что ими движет? Где сила Олмера – вот тот проклятый вопрос, который мы не можем разрешить уже почти два года и не разрешим никогда, если не станем рисковать. Что смогут вызнать дорваги? Ну, сосчитают мечи и копья, боевых и заводных коней. Если повезёт, возьмут «языка», если повезёт ещё больше, узнают, какие из восточных племён присылают сюда гонцов... Но нам-то нужно не это!

– Нас убьют, – мрачно покачал головой Малыш. – Мы ведь уже спорили об этом, Торин. Ты хочешь выдать себя за его сторонников – но мы ведь почти ничего не знаем о том, что он говорит своим людям, чем увлекает за собой! Вспомни Герета. Он пошёл за Олмером потому, что ему помогли.

– А нам он разве не помог? – вскинулся Торин. – Кинжал хоббита – это ли не помощь? Это ли не прекрасный предлог для нас? Да ещё моё топориче... Мы скажем – вот, мы получили великие дары и пришли отблагодарить дарителя. Если и раскусят – то не сразу.

– Но Фолко говорил, что этот Олмер собирается куда-то далеко на восток, где тангар никогда наковальни не ставил, – упорствовал Малыш. – Мы же собирались идти за ним – к Дому Высокого, разве не так? А вы хотите вступить в войско. Вы станете слугами Олмера и уже не сдвинетесь с места без его приказа.

– Там видно будет, – отмахнулся Торин, но хоббит заметил, что слова Малыша его озадачили.

– С дорвагами надо прощаться, – поддержал Торуна Фолко. – Пойдём по тропе – обязательно наткнёмся на заставу.

Расставание с друзьями-дорвагами было коротким и немногословным. Уговорились, что люди, тайно разведав всё, что возможно, отыщут гномов и хоббита, которые постараются держаться как можно больше на виду.

– Даже если мы не встретимся, – сумрачно говорил дорвагам Торин, – помните, что ваши ополчения должны быть наготове. Олмер про вас не забудет, не из таких. С ним или против него – вам придётся встать на одну из сторон. Над схваткой не удастся удержаться никому.

– Это почему же? – вдруг возразил Келаст. – Удавалось раньше, почему же не получится теперь? Мы на отшибе, в наши леса лезть – себе дорожке обойдётся. Что ему в нас? Даже если он начнёт войну – посмотрим ещё, куда повернёт.

– Ну а если на Запад? – прищурился Торин. – Если он минует вас?

– Пусть Запад разбирается сам, – спокойно сказал Келаст. – Мы не станем класть за него головы наших.

Дорвагские разведчики скрылись в кустах, а друзья, проверив кольчуги, неспешно тронулись дальше – открыто, на виду у всех, кто мог прятаться на склонах; теперь оставалось только ждать. Хоббит на всякий случай заколол плащ заветной фибулой, найденной ещё в Арноре. Весь день тропа вела их, постепенно расширяясь, сначала к югу, а затем устремилась

в широкий проём между двух далеко отстоящих друг от друга холмов. За переломом угадывалась скрытая голубой дымкой равнина. Солнце миновало полдень, стало припекать. Мирные птицы, стрёкот кузнечиков, сочная трава по краям тропы... Тихо, мирно, «благостно», как сказал бы дядюшка Паладин, будь он в хорошем расположении духа. Как ни приказывал себе хоббит быть начеку, мысли против его воли текли совершенно в ином, мирном направлении. Хорошо бы поваляться на траве да поудить рыбку, а вечером собраться с друзьями, поплясать под немудрёные звуки их маленького оркестра... Пони, переступая копытами, нёс и нёс хоббита вперёд. Много, очень многое было оставлено позади – без сожалений, легко и бездумно. И по-прежнему он не слишком сожалел об утраченном покое, подхваченный могучими волнами вздыбившихся в Средиземье новых сил.

Дорога, в которую мало-помалу превратилась тропа, вывела их наконец к перелому. Если Олмер и тут не держал своих секретов, он поистине должен был быть лишённым разума. Вон холмы какие – поставь там вышку да наблюдай! А когда путник перевалит за излом и двинется вниз, под гору, – ищи его там, на равнинах.

Торин натянул поводья. Друзья остановились на середине дороги, глядя вниз на убегающие вдаль долгими и пологими склонами просторы, на перемежающиеся островками роц массивы жёлтых полей и немногочисленные деревни, кое-где видневшиеся среди зелёных куп. Мирная, совсем не воинственная и не мрачная страна открылась их взорам, без пограничной стражи, без сторожевых постов, столь обычных для Запада. До ближайшей деревни, однако, было не меньше лиги, дома казались отсюда совсем крошечными. Зоркий Фолко разглядел неспешно тянущиеся повозки, одиночных всадников, пеших путников... Друзья переглянулись в недоумении. Не такой представлялась им цитадель Олмера – какой угодно, только не такой. Какие-то вольные землепашцы, да и только!

Очевидно, все они в эту минуту помыслили об одном; и Торин, сжав губы, молча махнул рукой – поехали... Прятаться не имело никакого смысла; оставалось лишь найти кого-нибудь посмекалистее и расспросить как следует, прикидываясь ничего не понимающими чужестранцами, которые не против того, чтобы попасть пред светлые очи здешних заправил.

– Мы все – гномы, – на всякий случай напомнил товарищам Малыш. – Фолко, не проговоришься! Дай-ка, ещё раз на тебя погляжу... Нет, не пойдёт, никак не пойдёт! Нет в тебе исконной гномьей солидности! Может, лучше и не начинать? – обратился он к Торину. – Его же любой тангар сразу раскусит.

– Ладно, скажем как есть, – отмахнулся Торин, похоже, его мысли в этот миг были заняты чем-то иным. – Неужто это и есть земля Короля-без-Королевства? Сколько же лет и труда надо во всё это вбухать? Сколько ж лет назад он здесь укрепился?

Дорога, петляя среди негустых, изрядно прореженных вырубкой роц, вывела их на край пшеничного поля и влилась в более широкую, идущую с северо-запада на юго-восток. Вдоль дороги появилась изгородь; вдалеке, внезапно вынырнув из-за холма, на их пути замаячили двое конных. Они неспешно трусили навстречу друзьям, не проявляя ни малейшей тревоги; вид этих безмятежно приближающихся фигур почему-то показался друзьям настолько пугающим, что Малыш невольно заёрзал в седле, примериваясь к мечу; Фолко, непроизвольно облизнув губы, положил ладонь на рукоять метательного ножа; проверил, как сидит шлем, и сам Торин.

– Спросим дорогу до ближайшего трактира, – глухо бросил он спутникам; хриплый голос выдавал волнение. – Начнут спрашивать – едем из Эребора. И ни в коем случае не хвататься за меч!

Среди колосьев мелькали голубые венчики васильков; лёгкий ветер чуть заметно колыхал тугие колосья. Всадники поравнялись с путниками и резко осадил коней, пристально разглядывая, очевидно, не очень-то частых здесь гостей. Во все глаза глядел на всадников и хоббит.

Это были зрелые мужчины, невысокие, но широкоплечие, подобные гномам; простые тёмные кафтаны, длиннополые, почти до колен; чуть ли не до груди доставали густые вислые усы, а волосы были острижены в круг. У каждого имелся кривой узкий меч, но кольчуг они не носили. Один из верховых, с каким-то серебристым значком на левом плече, направил своего коня прямо к незнакомцам. Голубоватые глаза смотрели пристально, но без страха или подозрительности. Он заговорил – но на каком-то непонятном языке, хотя в потоке странных слов и попадались знакомые.

Торин с виноватой улыбкой развёл руками, знаками показывая, что не знает этого наречия, и человек остановился, с лёгким удивлением подняв брови. Тут вмешался второй, положил руку на плечо первому и что-то негромко сказал. Всадник со значком пожал плечами и задал вопрос на плохом всеобщем, говоря со странным акцентом:

– Кто вы? Откуда? Куда едете?

– Мы ищем почтенного и славного мечника Санделло, – неожиданно для всех вдруг сказал Торин; то ли решил сразу брать быка за рога, то ли хотел огорошить соратников Олмера (если они таковы) своим знакомством с его ближайшим подручным.

И подействовало! Имя это явно было известно повстречавшимся им всадникам: чуть заметно дрогнули губы у первого, слегка вжал голову в плечи второй... Однако первый воин с прежней надменностью повторил заданные вопросы.

«Торин ошибся! – молнией мелькнуло в мыслях Фолко. – Если мы и впрямь разыскиваем Санделло, то не станем спрашивать об этом первого встречного. Раз мы его знаем, то должны бы разбираться в здешних порядках! Если уж выдавать себя за разведчиков, то не так же!»

Торин засопел и нахмурился: явно понял, что сделал промашку. Эти люди далеко не трусливы, горбуном их не запугаешь; теперь, если назвать себя, значит, признаться, что никакого дела к Санделло они не имеют и лишь прикрываются его именем; оставалось упорствовать.

И Торин стал упорствовать.

– Вам что, неизвестно это имя?! – загремел он. – Немедленно укажите нам, как добраться до него! Это срочно!

– Здесь не кричат, гном, – старательно выговаривая слова чужого языка, холодно произнёс первый воин. – Мы не знаем тебя. Назови знак прохода.

– Странная же вы пограничная стража! – держась как можно самоувереннее, ухмыльнулся Торин. – Спрашиваете пропуск, когда мы уже давно въехали внутрь!

Воины переглянулись. Затем старший со значком на плече вновь повернулся к друзьям.

– Вы поедете с нами, – спокойно произнёс он, глядя прищуренными глазами на угрюмо молчащих друзей. – К обиталищу... Расскажите всё, если вы свои. Бежать не нужно.

Кивком он указал на одиноко стоящую возле дороги берёзку, мимо которой гномы и Фолко проехали несколько минут назад: там, прислонившись к стволу, спокойно и неподвижно стоял одетый в зелёное человек, в закрывающей всё лицо зелёной же повязке с узкими прорезями для глаз. Руки его сжимали длинный лук, в полный рост воина. Стрела уже лежала на тетиве. Оторопев, хоббит скосил глаза – из пшеничного поля бесшумно поднялись ещё семеро лучников. Все они стояли молча, и у каждого тетива была растянута до самого уха.

Ни малейших следов злорадства не заметил Фолко на лице первого воина. Ни злорадства, ни ожесточения, ни тупой готовности – глаза человека, казалось, были покрыты непроницаемой бронёй, и внутренний взор хоббита бессильно скользил по ней, не в состоянии проникнуть в помыслы противостоящего.

– Почтенные, – раздался показавшийся хоббиту преувеличенно спокойным голос Малыша. – Мы не знаем, да и не можем знать вашего пропуска. Мы издалека. Мы ищем человека, который известен нам под именем Санделло, горбун, знаменитый на Закате мечник. Если вы отведёте нас к нему, все недоразумения решатся сами собой.

– Вы идёте за нами, – не обращая внимания на слова Малыша, проронил первый воин, – к обиталищу... Мы не разговариваем, когда охраняем. Говорить и решать будут другие.

Бесстрастность воинов бесила хоббита, и, хотя он понимал, что это всего лишь маска, путей заглянуть под неё он не видел. Они явно знают Санделло! Знают, но что-то мешает им просто воскликнуть: «Ба! Да он тут совсем рядом! Мы так и знали, что вы свои!» Хоббит как бы ненароком откинул складку плаща с висящего на груди Когтя: однако стражи то ли ничего о кинжале не знали, то ли вновь не подали вида. Лишь на фибуле, что красовалась на левом плече хоббита, на мгновение задержался холодный взгляд старшего воина; задержался и тотчас скользнул дальше.

– Что ж делать... Едем, куда велят, – тихо проговорил Торин и вдруг добавил несколько быстрых слов на неведомом хоббиту языке, обращаясь к Малышу.

Всадник недвусмысленным кивком головы приказал им ехать вперёд. Лучники тем временем вновь попрятались, однако их незримое присутствие ощущалось каждое мгновение; если бы не вера в мифрил, хоббит вообще не рискнул бы оборачиваться.

Но что же всё-таки сказал Малышу Торин? Он говорил явно на своём, тайном языке, который никогда не использовался гномами даже в разговорах между собой, если среди них оказывался иноплеменник. Неужели опять уговариваются о чём-то вроде «ты переднего, я заднего»?

Они неспешно ехали по направлению к деревне. Жилища в ней напоминали дорвагские, однако стены домов были все обшиты досками, двускатные острые крыши выдавались вперёд, нависая над прикрылечными палисадниками. Забрехали псы за высокими заборами; из сторожки возле крайнего строения появилось ещё несколько воинов – все из различных племён, и Фолко уже не удивлялся соседству хазга, арнорца и истерлинга; и были там ещё двое или трое совсем незнакомых, и Фолко услышал, как Торин в задумчивости пробормотал:

– Под Форностом мы таких не видели...

Воин с серебряным значком что-то негромко сказал светловолосому арнорцу (впрочем, с таким же успехом тот мог оказаться уроженцем Ангмара). Тот, очевидно командир заставы, быстро окинул чужеземцев не слишком приятным, недоверчивым, буравящим взглядом глубоких тёмных глаз, в которых, однако, хоббит читал и волю, и храбрость. Его взгляд задержался на фибуле Фолко, но и этот воин тоже промолчал.

Друзья спешили. Никто не хватал их под руки, никто не отбирал оружие, не срывал шлемов; люди молча смотрели на них, словно ожидая чего-то. Торин уже было раскрыл рот, видя, что хозяева не торопятся начинать беседу, однако его опередил Малыш.

Почтительно поклонившись, он стал медленно, с расстановкой, старательно подбирая слова, говорить о том, что они разыскивают человека, которого когда-то знали под именем Санделло, что какое-то время назад, далеко на Западе, где произошла их встреча, он звал их присоединиться к нему и его друзьям в начатом ими большом деле основания свободного союза всех смелых и презирающих сытую дрёму витязей. И что они, преодолев множество преград и опасностей, добрались наконец до места, где, как им указали, его можно найти; если они ошиблись, то они просят не держать на них сердца за это вторжение; и если в этих краях никогда не слышали о знаменитом горбатом мечнике, то путники продолжают поиски.

Малыш закончил свою долгую и витиеватую речь. Наступило молчание. Фолко впился взглядом в глаза начальствующего над заставой воина; решалась их судьба; может, сейчас придётся драться...

– Положите ваши мечи, – холодно произнёс командир порубежной стражи. – Оставьте своё оружие и отвечайте мне. Сейчас не те времена, когда чужеземцы могут так запросто разгуливать по области Эззарх. Назовите ваши имена, ваш род и каким путём вы попали сюда. Кто указал вам дорогу? Идите в дом.

Под пристальными взглядами стражников гномы и хоббит положили на лавку свои мечи и топор. Фолко снял с плеча колчан, однако его не стали обшаривать, и Коготь остался у него на груди, как и перевязь с восемью метательными ножами.

В небольшой комнате – судя по обилию оружия на стенах, караульной – их усадили в дальний от двери и окон угол. Вслед за ними вошли с улицы ещё пять или шесть воинов – теперь против друзей оказался добрый десяток людей. У Фолко вспотели ладони, покрывшись холодным и скользким налётом... Мрачно озирался, точно ища лазейку, Торин, один Малыш ещё сохранял, по крайней мере видимое, спокойствие.

– Так говорите же, кто вы такие и что вам надо? – начал разговор, а точнее допрос, начальник заставы.

– Мы гномы из Эриадора, – смиренно ответил Малыш, – а наш товарищ Фолко, сын Хэмфаста, – хоббит из Хоббитании, страны народа, именуемого на Востоке половинчиками. Мое имя Строри, сын Наина, а это Торин, сын Дарта.

Мы уже сказали, для чего мы пришли сюда – мы ищем человека, который известен нам под именем Санделло... Если вы не знаете такого и ручаетесь, что мы не найдём его в ближайших окрестностях, разрешите...

Краем глаза хоббит заметил быстрое движение, которое сделал один из воинов, обращаясь к только что вошедшему новому товарищу, – волнообразное движение рукой, словно очерчивающее гроб!

Здесь явно знали Санделло, знали, но не показывали виду...

– Мы не разрешаем чужакам ходить по нашим землям, – не меняя холодного тона, сказал капитан. – Вы пойдёте к тем, кто знает и может больше нас.

Не слушая протестов Малыша и Торина, гномов и Фолко спокойно, но твёрдо вытолкнули на улицу. Шестеро воинов вскочили в седла, готовые сопроводить незваных гостей...

«Что делать? – думал Фолко. – Играть роль до конца или попытать счастья в открытом бою, пока не затащили куда-нибудь в глубь вражеской земли, откуда едва ли можно будет выбраться?»

Он впился глазами в Торина. Даст он сигнал или нет? Наклонит ли голову, положит ли правую руку на бедро, как бы берясь за топор, чтобы в следующий миг сидящий напротив Торина капитан упал с ножом хоббита в горле, а гномы уже успели схватить какое ни есть оружие?..

Торин не дал сигнала. Он коротко глянул на хоббита, и в этом взгляде было отрицание. Отрицание и горькая готовность идти до конца и на всё, лишь бы зацепиться здесь и остаться среди вчерашних врагов, имея хоть какую-то свободу для исполнения задуманного.

Один из воинов собрал оружие друзей, небрежно увязал в тюк и приторочил к седлу. Капитан, выйдя на крыльцо, что-то негромко приказал своим – и гномам вместе с Фолко был сделан недвусмысленный знак: «А ну, поехали!»

Весь день они двигались всё дальше и дальше на восток от Опустелой гряды, по хорошо укатанной дороге в глубь страны Олмера. У хоббита всякий раз сжималось сердце, когда он украдкой бросал взгляд на окружавший их молчаливо-безразличный конвой. Высокие, бесстрастные воины рысили на прекрасных, под стать хозяевам, каурых и буланых конях.

«Уж не к быстрой ли смерти в гости едем?» – подумал Фолко.

Он косился на каменные лица стражников, на угрюмо уставившегося в землю Торина, на меланхолично грызущего на ходу сухарь Малыша – и не мог понять, правильно ли они поступили, отдавшись в руки страже, и это сбивало с толку, мешало рассуждать и обдумывать дальнейшие действия. Ничего не оставалось делать, как смотреть по сторонам!

Мирные деревни хлебопашцев сменялись рощами, всё более густыми и протяжёнными; исчезли последние намеки на всхолмлённость, местность окончательно выровнялась. Дорогу обступили вязы и грабы, поля кончились, однако ветер нёс с востока запах дыма, и этот запах

невозможно было спутать ни со смрадом пожарищ, ни с удушливой гарью лесных палов – это был запах недалежного жилья.

И оно вскоре показалось – но, к удивлению Фолко, селение резко отличалось от пограничной деревни. На обширном, несколько лиг в поперечнике, безлесном пространстве, окружённом синими стенами далёких перелесков, теснились высокие, судя по всему легко переносимые с места на место шатры из какой-то очень плотной ткани; из отверстий в их кровлях поднимался дымок. К югу, где в стене зарослей виднелся далёкий просвет, что-то вроде ворот на какую-то ещё равнину, паслись конские табуны; на глаз Фолко показалось, что в них не менее пяти сотен голов. С севера из леса выбегал ручей, огибая становище, и исчезал в восточных луговинах. Между шатрами мелькали невысокие тени их обитателей, и Фолко узнал хазгов. Потребовалось как следует стиснуть зубы и прикрикнуть на себя, чтобы ничем не выдать вдруг подкатившего тошнотворного ужаса: а что, если кто-то из этих удалыцов опознает Торина, лихо рубившего их собратьев в памятный день битвы на полпути от Форноста к Аннуминасу?

К дороге, поглазеть на странных пришельцев, стремглав вылетело несколько ребятишек; и долгим взглядом узких глаз проводил хоббита один из немногочисленных взрослых, оказавшихся тогда в становище. Вообще селение казалось опустевшим; Фолко дорого дал бы за то, чтобы узнать, куда делась подавляющая часть его населения.

Было уже далеко за полдень, когда они, миновав длинный участок лесной дороги, вновь оказались на краю круга полей. Снова начинались посёлки – только здесь дома строились наполовину из камня, и хоббит подивился настойчивости обитателей – сколько нужно было трудиться, чтобы дотащить сюда такие груды плиточника. Селение окружал тын, и оно не тянулось ниткой вдоль дороги, как пограничные деревни, а сжималось в комок, точно ежесекундно ожидало коварного нападения. Плотнище широких ворот было всё ж таки отвалено, и в проёме дремал, опираясь на копьё, рослый бородатый часовой, смуглый и курчавоволосый; при виде конвоя он поспешно вытянулся, торопливо сдёргивая ношенный синий плащ. Начальник стражи, тот самый воин с серебряным знаком на плече, повстречавшийся друзьям на пограничной дороге, бросил на ротозея презрительный взгляд, но не сказал ни слова. Они въехали в ворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.